

ПТИЦЫ озёр и болот

В. В. ХРОКОВ, А. И. КОШЕЛЕВ

ПТИЦЫ ОЗЁР И БОЛОТ

В. В. ХРОКОВ, А. И. КОШЕЛЕВ

АЛМА-АТА
«КАЙНАР»
1989

ББК 28. 693. 35
X 94

Рецензент —
С. Н. Ерохов,
кандидат биологических наук

Хроков В. В., Кошелев А. И.
X 94 Птицы озер и болот.— Алма-Ата: Кайнар, 1989.—272 с.

В научно-популярной книге рассказано об образе жизни и особенностях поведения водоплавающих и околоводных птиц, их значении для человека и роли в экосистемах. Среди птиц есть как широко распространенные и многочисленные виды, так и малоизвестные и редкие, в том числе занесенные в Красные книги СССР и Казахской ССР.

Для любителей природы, а также широкого круга читателей.

X $\frac{1907000000-003}{403(05)-89}$ 006-89 ББК 28. 693. 35

ISBN 5-620-00188-1

© Издательство «Кайнар», 1989

Гнездо камышницы
тщательно укрыто
в густых зарослях

Гнездо шилохвосты на
солончаке обильно выстлано
собственным пухом

Самка чибиса
насиживает кладку

**Плосконосый плавунчик,
житель арктических тундр,—
редкий гость казахстанских
водоемов**

Птенец шилоклювки —
пуховой шарик
на длинных ножках

Остров Средний на Алаколе — место гнездования реликтовых и серебристых чаек, черноголовых хохотунов, чеграв и многих других птиц.

**«Детский сад»
черноголового хохотуна**

**Чегравы —
самые крупные крачки
нашей фауны**

**Кулик-перевозчик
кормится на урзе
воды**

Зимородок
Птенца малого зуйка
едва разглядишь
в прибрежной траве

**В колонии
кудрявых пеликанов**

Лебеди-шипуны —
украшение степных водоемов

Закат
в низовьях Сарысу

Пожар в тростниках —
экологическая катастрофа

*Основателю казахстанской
орнитологии И. А. Долгу-
шину посвящается*

КАЗАХСТАН — ОЗЕРНАЯ СТРАНА

В созвездии братских республик Казахстан занимает особое место. На его бескрайних просторах привольно разместились все природные зоны: горная тундра, тайга, лесостепь, степь, полупустыня и пустыня, горы и моря. Именно со степями и пустынями, с высокими горами в белых шапках снегов ассоциируется у многих слово Казахстан. Но не все знают, что Казахстан — это обширная озерная страна. Несмотря на резко континентальный засушливый климат, в республике насчитывается свыше сорока восьми тысяч озер, от небольших по площади (в несколько десятков гектаров) до огромных по размерам, как Балхаш, Зайсан, Алаколь, Тенгиз, Селеты-Тенгиз, Маркаколь, Сасыкколь, уступающих лишь морям — Каспию и Аралу. Это тоже озера, но их за гигантские размеры принято называть морями, и Каспий считается самым большим озером нашей планеты. Особенно много озер появляется после многоснежных зим, когда все котловины в степи и лесостепи наполняются водой. В сухие годы часть озер, особенно в полупустынной и пустынной зонах, пересыхает.

Обилен Казахстан реками, речками и ручьями, кото-

рых насчитывается десятки тысяч. Крупнейшие из них — Иртыш, Урал, Сырдарья, Или, Ишим, Нура — имеют протяженность в сотни километров, но только Иртыш через систему Оби имеет выход в Северный Ледовитый океан. Остальные реки завершают свой бег в замкнутых озерах или песках. Реки различаются по размерам, характеру течения и питания, особенностям водного режима и нраву. Много рек в горах, они обильно питаются тающими ледниками, стремительны и бурливы, берега скалистые и очень живописные, то голые, то густо поросшие деревьями. Воды рек, сбегаящих с гор, широко используются на орошении садов и полей. Равнинные реки получают воду от таяния снегов, дождей и грунтовых источников. Они извилистые, образуют многочисленные старицы и протоки, островки и отмели, течение спокойное и плавное. Степные речки полноводны весной, а к середине лета пересыхают, образуют обособленные плесы.

Болот в Казахстане мало, сосредоточены они преимущественно в северных и восточных районах лесостепной зоны. Меньше известны болота на Алтае и в горах Центрального Казахстана. В предгорьях и горах Тянь-Шаня на значительных высотах встречаются своеобразные болота — сазы в виде мокрых участков по ключам и понижениям рельефа.

Наиболее обводнен Северный Казахстан, где располагается около половины всех озер республики, голубыми пятнами украшающих лесостепь и степь. Не так уж безводна и пустыня! Правда, вода в пустынных озерах чаще всего соленая или горько-соленая. В последнее время появилось немало рукотворных озер: водохранилищ, прудов, водоемов-накопителей.

Поразительно разнообразен и красочен птичий мир Казахстана, насчитывающий почти пятьсот видов. Среди них представители водно-болотного комплекса занимают особое место, это более половины видов пернатых, заре-

гистрированных в Казахстане. А по численности эта группа птиц не имеет равных, многие виды представлены сотнями тысяч и миллионами особей. Множество водоплавающих и околоводных птиц гнездится на водоемах Казахстана, еще больше останавливается во время перелетов на отдых, кормежку, слетается летом на линьку. Здесь пересекаются трассы миграций птиц, гнездящихся в Казахстане и на просторах необъятной Сибири, а зимующих в Китае, Индии, Иране, Турции, Африке.

Кто же они — водоплавающие и околоводные птицы, по каким признакам виды объединены в одну группу «водных»? Несмотря на существенные различия в систематическом, морфологическом и экологическом плане, главное для всех этих птиц то, что они не могут жить без воды и вне водоемов. Строят на них гнезда, добывают пищу, скрываются от врагов. Птицы освоили воду, густые тростниковые заросли, кустарники и деревья по берегам, скалы и обрывы, отмели и острова.

Самые «водные» среди них — водоплавающие птицы, к которым традиционно относят гагар, поганок, пеликанов и бакланов, пластинчатоклювых (лебедей, гусей и уток), лысух. Все они прекрасно плавают и неплохо ныряют, что наложило отпечаток на их внешний облик. У типичных водоплавающих птиц вальковатое тело, несколько уплощенное снизу, относительно короткие и узкие крылья, плотное жесткое оперение. На коротких ногах, заметно смещенных к хвосту и широко расставленных, на пальцах имеется плавательная перепонка, образующая гребную лопасть. У большинства видов перепонка соединяет три пальца, направленных вперед, у некоторых — все четыре, у третьих — каждый палец имеет свою перепонку-оторочку. Хорошо развита копчиковая железа, секретом которой птицы периодически смазывают перья, предохраняя тело от намокания. Пищу добывают в толще воды или на ее поверхности.

К околоводным, или водно-болотным, птицам относят

цапель, аистов, фламинго, чаек и крачек, куликов, мелких пастушков, некоторых ракшеобразных (зимородок), воробьиных (оляпки, трясогузки, камышевки, сверчки и другие), даже хищных птиц (скопа, болотный лунь, черный коршун). Из них плавательную переноску имеют все чайковые птицы и фламинго, из куликов — шилоклювка и круглоносый плавунчик. Они, как и типичные водоплавающие птицы, добывают корм на воде. Для остальных околоводных птиц характерны длинные ноги с тонкими длинными пальцами, шея и клювом, развитая копчиковая железа. Все они гнездятся у воды или на воде. Добывают пищу более разнообразными способами на мелководьях и отмелях, на суше и в воздухе.

Разобраться досконально в многообразии водно-болотных птиц под силу орнитологу. А как быть неспециалисту, просто любознательному человеку? Надо сначала научиться узнавать «в лицо» наиболее обычных и доступных для наблюдений птиц, а со временем углублять свои знания. При встречах с неизвестными птицами важно успеть запомнить как можно больше отличительных и характерных признаков (размеры, окраска, песня, поведение). Большую помощь окажут также полевые определители, справочники, изданные в нашей стране и за рубежом. В каждом крупном городе есть краеведческий музей, где можно получить консультацию специалистов.

Начиная со школьных лет мы старались проводить на природе все свое свободное время. Делались торопливые записи в блокнотах, жадно схватывались и запоминались особые приметы внешнего вида, голоса и повадки пернатых. С тех пор утекло много воды, мы стали профессиональными орнитологами, занимаемся изучением и охраной водно-болотных птиц. Но каждый год по-прежнему они преподносят сюрпризы, необычайно радуют и доставляют удовольствие.

В нашей стране делается очень многое для охраны

птиц. В 1983 году при Академии наук СССР создано Всесоюзное орнитологическое общество, объединившее всех профессиональных орнитологов и любителей. Вступить в него могут все желающие независимо от основной профессии — школьники, студенты, рабочие и служащие; главное, что требуется, — любить птиц, уметь наблюдать за ними и охранять. Мы глубоко убеждены и верим, что редчайшая краснотелая казарка, эндемик нашей страны, ставшая символом и эмблемой советских орнитологов, не исчезнет с лица земли по вине человека. Не должны исчезнуть и другие редкие «краснокнижные» виды. И через сотни лет они по-прежнему будут украшать наши края.

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПУРСИИ

- Чомга ● Лебедь-шипун
- Серый гусь ● Кряква ● Ши-
лохвость ● Широконоска ● Чи-
рок-трескунок ● Хохлатая чер-
неть ● Красноголовый нырок
- Савка ● Лысуха ● Водя-
ной пастушок ● Болотный лунь
- Озерная чайка ● Болотные
крачки ● Чибис ● Травник
- Поручейник ● Большой ве-
ретенник ● Турухтан ● Бело-
хвостая пигалица ● Варакушка
- Тростниковая овсянка

ОАЗИСЫ СТЕПЕЙ

Поистине бескрайни казахстанские степи, простирающиеся в республике с запада на восток, доходящие на юге до Арало-Каспийских полупустынь. Травы, травы... Древесная растительность встречается только по долинам крупных рек.

Пролетая весной на самолете во время учетных работ, поражаешься разнообразию десятков тысяч озер, больших и малых, пресных и соленых, с голыми берегами и пероспичным тростником, обычно мелководных и необычайно продуктивных. Малахитовой зеленью выделяются озера среди выгоревшей серой степи. Богатые водными и околоводными птицами, они по праву считаются оазисами степей.

Почти двести видов птиц связано со степными озерами. Летом на них гнездятся лебеди, серые гуси, речные, нырковые и земляные утки, невообразимое количество лысух. По берегам бродят различные кулики, среди которых выделяются пестротой окраски длинноногие ходулочники, крикливые чибисы и травники, длинноносые

большие веретенники и крошшепы. Над мелководьями, поросшими вейником, осоками и мелким тростником, вьются стаи белоснежных озерных и малых чаек, черным дымком мельтешат черные и белокрылые крачки. Невзрачные камышевки без устали шныряют среди густых зарослей, а над тростниками вьются хищные болотные луни в поисках очередной жертвы. Кроме гнездящихся видов на степные озера слетаются летом на линьку десятки и сотни тысяч уток, гусей, куликов, тысячи журавлей с огромных просторов Сибири и Казахстана, месяцами жируют на разливах холостые северные кулики и утки. Во время осеннего пролета озера опять поражают любого наблюдателя огромными стаями уток, гусей, куликов и чаек, коим нет числа.

С удовольствием окунались мы после долгой зимы, проведенной в стенах городской лаборатории, в птичий мир озер, отсчитывали весной дни до выезда на полевые стационары. Озера всегда встречали нас песнями камышевок и чеканов, варакушек и камышовых овсянок, резкими свистами погонышей и визгами водяных пастушков, печальными криками лысух и камышниц, волнующим гогогом гусей и кряканьем уток, мелодичными трелями черношейных и красношейных поганок, «ржаньем» серощеких поганок, гомоном чаек и крачек. В первые дни уши, привыкшие к городскому шуму, плохо воспринимали эти сложные концерты. Но проходило время, освежались прошлые знания, накапливались новые данные; уже не ставили в тупик таинственные ночные голоса пастушков, рев больших выпей, глуховатое «гэканье» волчков. Натренированное ухо безошибочно различало песни дроздовидных и индийских камышевок, барсучков, желтых и желтоголовых трясогузок, соловьиных сверчков, усатых синиц и многих других озерных птиц. А по вечерам воздух звенит от песен сотен цикадок и благозвучного хора жаб. Пение жаб протяжное и очень мелодичное, звучит как «уррр, уррр, уррр». Оно, как это ни странно, уступает

лишь голосам певчих птиц, да и то только своим однообразием.

Водоплавающие и околоводные птицы на долгие годы стали объектами наших научных исследований, нашей радостью и болью. Болью за их судьбу, за их жизни.

Чтобы поближе познакомиться с обитателями озер, нам пришлось обзавестись легкой деревянной лодкой, которую можно было перевозить в кузове автомашины. В эту поездку предстояло обследовать большое озеро, с труднопроходимыми заламами тростника, илистым дном и топкими грязевыми отмелями. По узкому извилистому проходу через сплавины, толкаясь длинным деревянным шестом, мы через час смогли пробиться на центральный плес. На выходе путь преградили рыболовные сети, в них шумно бились крупные птицы. Пришлось поспешить им на помощь. Больших усилий и времени стоило выпутать из сетей трех поганок, из них две оказались большими, а одна — серощекой. Окольцевав их, мы полюбовались красотой брачных нарядов птиц и выпустили на плес.

На озерах Казахстана гнездятся пять видов поганок, которые различаются окраской и размерами. Большая, или чомга, размером с утку, шея спереди белая, рыжие удлиненные перья «воротника» обрамляют белые щеки, на голове длинные «ушки». Масса ее достигает почти полутора килограммов. *Серощекая поганка* несколько меньше большой, у нее действительно серые щеки, черная шапочка на голове, ярко-рыжая шея спереди, отсутствуют «воротник» и «уши». С чомгой этот вид на некоторых водоемах конкурирует из-за мест гнездования и пищи; эти виды обычно взаимно вытесняют друг друга, такое явление называется викариатом.

Поганок образно называют птицами-водолазами. Им наряду с гагарами принадлежат рекорды погружения: в рыболовных сетях поганок ловили на глубине тридцати—семидесяти метров; под водой проводят до двух минут, проплывая за это время до пятисот метров. Тело поганок

удлиненное, веретенообразное. Ноги, далеко отодвинутые назад, обеспечивают хороший гребок. Каждый палец окаймлен плотной кожистой перепонкой в виде оторочки и закапчивается плоским когтем, по форме напоминающим палец. Оперение на брюхе мелкое, плотное и густое. В прежние годы ради него поганок беспощадно истребляли, получая «птичий мех». Поганки не выходят на сушу и не могут свободно ходить, имеют короткие узкие крылья. И летуны неважные, поднимаются с воды после длительного разбега. Зато плавают великолепно. Удельный вес их тела приближается к удельному весу воды, кроме того, они дополнительно выжимают воздух из оперения. Плышет поганка, а над водой видна только голова и часть шеи, все остальное в воде.

Очень оригинальны гнезда поганок, не имеющие аналогов в птичьем мире,— свободноплавающие или прикрепленные к водным растениям. Они сооружаются на воде среди зарослей, из сухих стеблей тростника, рогоза, на которые сверху наваливаются сырые перегнившие листья, водоросли, за которыми птицы ныряют на дно. На период размножения поганки образуют устойчивые пары, все семейные заботы делят пополам. Отложив три—семь яиц, поганки приступают к насиживанию. Когда пусетка покидает гнездо, она обязательно закрывает яйца растительным мусором, сгребаемым клювом с краев постройки. Укрытые яйца уже незаметны для пернатых хищников, гнездо внешне напоминает обычную земляную кочку. Как выяснилось недавно, первое отложенное яйцо закрывают не все птицы. Исследователи предположили, что такое поведение — своеобразная проба — тест на безопасность места. Белое яйцо отчетливо издалека видно, если имеются хищники, оно погибнет. Ведь для птиц проще потерять одно яйцо и построить новое гнездо в более безопасном месте, чем потерять позднее всю кладку.

Весной сразу после прилета чомги начинают токовать. Зрелище удивительно красивое и трогательное. Вот самец

и самка медленно сплываются, распушив воротники и грациозно изогнув шеи. Затем привстают на воде вертикально, словно танцуют друг перед другом. Расплывшись в стороны, они ныряют, достают со дна кусочки водорослей и подносят друг другу эти своеобразные свадебные подарки. Рассерженная птица, заведя вблизи соперника, взъерошивает оперение, расставляет крылья в стороны и напоминает разъяренного кота — это действие так и названо учеными — «поза кошки». Протяжные гортанные крики чомг «карр, карр» слышны в это время на всех плесах озера.

Вылупившиеся птенцы беспомощны, хотя с первых дней плавают и ныряют. Родители возят их на спине, там и кормят. Словно пассажиры на пароходе, путешествуют птенчики, спрятавшись в перьях. При опасности поганка заныривает вместе с ними; бывает, что не удержится птенец, сорвется со спины и пробкой выскакивает на поверхность. Тут же из воды показывается взрослая птица, неудачник цепляется клювом за ее хвост и буксируется в безопасные заросли. Семьи поганок нередко разделяются, так что при каждом родителе держится по одному — два птенца-любимчика. Кормление наблюдается вплоть до подъема на крыло молодняка.

Для нас чомга стала в последние годы модельным видом изучения колониальности у птиц. На большинстве водосмов она гнездится одиночными парами, соседние гнезда располагаются в ста — пятистах метрах друг от друга. Границы гнездовых участков хозяева ревностно охраняют, предупреждают о своих правах соответствующими криками. Однако в определенных условиях чомга гнездится колониями, состоящими из двадцати — двухсот пар. Соседние гнезда находятся в одном — десяти метрах. Нам удалось выяснить, что к колониальному гнездованию они переходят на озерах, богатых кормом, но с нехваткой гнездопригодных мест — разреженных зарослей тростника. Почти всегда колонии были смешанными, рядом с

чомгами селились озерные и серебристые чайки, речные крачки.

В последние годы ко всем поганкам возникло повышенное внимание, их стали использовать в роли биоиндикаторов на уровень загрязненности водоемов тяжелыми металлами и ядохимикатами. Не утратили они окончательно и охотничьего значения, хотя мясо их невкусно. Добыть же птицу на открытой воде — трудное занятие. Поганки обладают мгновенной реакцией и в момент выстрела успевают нырнуть. Как рыбацкие птицы, большая и серощекая поганки незаслуженно обвинялись в истреблении промысловых рыб. Это не соответствовало действительности, и птиц реабилитировали. Они ловят в основном сорную рыбу, хищных личинок стрекоз и жуков-плавунцов. Только на рыбообразных прудах эти поганки нежелательны, поскольку ловят мальков, приходится их отпугивать.

...На этот раз ход наших мыслей был нарушен сильным шумом в гуще зарослей, казалось, что там в воде буйствует табун лошадей. Заинтригованные, мы тихо проплыли по едва заметному проходу и внезапно оказались на небольшом плесе. Невероятное зрелище открылось глазам — перед нами ожесточенно дрались два *лебедя-шипунa*, даже не заметившие появления людей. Птицы наносили сильные удары крыльями, таскали друг друга за перья клювами, издавая хрипловатые каркающие звуки. Видимо, на территорию гнездящейся пары вторгся другой самец, и хозяин участка выгонял его. Ведь лебеди в сезон размножения отличаются неуживчивым драчливым характером. Наконец одна птица заметила нашу лодку, приткнувшись у тростинка, тяжело разбежавшись по воде, взлетела. Летящий лебедь издавал мерные скрипящие звуки, — то под тяжестью его тела скрипели маховые перья. Второй лебедь молча быстро уплыл в заросли. О недавней борьбе напоминали лишь несколько крупных белых перьев, лениво покачивающихся на воде.

Среди водоплавающих птиц лебедь-шипун занимает особое место. Горделивая осанка огромной белоснежной птицы сразу привлекает внимание. Масса старых самцов достигает двенадцати — двадцати килограммов. В природе у лебедя практически нет врагов, разве что в сухие годы по грязи проникнут к гнезду волк или дикий кабан, съедят кладку. А вот человек еще недавно был главным врагом лебедей, преследовал их ради ценного пуха, пера, мяса, разорял гнезда. Такое отношение людей привело почти к полному исчезновению шипунов в нашей стране, сохранились только отдельные пары в самых глухих участках дельт рек, озер и в заповедниках. В 60-х годах охоту на лебедей запретили, их начали строго охранять. Результаты сказались в ближайшие годы. Благодаря высокой плодовитости и выживаемости птенцов, шипуны быстро восстановили исходную численность и расселились на другие водоемы. Росту численности способствовала также подкормка зимующих птиц в суровые зимы во многих странах. Лебедь-шипун снова стал обычной птицей степных озер. В целях контроля за состоянием популяций в СССР было проведено три всесоюзных учета — переписи лебедей, последний из них — в 1987 году. Эти работы координирует специальная рабочая группа Всесоюзного орнитологического общества.

Кроме шипуна на территории Казахстана изредка гнездится *лебедь-кликун*, а во время миграций иногда залетает *малый*, или *тундровый*, лебедь. От шипуна, имеющего красный клюв и нарост-шипку над клювом, кликун отличается желтым клювом, отсутствием шипки, менее заостренным хвостом; на воде шею держит вертикально, а шипун обычно изгибает.

Шипун относится к моногамным* птицам, знакомство молодых самцов и самок («обручение») происходит в годовалом возрасте задолго до размножения. К гнездова-

* Моногамия — единобрачие.

пию лебеди приступают в трех — пятилетнем возрасте. Пары сохраняются на всю жизнь, но в случае гибели партнера лебедь может создать через две — четыре недели новую пару. Красивые легенды о лебединой верности справедливы, но рассказы о самоубийстве овдовевшей птицы — вымысел. Прилетев в апреле — мае на родной водоем, пара шипунов захватывает большой участок, до ста гектаров и более, изгоняет других лебедей. Эту картину нам довелось наблюдать. Соседние гнезда располагаются в одном — двух километрах друг от друга. Однако в условиях высокой численности участки могут быть намного меньше, а в некоторых странах Западной Европы шипуны даже стали переходить к колониальному гнездованию, собираясь вместе по пятьдесят — двести пар; в таких случаях гнезда располагаются в трех — десяти метрах. Брачные игры шипунов необычайно красочны и эффектны. Самец плавает вокруг самки, приподняв парусом над спиной широкие крылья, грациозно изогнув шею, клювом касаясь воды. Иногда супруги сплываются, переплетаются шеями, погружают по очереди головы в воду — «умываются». После спаривания они привстают вертикально на воде, высоко вытягивают шеи, прижимаются грудью друг к другу, затем ласково перебирают перья партнеру. Примечательно, что при высокой гнездовой плотности самые сильные самцы образуют иногда две семьи с разными самками, которые строят гнезда по соседству или одно общее, а позднее совместно выращивают птенцов. Такие случаи наблюдали не раз в зоопарках.

Массивные гнезда лебедей размещаются на мелководьях в гуще зарослей. Самка вырывает с корнями стебли тростника и складывает их в огромную кучу диаметром до трех метров и высотой до метра. В центре вытаптывается небольшое углубление — лоток, куда самка откладывает пять — девять крупных зеленовато-белых яиц. Формирование таких больших яиц идет долго, они откладываются с интервалом в двое суток. Самка насиживает

кладку тридцать пять дней. А самец все дни проводит по соседству, охраняя гнездо и границы территории. При опасности он издает негромкий крик «урк, урк», и самка заблаговременно сходит с кладки, закрывает ее слегка пухом. Рассерженные шишуну глухо шипят (словно корова, с силой выдыхающая из ноздрей воздух), за что и получили свое название. Знаменитая трубная лебединая песня издается только кликуном.

Что новорожденные лебедята имеют серый пуховый наряд, знает каждый по известной сказке Г. Андерсена «Гадкий утенок». Молодые лебеди сохраняют серую окраску до полуторагодовалого возраста. Птенцов воспитывают оба родителя. Они вырывают со дна рдесты, достают из толщи воды водоросли и бросают на поверхность, чтобы склевывали птенцы. Своих птенцов хорошо «знают» в лицо, а к чужим нетерпимы и могут их убить. Интересно, что в Западной Европе в последние годы появились пары лебедей-шишуну, у которых рождаются птенцы чисто-белого цвета, а у взрослых птиц лапы могут быть красного цвета, а не обычной окраски. Специалисты считают, что это признаки мутантных генов, проявляющихся в синантропных (связанных с человеком, его жильем) популяциях. Их частота наиболее высокая в сильно урбанизированных ландшафтах. В Казахстане пока такие случаи не известны. Но процесс синантропизации шишуну уже начался, лебеди все доверчивее относятся к людям, селятся вблизи городов, а в зимнее время охотно приплывают к подкормочным площадкам, самые смелые птицы берут корм из рук.

Холостые шишуну в июне — июле собираются на пляжах крупных озер и морских заливах на линьку. Как у всех гусеобразных птиц, у них маховые и рулевые перья выпадают одновременно и около месяца птицы не в состоянии летать, пока не отрастут новые перья. Линяющие лебеди кормятся на мелководьях в зарослях гребенчатого рдеста и зостеры, собираются по несколько тысяч вмес-

те. На Каспии серьезную опасность для них, как и для уток, представляют вспышки ботулизма. В жаркое сухое лето в загнивающей воде обильно развиваются бактерии ботулизма, которые выделяют в воду ядовитые токсичные вещества. Они несут гибель птицам. Инкубационный период длится всего два — семь дней.

Взрослые шипуны линяют, в отличие от холостых, при выводке и поочередно, поэтому с птенцами всегда находится способная к полету птица, которая может их активно защищать. На южные зимовки шипуны отлетают в сентябре — октябре, но часть птиц остается зимовать в южных районах республики и на Каспии. Семьи сохраняются до весны, родители продолжают опекать и обучать премудростям жизни выросшее потомство. Это явление — передача традиций — свойственно и некоторым другим гусяобразным, в особенности серому гусю.

Еще в 50-х годах в Северном Казахстане обитало огромное количество *серых гусей*. По наблюдениям профессора А. М. Чельцова-Бебутова, на Наурзумских озерах тысячные стаи гусей вечерами летели на кормежку, а осенью во время пролета насчитывали сотни тысяч этих великолепных птиц. Неумеренная охота на гусей с весны до осени в гнездовой области, на путях пролета и зимовках, усугубленная очередным циклическим усыханием степных озер, привела к резкому снижению их численности, на многих водоемах они полностью исчезли. И только в последние годы благодаря принятым мерам охраны серые гуси снова стали обычными.

Распространены они в Казахстане очень широко, но наиболее обычны в степной и лесостепной зонах. Внешне похожи на обычных серых домашних гусей и считаются предками культурных пород. Спина буровато-серая, брюхо белое, на нем и груди черные пятна, клюв розовый. Старые гусаки достигают веса трех — четырех килограммов. Завидный охотничий трофей! Но не каждый охотник может им похвалиться: серый гусь — птица очень

умная и сообразительная, осторожная и недоверчивая к людям, где ее преследуют. Гуси хорошо плавают, ныряют, быстро бегают, прекрасно летают, поднимаясь в облачные высоты до девяти километров! За гусями — птичий рекорд высотного полета. В Казахстане гнездятся на пресных, густо заросших тростником озерах и в займищах-болотах. Гнезда устраивают на тростниковых сплавинах или старых ондатровых хатках, ведут себя там очень скрытно.

Прилетают к нам рано, в феврале — марте, когда появляются первые проталины и лужи. Гогот летящей вереницы гусей — волнующая картина. Торопящиеся на родину гуси летят быстро, со скоростью до девяноста километров в час. Разбившись на пары, которые как у лебедей сохраняются на всю долгую гусиную жизнь, птицы занимают гнездовые территории и еще по льду строят гнезда. Пока самка строит, самец несет охрану. Лоток гнезда обильно выстилается теплым серым пухом; на время отсутствия гусыня прикрывает им яйца, предохраняя их от охлаждения. Вместе с гусаком она вылетает кормиться на заманчиво зеленеющие разливы, щиплет там свежую траву. Насиживание продолжается около месяца. Появившиеся на свет гусята, а их в выводке насчитывается до пяти — девяти штук, очень привлекательны, так и светятся золотом на солнце в своих густых пуховых шубках. Первые две — три недели родители водят гусят в густых зарослях, ночь проводят на сплаvine или кочках. Подросших начинают выводить днем на приозерные луга с нежной травой, на хлебные поля.

В середине июля молодые гуси становятся на крыло. В начале августа семьи гусей начинают объединяться в стаи, к ним присоединяются перелинявшие холостые особи. Незадолго до заката сотенные стаи гусей взлетают с дневных мест отдыха — илистых островков, песчаных кос и отмелей и с гоготом летят одна за одной кормиться на излюбленные поля или луга. Ночью они возвращаются

обратно, спят на плесах. А утром с рассветом гусиные вереницы снова летят кормиться. Так день за днем по четкому строгому графику идет неторопливая жизнь вплоть до отлета. Питается серый гусь исключительно растениями. Любит рдесты, листья тростника, озерного камыша, ряску и рогоз, луговые злаки, обожает всходы озимых и спеющие зерновые злаки. Раньше при высокой численности наносил серьезный ущерб урожаю зерновых; вблизи озер на полях приходилось дежурить и отпугивать выстрелами подлетающих гусей.

Отлет серых гусей ускоряется началом осенней охоты, они покидают вначале малые озера, доступные для охотников, и переселяются на огромные плесы. Особенно много птиц осенью на озерах Кургальджин, Балхаш, Алаколь, где они задерживаются до декабря, пока лед не покроет озера, а снег прекратит доступ к пище на полях. Зимуют гуси на Каспии, в Иране и Индии. Молодые птицы держатся с родителями до следующей весны, перенимают их опыт и привычки. На зимовках происходит «обручение» молодых, после чего будущие супруги не расстаются. К размножению они приступают в трех — четырехлетнем возрасте. Продолжительность жизни достигает двадцати пяти — тридцати лет.

За поведением серых гусей мы наблюдали в августе и узнали много интересного. На небольшом островке, вблизи которого любили отдыхать днем гуси, мы построили из тростника невысокий шалаш. Брезентовую палатку пришлось отвергнуть, гуси ей долго не будут доверять.

С утра, задолго до появления гусей, мы забрались в этот скрадок, проделав в стенке небольшое отверстие для наблюдений, и стали терпеливо ожидать птиц. Сначала сильно мешали мелкие комары, которые беззвучно подлетали и больно кусались. Пришлось намазаться репеллентом «ДЭТА», смочить им одежду, после чего комары так же незаметно исчезли из шалаша. Перед шалашом вскоре расположились стайка поручейников, длин-

поносые кулички что-то склевывали с грязи. Время шло, все больше разных птиц подлетало и приплывало к островку. Одни — чтобы покормиться свежими проростками болотного крестовника, что буйно поднялись на месте скошенных нами стеблей, другие — почистить и привести в порядок оперение или поспать на суше. Вот вышли из воды три утки-широконоски, к ним подвернула и села стайка чирков-свистунков. Широконоски повернулись к ним, угрожающе раскрыли клювы-ложки, мол, не подходите ближе. Подействовало. Свистунки отскочили в сторону и вышли на берег подальше. Приплыла пара крякв. Эти не церемонились с более мелкими широконосками, прогнали их и стали отрывать и глотать зеленые листья. Ближе к вечеру к островку приплыли лысухи, которые весь день кормились на подводных лугах гребенчатого рдеста. Они выходили на отмель, приводили в порядок оперение и затем дремали, ожидая ночи.

Гуси появились неожиданно в семнадцать часов. Стая из сорока птиц без обычного гоготания сделала небольшой круг над островком и пошла на посадку. С шумом плюхнулись крупные птицы на воду, подняв фонтаны брызг. Их насторожил внезапно выросший у воды шалаш, но успокаивала безмятежная картина кормящихся по соседству уток, дремлющих лысух и куликов. Медленно гуси стали плыть к островку, то и дело замирая и прислушиваясь. Мы в эти минуты не то что шевельнуться, дышать боялись. Только бы не спугнуть! Это удалось. Через полчаса первые три молодых гуся вышли на берег, начали рвать проростки. Кряквам пришлось срочно ретироваться: гуси конкурентов не терпят, чуть что — сразу клевок или увесистый удар крылом. Все ближе и ближе подходили гуси к шалашу. Наконец один подошел вплотную и с любопытством стал заглядывать в отверстие стенки шалаша. Нас спасло, что в шалаше был густой сумрак, гусь не смог увидеть человека. Картина невероятная — дикая осторожная птица в десяти сантиметрах

от нашего лица. На всякий случай гусь все-таки отошел от шалаша, но не испугался. И вся стая вскоре спокойно кормилась вокруг нас. Мы ликовали. На следующий день, вооружившись фотоаппаратурой, опять засели в шалаше и начали фотосъемку пернатых, выхватывая самые острые сценки.

Не только серые гуси встречаются на степных озерах. Весной и осенью в огромном числе пролетает *белолобый гусь*. В стаях насчитывается до ста — пятисот особей. Орнитологи подсчитали, что осенью только через Кургальджино пролетает свыше двухсот тысяч белолобых гусей. Они останавливаются на отдых, вылетают также кормиться на поля. От серого гуся белолобый отличается меньшими размерами, белой окраской лба, черной окраской брюха и характерными звонкими криками «кленг, кленг» вместо типичного гусиного «га, га». Стаи имеют форму клина или косой линии.

Внешне на белолобого гуся похожа *пискулька*, прозванная так за пискливый тонкий голос. Но она немного меньше, с более темной окраской, вокруг глаза есть желтое кольцо. Этот гусь на пролете немногочислен, как и белолобый, гнездится в сибирских тундрах. Часто гуси образуют смешанные стаи. Также на пролете встречается *гуменник*, по размерам не уступающий серому. У него более темная окраска, оранжево-черный клюв, голос звучит, как двухсложное «га-на». Гнездовая область гуменника включает таежные леса и лесотундру. Предполагалось его гнездование на озерах Алтая. Рядом с лебедями и гусями на степных озерах обитают многие виды уток, среди них наиболее известна и многочисленна *кряква*. Она внешне очень похожа на обычных домашних уток. И неудивительно, ведь именно от нее человек вывел давным-давно культурные породы. Среди диких уток кряква самая крупная, масса достигает полутора килограммов. В брачном наряде селезень красив: голова и верхняя часть шеи изумрудно-зеленые, отделяются белым

узким ошейником от темной спины и коричневой груди. Брюхо и бока тела серые с нежным тонким волнистым рисунком. Центральная пара рулевых перьев закручена в колечки. На крыльях ярко-синие «зеркальца», окаймленные белыми и черными поперечными полосками. Клюв оливково-зеленый, ноги красные. Весной этакий пеголь увивается вокруг скромной шоколадно-коричневой самки, у которой есть разве что такие же яркие синие «зеркальца» на крыльях. Иногда среди диких крякв встречаются аномально окрашенные самки: светло-кремовые, почти черные и даже чисто-белые, то есть альбиносы.

В Казахстане кряква встречается повсеместно, населяет любые, даже маленькие водоемы, если на них есть заросли надводных растений. Наиболее многочисленна на озерах степей и лесостепей. Пластичность этого вида очень высока, кряква легко приспосабливается к различным условиям. Появляется рано, она — одна из первых среди уток.

На юге республики обычна в первой половине марта, на севере — в конце марта — начале апреля. Прилетает стаями, но в каждой выделяются пары, которые образовались еще на зимовках. Пара сохраняется на период гнездования, а у части птиц, как показало кольцевание, даже несколько лет. Селезень деятельно участвует в выборе и занятии гнездового участка, самка определяет место под гнездо. В обязанности селезня входит также охрана границ и охрана своей супруги от посягательств других крякв. Он преследует и изгоняет с участка всех чужих самок. Когда утка находится на гнезде, селезень сидит по соседству на воде и заблаговременно предупреждает ее криком о приближении опасности. Нами прослежено, что дистанция удаления селезня от гнезда с самкой зависит от характера местности. В открытой степи она составляет около трехсот метров, в заболоченных березово-ивняковых колках — до тридцати метров, а на озерах в тростниковых зарослях — пять-

десять — сто метров. Это позволяет партнерам поддерживать постоянный контакт друг с другом.

Токующие селезни великолены. Яркие нарядные птицы на тихой голубой воде принимают разнообразные, порой причудливые позы, стараясь привлечь внимание самок.

Вот селезень опустил клюв в воду, затем резко вскинул голову вверх, тотчас привстал на воде вертикально, вдруг распластался на воде, вытянув вперед шею. Токование сопровождается тонкими свистами селезней, которые в другое время они не издают, только хрипло «жавкают». Селезень демонстрирует самке самые красивые части оперения, то расправит синее зеркальце на крыле, то распушит зеленые перышки на затылке, то выставит напоказ блестяще-черное подхвостье. Ни одна утка не устоит перед таким сватовством.

Конечно, верность селезня своей подруге относительна, особенно когда она приступает к насиживанию кладки. Самец в это время преследует чужих самок не только своего, но и других видов уток. Это приводит иногда к появлению гибридных особей. Уже известны гибриды кряквы с серой уткой, свизью, шилохвостью, широконосой, чирком-трескунком и свистунком и (редчайший случай!) даже с красноносым нырком.

За годы полевых исследований мы обследовали и изучили сотни гнезд крякв: промеряли, взвешивали яйца, кольцевали вылупившихся утят. Все гнезда располагались скрытно, некоторые — в совершенно неожиданных местах, например в сорочьих и вороньих гнездах на деревьях, в поленищах дров, в дуплах, стогах сена. В городах кряквы гнездятся даже на чердаках многоэтажных зданий, в трубах канализации. Ведь врагов у нее много: болотный лунь, серая и черная вороны, сорока, лисица, барсук, бродячие собаки, хорьки и горностаи, приходится поневоле прятаться. Отложив восемь — четырнадцать яиц серо-зеленоватой окраски, самка насиживает кладку

около четырех недель. Гнездо к этому времени обильно выстилается теплым пухом.

Несмотря на меры предосторожности, очень много гнезд кряквы погибает, и не только от хищников. Часть кладок затапливается паводками и сильными ливнями, гибнет в огне пожаров, разоряется людьми. Погибает от пятидесяти до девяноста процентов гнезд, утки вынуждены вторично строить гнездо и откладывать яйца; отдельные самки повторяют такие попытки до восьми раз за сезон, пока не выведут утят. В лучших озерных хозяйствах республики уже давно стали заботиться о диких утках. Для них выставляют в озере искусственные дощатые, тростниковые или сплетенные из ивы гнездовья, на высоких столбиках, чтобы водой не затопило. Пернатые хищники не могут разорить эти надежные гнезда. Кряквы охотно их занимают, успешно выводят утят.

После вылупления птенцов выводки крякв уходят в густые заросли и в течение месяца живут на постоянных выводковых участках, соседи не мешают друг другу, предупреждают о себе кряканьем. В двухмесячном возрасте молодые кряквы поднимаются на крыло, вскоре объединяются в стаи. С этого времени они ведут «взрослую» жизнь: дважды в сутки на утренней и вечерней зорях вылетают кормиться на мелководья и убранные пшеничные поля, а днем отдыхают на плесах, отмелях, песчаных косах, на горько-соленых озерах, где безопасно и спокойно. Отлет начинается в сентябре и продолжается до середины ноября. На незамерзающих водоемах Южного Казахстана задерживаются на зимовку небольшие группы крякв. Крупные зимовочные скопления образуются только на Чардаринском водохранилище и Сорбулаке. Основные места зимовки казахстанских крякв находятся в Индии и на юге Каспия. Кряква — ценнейший и основной объект спортивной охоты, ежегодно их добывают в нашей стране несколько миллионов штук. На европейской территории страны, где много охотников и стало мало дичи,

крякв уже разводят на специальных фермах и выпускают на озера перед охотой. Без проведения биотехнических мероприятий современное интенсивное охотничье хозяйство в густо населенных районах невозможно.

Не меньшее значение для охотников имеют другие утки, особенно шилохвость, широконоска, чирки — трескунок и свистунок, красноголовый нырок. В названиях этих уток подчеркнуты их наиболее характерные особенности. Тем не менее многие охотники не различают разные виды уток, для них они все «утки». В этом нам не раз приходилось убеждаться, когда в сезон осенней охоты мы просматривали трофеи в некоторых охотничьих хозяйствах.

Шилохвость отличается от других видов уток длинными заостренными средними рулевыми перьями, достигающими у селезней двадцати сантиметров и образующими подобие «шила». По размерам шилохвость с крякву, но более длинношея, стройная и весит около килограмма. Окраска клюва у самца и самки одинаково темно-сине-бурая, ноги темно-серые. Весной самец очень наряден. Осенью носит летний «самочий» наряд темно-бурого цвета с рыжеватыми и светлыми пестринами. На крыльях зеленоватые зеркальца с рыжими поперечными каемками. Эта утка встречается во время весенних и осенних миграций повсеместно, летит большими сотенными стаями. Гнездится в Северном Казахстане, в особенно большом числе в холодные затяжные весны, когда утки не успевают вовремя долететь до привычных мест гнездования в таежных и тундровых районах Сибири. В это время немногие пары гнездятся даже в полупустынной зоне.

Картина грандиозного весеннего пролета шилохвости поражает даже искушенного орнитолога. По долинам Чу, Или, Сырдарьи, Алакольской и Балхашской котловинам в течение двух-трех недель целыми днями проносятся стаи из сотен и тысяч шилохвостей. В стаях в три-пять раз больше селезней, чем уток, они издают мелодичные

свисты «фрю, фрю». Во время пролета формируются пары, и на гнездовых местах птицы занимают территорию.

Шилохвости гнездятся в открытых местах на голых солончаках, вспаханных полях, в низкотравной степи. Утки полагаются на свою маскирующую окраску и скрытное поведение. Да не всегда это выручает. Пройдет стадо баранов, все перетопчет. Вспугнет человек случайно утку с гнезда, это заметит серая ворона и разорит кладку. То трактористы протащат бороны или культиваторы берегом — опять гибнут гнезда, а во время сенокоса режут и пасиживающих самок. В период обработки полей погибают почти все гнезда. Не случайно шилохвости так любят гнездиться на островах или озерных косах под защитой крикливых чаек, крачек, чибисов, веретенников или кроншнепов. Уцелевшие выводки прячутся в зарослях осоки и вейника в прибрежной зоне озер, часто по соседству с семьями крякв и других уток. Тут им достается от болотного луны — до сорока процентов утят вылавливает он. Несладкая жизнь у шилохвости! Выжить помогает высокая плодовитость (в кладке по восемь — десять яиц), способность к повторному гнездованию да пополнение за счет северных тундровых популяций.

На степных озерах шилохвости собираются на линьку, образуют смешанные скопления с другими утками. Осенью улетают в сентябре — октябре. В небольшом числе зимуют на Келесе и Сырдарье, но это северные птицы, казахстанские все улетают в Индию.

Широконоска среди прочих уток выделяется песуразным большим клювом в форме ложки, меньшими размерами. На наш взгляд, селезень в брачном наряде — одна из красивейших птиц. У него черная голова и часть шеи с зеленым отливом, белые грудь и плечи, черная спина, рыжее брюхо, нежно-голубого цвета крылья с яркими зелеными зеркальцами, окаймленными белыми полосками, ярко-красные ноги, черный клюв и пронзи-

тельно желтые глаза. Утка же, как и другие самки речных, с темными и светлыми пестринами, только клюв «широкопосочий». В Казахстане наиболее многочисленна на озерах лесостепи и степи.

Гнезда широконосок мы находили обычно по сухим берегам озер в густой траве, на островах, приозерных березовых колках, на осоковокочковатых болотах. Также любит гнездиться в поселениях куликов, колониях чаек и крачек. В кладке от семи до одиннадцати яиц, насиживает самка самостоятельно. Выводки скрываются в густых зарослях озер. Утка самоотверженно защищает своих утят, нападает на ворон и болотных луней, пытаясь их отогнать; утята в это время затаиваются под кочками и в осоке. Застигнутая врасплох на берегу, широконосок начиняет отводить от гнезда или утят, симулирует раненую птицу: хрипло крикает, беспомощно бьется на земле, волочит распущенное крыло, припадая на ноги. Обычно это действует безотказно, хищник преследует утку, и она уводит его далеко в сторону.

Самые маленькие утки — *чирки*. Из них в Казахстане в большом числе гнездится *трескунок*, или сизокрылый чирок. Действительно, брачный крик селезня передается как глухое трещанье, а в брачном и летнем наряде крылья сверху сизо-голубые. Самка буровато-коричневая. От свистунка трескунок отличается наличием светлых широких бровей над глазами и отсутствием ярких зеленых «зеркальцев». Весит трескунок до пятисот граммов, а свистунок — до четырехсот, он немного меньше. У трескунка такой же общительный характер, как и у шилохвосты. Вне периода размножения держится только стаями. У летящих трескунков сверху отчетливо видны светлые пятна на крыльях. Прилетает во второй половине апреля, в стаях всегда больше самцов. Они очень шумные, преследуют самок своего и других видов уток, даже крякв. Во время токового полета птицы летят неровно над водой, изгибают шею вниз, держат туловище на-

лонно вверх. На воде брачные игры проходят очень оживленно, самцы демонстрируют все качества и красоту нарядов. Гнездится трескун по берегам озер, в степи, даже в трех — пяти километрах от озер находили мы их кладки, на осоковых кочках в колониях чаек. Отыскать его гнездо непросто, так как оно запрятано в густой траве, к тому же самка сверху над ним нагибает и переплетает стебли, сооружая рыхлую крышу. В кладке до десяти — тринадцати яиц. Насиживающая самка подпускает человека вплотную, можно рукой дотронуться. Утят уводит на ближайший водоем и не показывается на открытой воде из зарослей, пока они не поднимутся на крыло. Селезни в это время уже меняют старое изношенное оперение, собираются на линьку на многих озерах Казахстана. Отлетают довольно рано, в августе — сентябре, задолго до похолоданий.

Ловить уток для кольцевания очень трудно. Но однажды нам повезло. Утром мы выехали проверить рыболовную сеть, установленную на карасей вблизи тростниковых зарослей. Разрешение на отлов рыбы у нас имелось, нерест ее давно закончился. Приподняв сеть над водой, мы не спеша вытаскивали очередного жирного карася. Тревожный крик самки трескунка привлек внимание. Сообразить ничего не успели, как стайка из четырех селезней резко снизилась и влетела вслед за самкой в поднятую из воды сеть. Мы поспешили, пока утки не наглотались воды, быстро выпутали их и посадили в мешок. В лагере измерили, взвесили и окольцевали чирков. Поразило, что в любовном угаре птицы не заметили не только сеть, но и человека в лодке.

Свистунок в Казахстане гнездится очень редко по рекам Урал, Иртыш, на Алтае, озерах Павлодарской и Кокчетавской областей. Зато во время пролета и летом на линьке эта утка очень многочисленна, на любом водоеме раздаются их красивые свисты. Известны залеты в республику восточно-сибирского *чирка-клоктуна*.

Многочисленное утиное племя орнитологи подразделяют на две группы: настоящих, или *речных* (они же благородные) и на *нырковых уток*. От речных нырковые утки отличаются наличием плавательной оторочки на заднем пальце ног. Свою пищу добывают со дна или толщи воды, в основном животоядные.

Хохлатая чернеть выделяется весной черно-белой окраской оперения и длинным хохлом на черной голове. В полете сверху видна продольная узкая белая полоса. Глаза ярко-желтые. Самка темно-бурая, щеки и лоб светлые, масса достигает девятисот граммов. По земле нырковые утки не любят ходить, медленно расхаживают вперевалку. Зато плавают и ныряют замечательно. С воды взлетают только после разбега,— по этому признаку также можно отличить нырковую от речной утки. Весной хохлатая чернеть прилетает на юге республики в марте, на севере — в апреле большими стаями, в которых уже сформировались пары. Токовые движения селезня несложны, он плавает вокруг самки, закидывает голову на спину, резко наклоняет шею вниз, привстает на воде и размахивает крыльями.

Близко познакомиться с хохлатой чернетью нам удалось во время работ в колониях серебристых и озерных чаш, расположенных на внутриозерных сплавинах или осоково-кочковатых болотах. Под их защитой гнездились в тесном соседстве многие утки. Хохлатые чернети предпочитали для устройства гнезд сухие высокие кочки или небольшие островки. Их соседние гнезда находились в полметре — пяти метрах. Но даже при такой высокой плотности гнездования не хватало места на всех желающих. Поэтому самки, не имеющие гнезд, подкладывали яйца в чужие или рядом с ними. В одном гнезде мы обнаружили двадцать четыре яйца чернети, да рядом на сплавине еще два десятка. Пока осматривали гнезда, утки вместе со своими нарядными селезнями сидели на плесе в стороне, ожидая своей очереди. Некоторые самки,

насиживающие уже кладки, не выдерживали, взлетали и летали с хриплыми каркающими криками над нашими головами, словно торопя убраться поскорее. Об этом, видимо, и чайки кричали, пикируя на нас и поливая с воздуха пометом. Отдельные яйца чернотей мы обнаружили в гнездах кряквы, красноголового нырка. И наоборот, в трех гнездах чернотей были яйца красноголовых нырков. Это явление называется «гнездовым паразитизмом», а такие кладки — смешанными.

С *красноголовым нырком* у нас связано много приятных минут. Незабываемое зрелище представляют их групповые брачные игры, проходящие на «токах» на тихих безопасных плесах озер. Собравшись группами из пяти — сорока особей, причем селезней всегда в три-пять раз больше, чем самок, самцы с громкими свистящими криками плавают вокруг коричневых, скромных подруг. Зато селезни роскошны, они вытягивают красную голову и шею вперед по воде, втягивают ее в плечи и неожиданно резко вздергивают вверх, запрокидывают на спину, издавая крики «виrrrr». Подлетают новые птицы и с ходу включаются в игру, отгоняют от самок других самцов. А самки невозмутимо дремлют, чистят оперение или ныряют за кормом. По динамичности, накалу страстей и красочности ток нырков не уступает тетеревиному. Но полюбоваться им удастся нечасто, потревоженные утки шумно взлетают и ищут более спокойное место.

В Казахстане красноголовые нырки (иногда их называют голубой чернотью, поскольку в брачном наряде спина селезней голубовато-серая) в массе гнездятся в степной и лесостепной зонах. В других местах их немного. Прилетают поздно, в марте — апреле, причем самцы появляются обычно на неделю — две раньше самок. Утки устраивают гнезда скрытно на сплавинах, в тростниковых зарослах и кустах, на осоковых кочках, иногда в траве на берегу. Такие гнезда мы находили в поселениях куликов и чаек. Для строительства гнезд используют сухие

стебли и листья тростника, рогоза, осок, по мере насиживания добавляют пух. Отложив восемь-пятнадцать крупных зеленоватых яиц, самка насиживает кладку более трех недель. Утята в течение суток обсыхают в гнезде, затем выводки уходят в заросли. Но в отличие от семей речных уток нырковые часто выходят на открытые плесы. Утята прекрасно ныряют, поэтому не боятся пернатых хищников. К тому же выводки часто объединяются, насчитывают иногда до пятидесяти утят. Несколько уток лучше защищают их от врагов. На ночь утята собираются под матерью на гнезде или кочке. На крыло они поднимаются в возрасте двух месяцев. Селезни в это время линяют, но в отличие от речных уток собираются не в зарослях, а на глубоких открытых плесах озер. Там они добывают моллюсков, мелких рачков, семена и клубеньки рдестов, едят проростки и листья роголистника, тростника, урути.

Как показало кольцевание, в природе ныркам удается достичь возраста восьми-двенадцати лет. Немногим, так как этих уток в большом количестве добывают охотники. В неволе нырки жили и по тридцать — сорок лет. Для охотничьего хозяйства эта утка, по нашим данным, является очень перспективным объектом. Она неприхотлива в выборе мест обитания и питания, плодовита, имеет высокие вкусовые качества, охотно заселяет искусственные гнездовья, способна быстро наращивать численность при надлежащей охране.

Одной из оригинальнейших уток Казахстана считается *савка*, или белоголовая утка. Она стала малочисленной и внесена в Красную книгу, но в республике еще встречается на некоторых озерах степи, лесостепи и полупустыни. В мире осталось всего двадцать тысяч савок. Это одна из малоизученных и скрытных уток нашей фауны. Поэтому мы тщательно собирали любые сведения о ней, искали гнезда, наблюдали за поведением. Удалось узнать малоизвестные и неизвестные стороны образа жизни

савки. Держится она всегда вдали от берегов, на сушу не выходит. Отлично плавает и ныряет. На воде держит вертикально длинный хвост, обликом напоминает ковшик. Окраска оперения буровато-ржавчатая, у селезней весной издали выделяется белая голова. В бинокль удавалось разглядеть также ярко-голубой (лазоревый) клюв, вздутый у основания. Отсюда третье название вида — синеклювая утка. Телосложением крепкая, плотно сбитая, масса достигает девятисот граммов. Как и чомга, савка может без видимых усилий менять глубину погружения, при опасности на поверхности торчит только голова, под водой может проплыть до пятидесяти — ста метров и нырнуть на глубину до пяти метров. Неплохие результаты для утки! С воды взлетает тяжело, после долгого разбега, но летает быстро, без резких поворотов. Вообще-то предпочитает спастись бегством, пыряя и прячась в зарослях.

Токовые игры савок посчастливилось наблюдать в солнечный майский день. Спрятавшись у плеса в зарослях тростника на лодке, мы видели группу савок у дальнего острова. Белоголовые самцы плавали вокруг самок, распустив веером хвосты. Они то прижимали клюв к груди, то вытягивали шею по воде, делали стремительные гребки, так что вода сзади бурунами пенилась. Через десять минут все прекратилось, савки задремали на воде. В научных сводках пишут, что иногда между самцами происходят драки, они гоняются друг за другом на воде и под водой, часто взлетают и с шумом садятся. А вот голоса савки почти никто не слышал, очень она молчаливая.

Обнаруженные нами гнезда савок располагались на сплавах в гуще тростника. Они были изготовлены из сухих тростниковых листьев. Сход с гнезда вел сразу в воду; вспугнутая утка мгновенно заныривала и скрывалась. Савка откладывает от трех до семи яиц, которые по размерам с гусиное и необычайно крупные для этой не-

большой утки. Масса каждого яйца достигала ста граммов и более. Раньше считали, что савка не насиживает кладку, идет саморазвитие зародышей в таких крупных яйцах, ведь никто не видел утку на гнезде. Установленные на гнезде автографы записали ритм насиживания утки, которая почти не покидает гнездо более трех недель. Самцы не принимают участия в насиживании и вождении утят, они улетают на линьку. Собравшись по десять—пятнадцать особей, они в течение месяца держатся на глубоких плесах степных озер. Сорок лет назад орнитологи насчитывали даже по несколько сотен линяющих савок. Питаются они как растительными, так и животными кормами: семенами рдестов, наяды, моллюсками, ракообразными и насекомыми. Отлетают белоголовые утки в сентябре — начале октября в ночное время, очень скрытно, зимуют на юге Каспия. Судьба савки вызывает тревогу специалистов. Охотники редко добывают их, но птицы гибнут в рыболовных сетях, а на море от нефтяного загрязнения. Для них остается все меньше подходящих водоемов. В настоящее время начаты работы по разведению савок в неволе, получены первые обнадеживающие результаты в Англии, Испании. В нашей стране еще нет специализированных питомников по разведению редких видов водоплавающих птиц, а нужда в них давно назрела. В отечественных зоопарках савок не содержат.

Кому не известна *лысуха*, или кашкалдак? Эту черную птицу, внешне и размерами напоминающую домашнюю курицу, можно встретить на любом заросшем тростником водоеме, а на многих озерах она водится в огромном числе. По подсчетам охотоведов, в Казахстане осенью насчитывается до пяти—шести миллионов лысук. В охотничьем хозяйстве она играет важную роль. Отличительными признаками кашкалдака являются белая кожистая бляшка на лбу, белый «куриный» клюв, крупные лапы с длинными пальцами, отороченными плавательными фигурными перепонками — фестончиками. У других

птиц таких перепопок нет. Тело лысухи сжато с боков, оперение мягкое и рыхлое.

Прилетев в апреле на родной водоем, лысухи быстро занимают гнездовые участки в тростниковых зарослях и редко показываются на открытой воде. Зато выдают свое присутствие нескончаемыми «хныкающими» криками. Особенно надрываются самки, их голоса звучат как «ткав, ткав». У самцов голос пегромкий, звучит как металлическое «пси» или щелканье «дц, дп». Внешне не различаясь, самки и самцы безошибочно опознаются в полевых условиях по крикам.

Пары лысух сохраняют верность вплоть до окончания размножения. Каждая пара занимает участок, протяженностью до ста метров вдоль зарослей и плеса, охраняет и защищает его границы. Ритуал пограничного конфликта отработан до мелочей и выглядит устрашающе. Чтобы изучить его в деталях, нам пришлось много дней провести в засидке, вести протокольную запись и фотосъемку. Каждый, кто ближе познакомится с лысухами, согласится с нами, что это сварливый народец! При конфликте (один из соседей нарушил невидимую границу во время кормежки) нападающая птица — хозяйин участка — погружается несколько в воду, на поверхности остается часть спины, шея вытянута в одну линию с телом, острый клюв направлен вперед. В это время она напоминает всплывшую из глубин подводную лодку. От груди стремительно плывущей на соперника лысухи разбегаются в стороны волны, белая бляшка отчетливо выделяется на черном фоне оперения. Если расстояние до нарушителя велико, птица выходит полностью из воды и бежит по ее поверхности, помогая взмахами крыльев, или переходит в свободный полет. Если такие действия не испугали чужака, и он не уплывает, то хозяйин территории подплывает к нему на метр и ближе, высоко поднимает вверх парусом полураскрытые крылья, взъерошивает оперение спины и хвоста и становится намного больше и внушительнее.

Этим птица хочет показать противнику свое превосходство: мол, смотри, какая я сильная и странная.

Часто это не производит впечатления, соперник принимает ответно похожую позу. В таком состоянии они могут плавать несколько минут, пока от слов не перейдут к делу, то есть к драке. Дерущиеся птицы садятся на хвост, опираясь на полураспущенные крылья, наносят удары клювом, царапаются когтями, их окутывают тучи брызг. Драка впечатляет, особенно если на помощь драчунам прибегают их супруги. На стыке трех-четырех участков мы наблюдали иногда одновременно по четыре-восемь дерущихся лысух. В такие моменты вода кипела от коротких пробежек, ныряния птиц. С удивлением мы узнали, что эти драки, несмотря на внешнюю ожесточенность, имеют скорее символический характер, соперники не наносят друг другу повреждений, даже перья не сыпятся. Наконец чужак не выдерживает и убегает на свою территорию, а победитель привстает на воде и долго отряхивается, приводит в порядок взъерошенное оперение.

Смелость лысухи вызывает невольное уважение. Довелось наблюдать на одном озере вблизи села, как к гнезду лысухи направились два домашних гуся. С тихим гоготанием они не спеша плыли, срывая по пути зеленые листья тростника. Неожиданно навстречу выплыла лысуха в типичной боевой позе. Гусям ее смысл явно был неизвестен, они продолжали плыть. Тогда лысуха стала нападать с разных сторон, громко крича. На помощь прибежал самец, судя по крикам, вдвоем они взяли гусей в такой оборот, что те с невиданной прытью помчались прочь по воде, обиженно гогоча.

В других случаях мы видели, как лысуха изгоняет со своей территории поганок, крякв и красноголовых нырков, ее не смущало, что уток было много — несколько десятков. Атака — крайнее средство, чаще лысуха старается запугать своего врага: привстает и топчется на воде, взъерошивает оперение, разбрызгивает ногами воду,

напоминая черную разъяренную фурию. Во всяком случае, на поганок и уток это действовало моментально.

Дружно строят лысухи гнездо, вместе носят легкие длинные сухие стебли тростника и рогоза, выстилают лоток изнутри листьями. На строительство уходит семьдесят дней.

Отложив три-четыре пятнистых, в черную крапинку, яйца, размером с куриное, лысухи приступают к насиживанию, которое длится двадцать три дня. Одновременно самка продолжает откладку яиц, в гнезде их по девять — пятнадцать штук. Свое гнездо и кладку лысухи способны защитить от нападений пернатых хищников. Они нападают, иногда даже сбивают и затаптывают в воде болотного луня или серую ворону. Поэтому гибель их кладок меньше, чем уток.

Лысушата появляются в гнезде в течение четырех-семи дней, они очень симпатичны: одеты в густой черный пух с серебристым отливом, на голове и шее пух красный. Забот родителям прибавляется. Первые две недели лысушата зябнут, быстро намокают, поэтому часто выходят на гнездо и греются под родителями. Они не умеют еще самостоятельно добывать пищу, родители приносят им нежных насекомых, свежие зеленые проростки, оберегают от опасности. Сами птенцы в такие минуты ныряют и ловко прячутся среди стеблей или под гнездом.

Родители опекают молодых, пока они не научатся летать. С этого времени семьи лысух распадаются. Взрослые птицы уходят в густые заросли на линьку, а сеюлетки выходят из зарослей на открытую воду и соединяются в многотысячные стаи.

Куда только исчезает драчливость лысух! Ни в скоплениях линяющих птиц, ни среди молодых мы не отмечали серьезных конфликтов, тем более драк. Лысухи мирно кормятся бок о бок, склевывая семена рдестов, роголистника и урути, ныряют на мелководьях и выдергивают клубеньки рдестов. Обилие корма — важное условие для

миролюбия лысух. Среди них теперь безбоязненно плавают дикие утки, ищут корм кулики и чайки.

Изучая лысух, мы полюбили этих сообразительных, доверчивых к человеку птиц, по достоинству оценили богатство и разнообразие их голосовых сигналов и сложное демонстративное поведение, их смелость в схватках с врагами. Впервые для территории СССР удалось доказать, что некоторые пары на Сорбулаке успевают вывести за лето два выводка, имеют две кладки. Узнали, что для защиты от зорких глаз пернатых хищников лысухи делают крышу над гнездом, надламывают и заплетают сверху зеленые листья и стебли. Мы знаем, что у лысух еще много тайн и загадок, но надеемся раскрыть их.

К местам зимовки лысухи начинают отлетать в августе, продолжается пролет до декабря, когда лед скует озера. Нам удалось выяснить, что молодые птицы летят отдельно от взрослых в более поздние сроки. И зимуют они в разных областях, одни остаются на юге Казахстана и Каспии, другие долетают до Индии.

Среди пастушковых птиц наименее изученным считается *водяной пастушок*. Тому немало причин. Он ведет исключительно скрытный образ жизни, почти не покидает густые заросли тростника и рогоза, дает о себе знать резким криком, отдаленно напоминающим визг поросенка. В Казахстане установлено гнездование водяного пастушка в северных и юго-западных районах, по долине Сырдарьи и Урала, многочислен он на Или, Балхаше, под Алма-Атой. Причем остается здесь зимовать на незамерзающих горных речках предгорий.

Для территории республики известно всего четыре находки гнезд водяного пастушка. Очень скудные данные имеются по гнездовому поведению. Поэтому нашей давней мечтой была надежда отыскать гнездо пастушка, провести за ним наблюдения и фотосъемку. Из научных книг мы знали, что пастушков следует искать во второй половине мая — июне в густых прибрежных зарослях трост-

ника и рогоза, захламленных и с обилием заломов. Девять лет поиски были безуспешными и только в прошлом сезоне удача наконец улыбнулась нам, гнездо пастушка было найдено!

Уже третий день подряд мы прочесывали прибрежные заросли степного озера, наносили на карту обнаруженные гнезда лысух, серощеких поганок, камышниц, дроздовидных и индийских камышевок. Особенно тщательно приходилось обследовать густые заломы, образующие естественные «крыши». Под одной из них и размещалось гнездо пастушка. Оно было построено из сухих стеблей и листьев рогоза на мелководье и касалось основанием дна, формой напоминало округлую чашу, диаметром двенадцать сантиметров. Кладка состояла из девяти бледно-охристых, с редкими красновато-бурыми пятнами яиц. Опустив их в воду, мы установили, что яйца насижены и через неделю появятся птенцы. Упустить редкую возможность провести наблюдения за гнездом было бы непросительно. Поэтому уже вечером мы принесли к гнезду брезентовую палатку, колья и быстро соорудили засидку. На время наблюдений и фотосъемки стебли рогоза, надежно укрывающие гнездо, мы отводили в сторону и укрепляли бечевкой.

С первых же минут наблюдений, когда мы укрылись в темноте палатки, водяные пастушки поразили своей доверчивостью и бесстрашием. Вначале они бегали вокруг в зарослях, не показываясь на глаза, издавали резкие пронзительные крики — «визжание», булькали водой. Затем успокоились, стали тихо переговариваться между собой, будто деревянными палочками постукивали, приблизившись к гнезду и палатке. Мы затаили дыхание, перестав обращать внимание на укусы комаров и жирных пиявок, что лезли из воды по сапогам и стенкам засидки. Терпение было вознаграждено. Из стеблей рогоза высунулся ярко-красный клюв, длинный, изогнутый слегка вниз, затем аспидно-серая голова с ярко-оранжево-крас-

ными глазами. Оглядевшись, пастушок быстро выскочил на гнездо, уселся обогреть кладку. Первые минуты он недоверчиво косился глазом в сторону нашей палатки, но ее неподвижность успокоила птицу. Наседка привстала, распушила перья, клювом стала переворачивать яйца. Из зарослей осторожно вышла вторая птица, гораздо ярче по окраске, видимо, самец. Его спина и верх головы были оливково-бурые, шея, зоб и передняя часть груди пепельно-голубые, по бокам тела четко выделялись широкие черные и узкие белые вертикальные полосы. Встревоженный нашим вторжением, пастушок нервно подергивал поднятым вверх коротким хвостом, мелькало яркое белое подхвостье. Мгновенно развернувшись, самец бесшумно исчез в зарослях, но через минуту вышел, неся в клюве сухой лист рогоза. Подойдя к гнезду, он уложил лист в стенку лотка. Самка за это время успела притянуть к себе сухие листья и укрылась в них. Так маскируются на гнезде все мелкие виды пастушковых птиц.

Осторожно высунув в отверстие палатки объектив фототрубки, мы нажали спуск, сухо щелкнул затвор. Пастушков как ветром сдуло, настолько напугал их незнакомый звук. Только через пять минут одна птица тихо вышла из зарослей и уселась на кладку, но с недоверием поглядывала в нашу сторону, нервно подергивала хвостом и крыльями. Опять мы нажали на спуск камеры и птица соскочила с гнезда. Так продолжалось еще несколько раз, но вскоре птица убедилась в безопасности палатки и перестала обращать внимание на щелчки фотоаппарата. С этого момента началась фотосъемка пастушков, самых интимных сторон их гнездовой жизни. Самка проводила на гнезде больше времени, чем самец. Он же, судя по издаваемым крикам, постоянно перемещался по своему гнездовому участку, патрулировал границы.

На следующий день мы опять пошли к гнезду пастушка, вооружившись черно-белой и цветной фотопленкой. Чувствуя себя в безопасности под естественной крышей

залом, пастушок убежал с гнезда только после того, как раздвинули над ним стебли. Смелая птица! Кстати, другие орнитологи наблюдали, как пастушки активно и бесстрашно отгоняли от гнезда лысух, камышниц, которые намного крупнее их, а также нападали в таких ситуациях на человека.

Мы уже упоминали о *болотном*, или *камышевом*, луне — грозе обитателей озер. Невозможно представить себе степное озеро без кружащихся над зарослями тростника луней, ошибочно называемых многими коршунами. Одно появление этого хищника вызывает панику и страх птичьего населения, с шумом улетают с плеса утки, забиваются в гущу зарослей лысухи, настораживаются гуси и цапли.

С мест зимовок болотные луни прилетают в начале апреля вслед за появлением водоплавающих птиц. Первыми прибывают самцы, через неделю к ним присоединяются самки. Оживленно и весело играют хищники в воздухе. Самец поднимается высоко в небо, кувыркается, проделывает различные пируэты, круто пикирует, совершая резкие броски в стороны, сопровождая свой пилотаж тонкими пронзительными свистами «пийю-пийю». Такие чувства вызывают ответные у самки, она вылетает из зарослей, поднимается к самцу и птицы стремительно гоняются друг за другом.

Однажды наблюдали воздушную игру самца-луни с черной вороной. Когда лунь демонстрировал токовой полет, ворона вплотную подлетала к нему и изображала нечто сходное. Странное, удивительное поведение птиц!

Выбрав укромное место среди непролазных тростниковых чащоб, луни дружно строят гнездо. В лапах приносят длинные стебли тростника и полыни, складывают в рыхлую кучу, в центре которой самка вытаптывает углубление. Оно выстилается мелкой травой. Готовое гнездо достигает диаметра до метра и высоты до полуметра, лежит на воде или крепится на стеблях. В кладке четыре-семь

белых округлых яйца, которые насиживает только самка. Самец охотится и приносит ей пищу. Выяснено, что в годы с обилием пищи у луней вырастают все птенцы, а в голодные годы на крыло поднимается только один-три птенца, причем старшие или самка съедают самых маленьких. Подлетая к гнезду, самец криком вызывает самку, бросает добычу в воздухе, а она ловко на лету подхватывает и уносит на кормовой столик. Мелких зверьков и птиц луень глотает целиком, крупных ощипывает и съедает по кусочкам. Неперевариваемые кости, перья и волосы отрыгивает в виде погадок.

Среди хищников только болотный луень приспособился к жизни на водоемах. На широких крыльях он легко и бесшумно скользит над тростниковыми зарослями, зависает на месте, выглядывая поживу. Увидев крысу, ондатру или утенка, луень резко поднимает крылья вертикально вверх, выставляет вниз длинные лапы, вооруженные острыми когтями, и отвесно падает между частыми стеблями до самой воды. В любой момент он может остановить падение и легко взмыть вверх. Луень любит птичьи яйца, находит гнездо утки и выпивает их на месте. При нехватке основной пищи (грызунов и птиц) болотный луень подбирает мертвую рыбу, ловит стрекоз и саранчу.

...Апрельским вечером, когда солнце закатывалось за зубцы большой тучи у горизонта, окрасив их в багрово-красный цвет, на противоположном берегу Улькайка — степной речки в Тургайской ложбине — сел самец болотного луняя. По-орлиному оглядевшись, он наклонился, оторвал что-то клювом и проглотил. В бинокль было видно, что хищник сидит на какой-то падали. Через несколько минут пролетающий мимо полевой луень (тоже самец) круто изменил направление и опустился рядом. Две разного вида хищные птицы пожирали одну добычу, совершенно не обращая внимания друг на друга, хотя иногда касались длинными хвостами, поворачиваясь спиной к спине. Ели они торопливо, с жадностью заглатывая

куски мяса. Очевидно, в природе эти луни занимают разные экологические ниши.

...Над речкой в поиске добычи медленно летела самка болотного луня. Стоило ей оказаться метрах в десяти от пирующих хищников, как самец болотного луня взлетел навстречу с угрожающим видом. Самка шарахнулась было в сторону, но уже успела заметить добычу и решительно направилась к ней. Самец сделал еще одну безуспешную попытку прогнать потенциальную, но сейчас непрошеную, подругу и ретировался сам. И правильно сделал — самки хищных птиц заметно крупнее самцов. Завяжись драка, туго пришлось бы первооткрывателю падали. Но набить свой желудок он все же успел. В суматохе покинул пиршество и полевой лунь — от греха подалее — хотя его бы, скорее всего, инцидент не коснулся.

А самка болотного луня приземлилась у падали, чтобы в одиночестве насладиться свалившейся даром пищей.

На охоту лунь вылетает рано утром и вечером, когда прохладно и наиболее активны грызуны и птицы. Он может взять добычу только с воды или земли и не в состоянии схватить в воздухе. Днем лунь отсиживается в тени тростниковых зарослей. Молодые птицы после вылета из гнезда отличаются от взрослых темно-бурой окраской тела и желтой головой. Окраска их удивительно гармонирует с общим фоном сухих тростников. Они еще долго держатся с родителями, обучаются ловко летать и охотиться. С громким писком преследуют отца или мать, требуя пищи. Осенью болотные луни подбирают подраненных охотниками уток и лысух, бывает, что нападают на подсадных уток и даже хватают резиновые чучела.

Нам болотные луни доставляли немало хлопот. Они расклевывали птиц, попавших в паутинные сети и автоматические лучки во время кольцевания, пугали семьи уток и лысух, когда за ними вели наблюдения, поедали окольцованных нами птенцов речных крачек и озерных

чаек. И все же надо быть справедливыми. Да, лунь наносит существенный ущерб охотничьему хозяйству. Но он очень полезен, так как уничтожает огромное количество водяных крыс и полевок, переносчиков и хранителей возбудителей таких опаснейших заболеваний, как туляремия и омская геморрагическая лихорадка. Необходимо поддерживать численность луней на невысоком уровне, но полностью без них озерным сообществам жить нельзя, нарушатся сложившиеся цепи питания.

Далеко не все водные птицы беспомощны перед болотным лунем. Это наглядно показали *озерные чайки*, когда мы обследовали их колонию и проводили кольцевание птенцов.

Для гнездования озерные чайки облюбовали небольшое озеро, вытянувшееся узкой лентой на три километра. Центральный плес был окружен рогозово-сабельниковыми сплавинами, ближе к берегам они сменялись осоковыми кочками и редкими зарослями осок. Колония располагалась вокруг плеса, добраться к ней можно было только вброд, спотыкаясь о высокие кочки, набирая полные сапоги жидкой грязи. Не первый год мы ловили здесь чаек, знали все подходы и «прелести» озера и сейчас на берегу обсуждали лучший вариант. С нами были юннаты из соседнего села, и мы надеялись на скорость ног мальчишек. Приняли решение поставить у плеса гонные сети и медленно загонять в них подросших чайчат. На двух резиновых надувных лодках потащили к месту сети и деревянные колья. Внезапно, задолго до нашего подхода, с гнезд сорвались тысячи чаек, с тревожным гомоном закружились на месте, постепенно белая туча птиц смешалась в нашу сторону. Только вблизи удалось разглядеть, что чайки гнали и клевали в воздухе самца болотного луня. Хищник ловко уворачивался, кидался из стороны в сторону, но чаек было слишком много и часть ударов достигала цели. Отогнав луня, чайки стали возвращаться к гнездам и птенцам, а обессиленный, затрав-

ленный лунь плюхнулся на берег. Вид у него был потрепанный и жалкий. Не удалось на сей раз пообедать за чужой счет, коллективная защита принесла чайкам успех.

Продвигаясь по озеру, мы попутно отмечали на картах обнаруженные гнезда уток, кольцевали пойманных чайчат. А их было много, рыжими комочками они торопливо уплывали в осоку, прятались под кочки. Чайки вступились за птенцов, с криками стали пикировать, самые отчаянные заходили со спины и пытались нанести удар по нашим головам, поливали белым пометом. В хор каркающих озерных чаек вплетались звонкие голоса малых чаек, гораздо меньших по размерам и с черной головой. В этом году они устроились по соседству с озерными чайками. Но в их гнездах были еще яйца.

Озерная чайка — одна из наиболее распространенных колониальных птиц Казахстана. Величиной с ворону, без труда опознается по коричневой окраске головы и грубому «каркающему» голосу. Прилетает с зимовок в начале марта — апреле, когда озера и болота еще покрыты льдом, перебивается первые дни на свалках и помойках, вблизи животноводческих ферм. Чайки навещают место будущей колонии, подолгу молча сидят на льду и снегу и разлетаются. Но вот растаял лед, и птицы приступают к токованию и строительству гнезд. Каждая пара занимает в колонии небольшой участок площадью в несколько квадратных метров, на кочке строит гнездо из стеблей и листьев осок. В сырых местах гнезда достигают иногда высоты до шестидесяти сантиметров. После откладки двух — трех пятнистых яиц самка и самец поочередно насиживают кладку, меняясь через каждые два-три часа. Птенцы вылупляются на двадцать четвертый день. Они пушистые, с черным рисунком на желтовато-коричневом фоне. Прижметса птенец к гнезду, замрет и становится невидимкой, не разглядишь. Родители приносят корм на гнездо, собирают различных беспозвоночных на болоте и в степи. Подросшие птенцы уже покидают гнездо и при

малейших криках тревоги взрослых чаек уходят на воду, сбиваются в табунки и их лучше всего кольцевать.

Мы обратили внимание на то, как взрослые птицы заманивали совсем маленьких пуховичков на воду. Чайки рассаживались неподалеку от берега, с криками отплывали, снова возвращались и опять поворачивали в открытое озеро. Многие птенцы решались плыть за родителями, покачивались легкими поплавками, но далеко не заплывали и быстро возвращались обратно.

Надо заметить, что нравы в колониях озерных чаек суровые. Птенец, нечаянно зашедший на чужой участок, подвергается нападкам хозяев и если не успевает вовремя спрятаться, погибает от ударов по голове. Таков один из механизмов регуляции численности вида. Зато другие птицы спокойно живут в колонии под защитой чаек.

Почти час ушел у нас на установку загона из сетей. Затем мы дали птицам успокоиться и опять полезли в грязь — загонять чайчат в сети. Улов оказался удачным, попалось около пятисот птенцов. Все они получили алюминиевые «паспорта» и прописку на родном озере. В резиновую лодку входило не менее полутора сотен пушистых шариков. Маленькие молчали, только крутили круглыми головками, а те, что постарше, вырывались из рук, хрипло кричали, клевались и широко разевали клювы. Некоторые отрыгивали полупереваренную пищу: рыбок, личинок, насекомых, червей, крупных пауков.

В середине июня молодые чайки, имеющие буровато-коричневую окраску и черную поперечную полосу на конце хвоста, поднимаются на крыло.

Близкое знакомство с *болотными крачками*, очень своеобразными околководными птицами, нам довелось вести во время изучения колоний черношейных поганок. Именно эти небольшие поганки селятся исключительно в колониях чайковых птиц. Если удастся обнаружить с берега в мае — июне вьющихся столбом чаек или крачек над мелководным озером или заросшим болотом, можно уверенно

пробираться туда вплавь на лодке или вброд: находки гнезд поганок гарантированы.

Так мы и действовали в один из июньских дней, когда спешили на экспедиционной машине по степной проселочной дороге, направляясь к группе озер. Наш путь пересекала небольшая речка, скорее ручей. Но вместо ожидаемого деревянного мостика мы увидели свежую промоину с отвесными стенками. Недавний паводок разрушил и разметал бревна моста, а восстановить его, видно, не успели. Проверив брод, мы не рискнули преодолевать речку на машине, топкое илистое дно и порядочная глубина внушали опасения. Объезд в сторону ближайшего моста занял бы полдня дорогого времени, поэтому мы решили подождать попутный гусеничный трактор, что обогнали по пути, и с его помощью попасть на другой берег. Ждать пришлось более трех часов, трактор — машина тихходная. Но мы не пожалели о задержке. С ближайшей затопленной низины, призывно зеленеющей густыми зарослями вейника, доносились тонкие пронзительные голоса светлкрылых и черных крачек, в воздухе там суетливо металась эти изящные птицы.

Среди околородных птиц крачки выделяются более мелкими размерами. В отличие от ближайших родственников — чаек, у крачек длинные узкие крылья и выемчатый посредине хвост («вилочкой»), тонкий прямой клюв. Имеющиеся на ногах перепонки не силошные, а охватывают только основания пальцев. О «настоящих» крачках, куда относятся речная, малая, чайконосная и пестроклювая, будет рассказано в последующих главах. Речь пойдет о «болотных» крачках, к группе которых орнитологи относят *светлкрылую, черную и белощекую*. Все они встречаются и гнездятся на водоемах республики, причем исключительно на заросших степных озерах и болотах.

Проникнуть к гнездам крачек оказалось несложно, дно временного болота было не очень топким, а глубина едва достигала колена. Натянув на ноги болотные сапоги,

мы вброд пошли к птицам. Они встретили нас тревожными криками, сотенной стаей стали кружиться рядом, а самые отчаянные пикировали почти в лицо. В общей стае выделялись черные крачки по аспидно-серой окраске тела и белому подхвостью, по тонкому писклявому голосу «кек, кек». Их было гораздо больше, чем светлокрылых, которые были несколько крупнее, издавали хриплые скрипучие крики. И окраска иная, контрастная: снизу подбой крыльев черный, а сверху на черном крыле выделялась четкая белая полоса по его сплбу, ярко-белое надхвостье. Поджатые в полете лапки были ярко-красные, а у черных крачек — бурого цвета.

Обследование колонии заняло почти час. Мы описали расположение и устройство их гнезд, промерили и взвесили яйца, с помощью рулетки замерили расстояние между соседними гнездами и составили план-схему колонии. У болотных крачек гнезда плавучие, устроены на наносах плавающих стеблей или на надломленных стеблях вейника.

Они представляют собой невысокие конусовидные постройки диаметром десять — двадцать сантиметров с небольшим углублением в центре. Во всех гнездах было по два — три яйца, зеленовато-бурых с коричневыми и бурыми пятнами. Опустив их в воду, мы по тому, как они всплывали к поверхности, определили, что они сильно насижены; свежие яйца тонут. Следовало ожидать появления птенцов через два — четыре дня.

Хотя колонии болотных крачек располагаются в труднодоступных для четвероногих хищников местах, немало их гнезд и кладок погибает. Основная причина — резкие подъемы уровня воды при паводках и нагонных ветрах, разрушение гнезд волнобоем, или наоборот, усыхание водоема. Несмотря на активную воздушную защиту гнезд, крачки оказываются зачастую беспомощными перед нападением болотного луня или серой вороны, которые крадут яйца и птенцов. Не удивительно, что крачкам прихо-

дится почти ежегодно менять место расположения колонии.

Болотные крачки относятся к безусловно полезным птицам. Они охотятся за различными водными насекомыми и их личинками, иногда хватают на лету из воды головастиков и мальков рыбы, маленьких лягушат и моллюсков. Часто вылетают кормиться на приозерные хлебные поля, легким порхающим полетом прочесывают их, задевая крыльями зреющие колосья, хватают клювом жуков, саранчовых и стрекоз. Свои великолепные летные способности болотные крачки лучше всего проявляют на озере: то зависают в воздухе на одном месте, то резко пикируют, даже частично заныряют в воду, то совершают резкие кувырки и броски, хватая насекомых на лету. Не один год мы пытались заснять в полете черную и светлокрылую крачку, но безуспешно: на снимках выходили их смазанные силуэты, ведь «ствол» фоторужья не успевая за стремительными птицами. Болотные крачки хорошо плавают, но редко и плохо ходят по земле. Чаще всего ими доводится любоваться, когда птицы отдыхают, сидя на полузатопленных корягах, кочках или илистых островках. Именно в таких ситуациях удалось получить фотопортреты крачек.

Уже в июле молодые болотные крачки осваивают искусство полета и вместе с родителями кочуют по кормным мелководным озерам. Это очень миролюбивые птицы, весь год ведут общественный образ жизни. В августе они начинают отлетать к местам зимовок и окончательно исчезают к середине сентября. Учитывая пользу крачек, их живой характер, в странах Западной Европы начали в последние годы привлекать их на пруды. С этой целью на воде устанавливают искусственные плоты из пенопласта или тростниковых матов с небольшими ямками сверху. Крачки охотно устраивают на них гнезда. Таков один из путей управления поведением диких птиц.

С сожалением покидали мы колонию болотных крачек,

за час удалось сделать далеко не все задуманное. Но более длительное нахождение в птичьей колонии может привести к гибели яиц и птенцов: в жаркий день от перегрева, в холодный — от переохлаждения. Да и пернатые враги не зевают, норовят ограбить оставленное без присмотра гнездо. Кроме того, нас ждала дальняя дорога, на горизонте уже пылил трактор, приходилось спешить.

С детских лет мы знакомы с *чибисом* по популярной песенке о том, как этот кулик беспокоится у дороги за своих птенцов. А многие знают и его самого — элегантного, черно-белого с задорным хохолком на голове, слышали его заунывный вопрошающий крик: «чи вы, чи вы». Чибис — один из самых обычных и многочисленных видов куликов в Казахстане. Его можно встретить с ранней весны до поздней осени у озера и у речки, на болоте и на солончаке, на сыром лугу и в сухой степи.

Опознать чибиса нетрудно. У него короткий прямой клюв, относительно короткие ноги, крылья широкие, тупозакругленные. Черные перья на спине переливаются металлически-зелеными тонами с пурпурным оттенком, хвост белый с черной полоской на вершине, грудь, брюшко и щеки белоснежные. Размером с голубя.

На родину чибисы прилетают рано, с появлением первых проталин в заснеженной степи. Кулики летят стайками, молча, лишь слышен характерный скрип их крыльев.

Вскоре они занимают гнездовые участки, границы которых строго охраняются от соперников. При пограничном конфликте птицы сближаются и синхронно демонстрируют друг другу поклоны, разворачивают перья хвоста и крыльев. Если «чужак» не уходит, то хозяин участка атакует его. Интересно, что до откладки яиц участок охраняет один самец, во время насиживания —

оба супруга, а при птенцах основная роль в этом принадлежит самке.

Гнездостроительством заняты оба пола. В это время происходят брачные игры чибисов — гимн пробуждающей природы от зимнего сна. Их воздушные эволюции вызывают восхищение, посмотришь — дух захватывает. Стремительно набрав высоту, кулик с ликующим криком круто падает вниз, совершая фигуры высшего пилотажа. Бросаясь из стороны в сторону, он выписывает в весеннем небе «мертвые петли», делает «бочки», «штопором» падает к земле и, выровнявшись на последних метрах, плавно идет на посадку.

Игры продолжают и на земле, одновременно со строительством гнезда. Самец бегаёт вокруг гнездовой ямки, собирает веточки и бросает их через спину, некоторые относит и кладет прямо в гнездо. Затем усаживается в него, навалившись грудью, заворачивает концы крыльев на спину и мелко вибрирует полуразвернутым хвостом, обнажив ярко-белые основания рулевых перьев.

На своем участке самец роет несколько гнездовых ямок, но только одна из них, самая лучшая по мнению самки, становится настоящим гнездом и выстилается небольшим количеством сухих стеблей и веточек полыни, солянок, злаковых трав. Кладка из трех — четырех крупных грушевидных яиц, имеющих прекрасную защитную окраску: по зеленовато-глинистому фону разбросаны многочисленные бурые и черные пятна. Совершенен камуфляж и у пуховых птенцов. Стоит им затаиться, как они оказываются словно под шапкой-невидимкой.

В орнитологической литературе описаны два интересных случая из семейной жизни чибисов. У одного самца было две самки, обе откладывали яйца в одно гнездо. Все члены трио активно участвовали в постройке гнезда, насиживании яиц и защите территории. В другом случае у пары чибисов, имеющей гнездо, были два добровольных помощника. Обязанности между ними были четко распре-

делены: одна птица помогала насиживать кладку, другая — защищать территорию. Много любопытного и порой еще необъяснимого происходит в природе.

В период насиживания кладки и вождения пушистых тонконогих итенцов чибисы проявляют чудеса самоотверженности. С хриплыми криками птицы вновь и вновь пикируют прямо на голову врага, шумно взмахивая широкими крыльями, разворачиваются для новой атаки... На помощь одной паре спешат соседи, и сообща они дают отпор любому четвероногому или пернатому хищнику. Этим пользуются многие другие, менее решительные птицы, гнезятся под защитой чибисов.

А против человека чибисы бессильны, много еще их гнезд разоряют люди, случайно набредшие на кладку. Поражает бессмысленность этого варварства. Подумайте, ведь без чибисов — подвижных, жизнерадостных птиц, наши водоемы потеряют часть своего очарования.

У степных озер живет немало и других куликов. Им требуется близость воды, а произрастающая на берегах растительность обеспечивает птицам прекрасные условия для маскировки гнезд. Кулики — одни из самых приметных птиц нашей фауны, несмотря на то, что оперение большинства видов окрашено в скромные буровато-серые тона. Виной тому — их высокая подвижность, звонкоголосость и многочисленность. В Центральном Казахстане наиболее обычными после чибиса являются травник и большой веретенник. Оба — представители широко распространенного семейства улитовых. Виды, относящиеся к этому семейству, имеют характернейший куличный облик: длинные ноги и прямой клюв, неяркая окраска. В биологии обоих видов много общих черт, они нередко и гнездятся вместе — большими смешанными колониями, но немало и различного.

Травники будто бы соревнуются с чибисами по скорости возвращения на родину с мест зимовок, прилетают, лишь только пригреет ласковое весеннее солнышко. На

юге Казахстана это начало марта, а в некоторые годы и вторая половина февраля. В центральных районах республики кулички появляются в конце марта — начале апреля, а на севере — и того позже. Но и там они перелетные среди беспокойного племени куликов. Приятно видеть у луж на дорогах, у первых проталин, над которыми клубится пар, небольших, размером с дрозда, изящных светлых буровато-серых с белым низом птиц. Бросаются в глаза яркие белые поперечные полосы на раскрытых крыльях, того же цвета надхвостье и яркие красные ноги (второе название травника — красноножка).

Прилетевшие стайками птицы вскоре разбиваются на пары и распределяются по гнездовым участкам. В это время можно наблюдать их токование, заключающееся в полетах над своей территорией, совершаемых на небольшой высоте по кругу. Самец при этом «поет» — издает приятную трель — и время от времени подрагивает изогнутыми дугой концами крыльев. Брачные игры происходят и на земле, где самец роет несколько гнездовых ямок на небольшом расстоянии друг от друга. Впоследствии лишь одна из них становится настоящим гнездом — та, которая понравится самочке. Выбранная ямка заполняется выстилкой: сухими стеблями и корешками злаковых трав, мелкими веточками полыни и солянок. Гнездо травника выглядит добротным и хорошо маскируется окружающей растительностью, оно закрыто травой не только сбоку, но и сверху.

В законченной кладке четыре крупных пятнистых яйца, обладающих характерным блеском. Окраска яиц травника сильно варьирует: от светлых глинисто-желтоватых до темно-бурых. Встречаются изредка и почти белые с редкими красноватыми пятнами — яйца-альбиносы. Увидишь такое и думаешь: а вдруг из него вылупится настоящий альбинос — белый пуховый шарик с красными глазами? Но как-то не удавалось проверить это явно сомнительное предположение.

Через три недели насиживания в гнезде появляются птенцы и, едва обсохнув, уводятся родителями в прибрежную траву, на мелководье. Примерно через такой же промежуток времени птенцы обретают способность к полету, а значит, к самостоятельной жизни. Но раньше, чем это наступит, самец покидает свое семейство и переходит к кочевому образу жизни. Почему? Трудно сказать, травникам виднее...

Ближайшим родственником травника, живущим по соседству с ним, является *поручейник*. Это редкий куличок, гнездится в северной половине Казахстана. От травника отличается меньшими размерами, светло-серой окраской верха тела, зеленоватыми ногами и отсутствием белых полос на крыле. Он очень изящен, воплощает в себе образ кулика более других видов. Когда наблюдаешь поручейника, грациозно вышагивающего по мелководью, невольно приходит на ум сравнение с балериной. Он и в полете легкий и изящный. Весной много поет — издает красивую звонкую трель — на земле и в воздухе. Прилетает почти на месяц позже травника, когда прибрежная растительность достаточно пышная, чтобы скрыть от посторонних глаз уютное гнездо, устраиваемое в неглубокой округлой ямке под каким-нибудь кустиком. В кладке три — четыре глинистого цвета с бурыми пятнами яйца. Такого же цвета из них вылупляются пуховички — желтовато-глинистые с продольными черноватыми полосками и пятнышками.

При опасности птенцы затаиваются и становятся незаметными до тех пор, пока родители с частыми беспокойными криками летают над врагом, пренебрегая собственной безопасностью. Оперяется потомство, и поручейники отдельными семьями кочуют с озера на озеро в южном направлении. Кочевки переходят в осенний пролет, во время которого выводки объединяются в стаи, часто смешанные с другими куликами.

Большой веретенник — еще один любитель сырых

лугов, травянистых берегов водоемов. Первое слово в его русском названии говорит о том, что это действительно крупный кулик. Размером с голубя, длинноногий, с длинным, до пятнадцати сантиметров, прямым клювом. Окрашен в рыжевато-охристые тона с поперечными рыжими и бурыми полосами (кулик в рыжей «тельняшке»). Молодые отличаются от взрослых особей дымчато-бурoserой окраской. А веретенником эта приметная птица названа благодаря громкому частому крику «верете-верете-верете», издаваемому в брачный период — во время токового полета над гнездовой территорией.

В отличие от травника и поручейника большой веретенник не маскирует свое гнездо в густой траве, а помещает его относительно открыто. Гнездо — ямка в почве, вырытая птицами и выстланная сухой травой, мелкими веточками, обломками стеблей тростника, типичное для большинства куликов. Яйца, их в кладке четыре — пять штук, крупные, выраженной грушевидной формы, зеленовато-буроватые с неясными темными пятнами.

Веретенники — заботливые родители, все семейные обязанности делят поровну. Хотя самка все же насиживает яйца побольше, ведь супругу приходится еще и охранять гнездо от врагов, а индивидуальную территорию — от соперников. При появлении человека, четвероногого или пернатого хищника в районе гнезда птицы срываются с места, летят навстречу и с громкими назойливыми криками кружат над нарушителем их спокойствия. К ним присоединяются соседние пары веретенников, другие кулики — члены дружной колонии и все вместе они дают решительный отпор противнику. Тревога многократно усиливается, когда в птичьем сообществе появляются птенцы.

Птенцы веретенника долго не сидят в гнезде и вообще уже в возрасте нескольких дней эти пушистые шарики на ножках-ходулях покидают родной луг и уходят

вместе с родителями порой за несколько километров. Так и бродят, выискивая вкусных насекомых и их личинок, учатся распознавать врагов, прятаться от них — взрослея, учатся жить. В возрасте около месяца птенцы начинают летать, объединяются в стаи и постепенно продвигаются к югу. Взрослые веретенники улетают раньше, а молодые в пределах Казахстана задерживаются до середины октября.

Кажется, что орнитофауна нашей республики давно уже изучена «вдоль и поперек», что ничего нового в очередном полевом сезоне мы не увидим. Но почти каждая экспедиция в какой-либо район Казахстана преподносит очередной сюрприз. В основном это фаунистические находки, уточняющие или расширяющие границы гнездовых ареалов птиц. Немало орнитологических открытий подарил нам озерный край в Тургайской ложбине, простирающейся с юго-запада на северо-восток более чем на шестьсот километров. Здесь сосредоточены места массового гнездования и линьки различных водно-болотных птиц, проходит мощный пролетный путь пернатых.

Весной среди облачков кулициных стай в низовьях Тургая в большом количестве летят на север турухтаны — жители тундры и лесотундры. На гостеприимных степных озерах они ненадолго задерживаются для отдыха и кормежки. Летом кое-где встречаются одиночки и небольшие группы неразмножающихся, бродячих, как их принято называть, куликов.

В мае 1986 года в междуречье Тургая и Улькайка наблюдался хороший пролет турухтанов. Птицы летели плотными стаями, кормились на берегах озер, в мокрой от дождей зеленой степи. В середине месяца часто можно было видеть турниры украшенных яркими разноцветными «доспехами» петушков. Во второй половине мая пролет стал ослабевать и в последних числах совсем прекратился.

Наш лагерь стоял на пустынном берегу озера Кызыл-коль. В полкилометре от берега находился небольшой пологий остров, к нему свободно можно было пройти в болотных сапогах. Этот остров со скудной растительностью из белесой полыни и сочных зеленых побегов солянок и солероса с редкими вкраплениями небольших кустиков злаковых трав и голых солончаковых плешин дал приют уткам, крачкам, жаворонкам, трясогузкам, куликам. Среди последних многочисленными были ходулочки, степные и луговые тиркушки, морские зуйки. Загнездились здесь также пара осторожных куликов-сорок, по несколько пар чибисов и травников.

Со второй половины мая мы стали ежедневно посещать остров-общезитие. С первых дней ждала удача — у воды мы находили высокие гнезда-кочки ходулочников, в центре острова, среди травы и солончаковых пропешин — плоские гнезда-ямки тиркушек, зуйков, чибисов, малых крачек. Гнезда травников долго не удавалось найти, птицы его хорошо маскируют в траве, но беспокоящиеся, с нудным теньканьем летающие над головой, травники сами помогли нам. Удалось найти одно, затем другое гнездо. Помещались они под кустиками полыни и со стороны совершенно не были заметны. Кладки содержали по два яйца, еще не были закончены.

В те же дни мы обнаружили еще одно гнездо травника. Оно показалось странным: лоток выстлан только стеблями злаковых (обычно — веточками полыни и солянок), помещалось в центре пышного кустика злаковой травы, скорлупа двух яиц не имела блеска, обычного для травника. Смучило и то, что у гнезда стояла тишина, никто не летал с криком над головой. Но все сомнения были отброшены, и гнездо и кладка больше ни на чье, кроме как на травничье, не походили. Странное гнездо пометили, как травничье, под номером три.

Шли дни. Вскоре во всех трех кладках травников лежало по четыре яйца. Началось их плотное насижи-

вание. Как и прежде, при осмотре гнезд травники сильно волновались, кричали и летали или бегали неподалеку. А в районе гнезда номер три стояла поразительная тишина. Очевидно, таинственная наседка успевала до нашего прихода тихо и незаметно скрыться в траве.

В начале июня мы изготовили из подручных средств (палки, брезент и проволока) два скрадка и стали попеременно устанавливать их у гнезд разных птиц — для наблюдения и фотографирования. Дошла очередь и до травников. Вначале скрадок был установлен у первого гнезда. Пришлось набраться терпения: травник долго не подходил к кладке, ходил поодаль и непрерывно «тенькал». Сделав несколько неудачных снимков, скрадок переставили к гнезду номер три. Здесь события развивались стремительно. Один из авторов уселся поудобнее в тесном скрадке, приготовил фоторужье, взглянул в сторону гнезда и... обмер. Бесшумно, не задевая травинки, к гнезду скользила серенькая самка турухтана.

Первая мысль: а откуда здесь сейчас турухтан, ведь они уже все улетели в тундру? Вторая: а почему турухтанка не у воды, а в центре этого полупустынного острова? И третья: так это же гнездо турухтана! Хотелось запеть от восторга. А турухтанка, не задерживаясь и не обращая внимания на скрадок, подошла к своему гнезду, юркнула в густую траву, закрывающую его со всех сторон, и сразу же исчезла из поля зрения. Это был *первый достоверный факт гнездования турухтана в Казахстане*. От ближайших его мест гнездовий (Оренбургская область) это на пятьсот километров юго-восточнее, да еще в полупустынной местности, ничего общего не имеющей с сырой тундрой.

Через несколько дней яйца наклюнулись — на тупом конце появилась сетка трещинок. Наша командировка завершалась, и за день до отъезда в Алма-Ату мы посетили замечательный остров, решив в сходных местах, то есть в куртинках злаковой травы, поискать еще турухтань

гнезда. Чем черт не шутит! На этот раз поиск вели целенаправленно, со знанием дела, и нам повезло. В нескольких десятках метров от известного гнезда нашли еще одно — тоже с четырьмя проклюнутыми яйцами. Оно точь-в-точь напоминало первое гнездо турухтана и также в округе было тихо, как будто бы у кладки не было хозяйки.

В болотистых местностях Сибири турухтаны гнездятся небольшими колониями. Постоянных пар эти кулики не образуют, разукрашенные самцы в насиживании яиц и воспитании птенцов вообще не участвуют, все семейные заботы лежат на самках. Таковы особенности их биологии.

В последние годы на водоемах Тургайской ложбины стала нередкой *белохвостая пигалица*. Этот кулик занесен в республиканскую Красную книгу. Размером с горлицу, он имеет отдаленное внешнее сходство со своими ближайшими родственниками — кречеткой и чибисом, но изящнее их и выше на ногах. А в мае 1975 года встреча белохвостых пигалиц на озере Кумколь была расценена как орнитологическая новость. Эта находка оказалась на триста километров севернее ближайших известных гнездовых пигалицы — дельты Сырдарьи. Тогда мы очень удивились этой встрече и обрадовались: если удастся найти гнездо редкой птицы, то можно будет пронаблюдать за ним и, дождавшись вылупления птенцов, описать их. Как ни удивительно (в Южном Казахстане и Средней Азии этот кулик обычен), пуховой птенец белохвостой пигалицы еще не был описан в научной литературе, не хранился ни в одной коллекции музеев и хранилищ мира. Понятно было наше стремление во что бы то ни стало найти гнездо.

Сейчас уже трудно вспомнить все подробности наших ежедневных поисков, но там, где встречались пары пигалиц, — на травянистых берегах Кумколя и других озер, затопленных солончаках — мы прощупывали каждый

метр. Встревоженные кулики с резкими криками «ток-жак, токжак» то и дело пикировали на нас, убеждая в том, что гнездо где-то рядом. Однако поиски его не были результативными до тех пор, пока мы не сменили тактику. Теперь, затаившись в укрытии, мы терпеливо в бинокль наблюдали за парой куликов. Наше старание было вознаграждено: пигалица сама выдала гнездо, усевшись на него посреди сухого солончака, слабо поросшего чахлой полынью и солянками. Выскочить из укрытия и, не отрывая глаз от места, где только что сидела птица, добежать до него было делом нескольких секунд.

И вот оно под ногами — долгожданное, доселе не виданное нами гнездо белохвостой пигалицы. В ямку от копыта лошади брошено немного веточек полыни, кусочков стеблей тростника, конского и овечьего помета. На скудной выстилке острыми концами внутрь лежали четыре крупных зеленовато-глинистых с бурыми пятнами яйца. Обычные куличьи яйца, но какими они нам показались драгоценными!

Поиски по этой нехитрой методике продолжались, и через два — три дня в нашем распоряжении было уже несколько гнезд белохвостых пигалиц. За некоторыми из них мы установили наблюдения из скрадка. Настал день, когда в одном из яиц появилась паутинка трещинок. Крохотный клювик неродившегося еще птенца настойчиво тюкал в эти трещинки и через несколько часов появилась дырочка, из которой высунулся клюв с белым бугорком на конце — «яйцевым зубом». Первый глоток атмосферного воздуха! Еще несколько часов и птенец расколлет яйцо, увидит белый свет и своих родителей, которых он пока знает только по голосу.

И вот ведь как бывает: к этому времени закончился срок нашей экспедиции. Но не могли же мы, дождавшись такого момента, уехать в Алма-Ату. Посоветовавшись, едем в райцентр Иргиз, где посылаем срочную телеграмму в Институт зоологии о продлении нам командировки еще

на неделю. После чего возвращаемся в лагерь. Неделя пролетела стремительно. Уже описана окраска однопневных пуховичков, взяты с них промеры и вес, сделаны фотографии и коллекционные тушки. Теперь они хранятся в Институте зоологии Академии наук Казахской ССР и в Зоологическом музее Московского университета. В сборнике «Орнитология» опубликована наша статья с описанием птенцов. Почти одновременно пуховой птенец белохвостой пигалицы был описан А. А. Караваевым — сотрудником Гасан-Кулийского заповедника (Туркмения).

Так исчезло еще одно белое пятно в орнитологической науке.

Во время экскурсии на степной водоем можно увидеть множество мелких воробьиных птиц, порхающих в тростниковой чаще или в прибрежном кустарнике, поющих на метелках тростника, бегающих или прыгающих по берегу, реющих в воздухе. Среди них окажутся различные камышевки, славки, сверчки, овсянки, трясогузки, ласточки и другие. Все это представители обширного племени певчих птиц. Если вы окажетесь в разгар весны на берегу степного озера, то будете ошеломлены птичьим концертом: пернатые солисты свистят, трещат, щелкают, чирикают и щебечут на все лады. Сами чаще всего не выставляют себя напоказ, поют, скромно прячась в глубине зарослей. Но если набраться терпения, то многих из них можно рассмотреть и даже сфотографировать.

Вот буровато-серой мышкой шмыгнула по тростниковому залому небольшая, меньше воробья, птичка. Склонилась и проглотила какого-то червячка, при этом вздернула хвостом и распустила его веером, показав, что не такая уж она и невзрачная — рулевые перья были ярко-рыжие с черной каймой на вершине. А птичка, не довольствуясь этим, решила блеснуть во всей своей красоте. Она повернулась к нам грудью. Сразу стало понятно, что это варакушка. Трудно спутать ее с другой птицей. Горло и грудь *варакушки* чистого небесно-голубого цвета, в центре

сияет красноватая звездочка, а снизу грудь оторочена от белого брюшка двумя полосками — черной и рыжей. Голубое поле даже носит свое название — пластрон. Встречаются варакушки с синим пластроном и ярко-белой звездочкой. Но так окрашен самец, а самочка носит более скромный наряд. Отличие собственно заключается лишь в окраске горла и груди. Вместо пластрона и звездочки у нее едва обнаруживаются следы голубых и рыжеватых оттенков. А вот яркий рыжий хвост и она имеет.

Варакушка распространена очень широко, от тундр до полупустынь. И всюду она любима населением, прежде всего за красивую громкую песню, не уступающую знаменитой соловьиной. Крупнейший систематик Карл Линней, впервые описавший многие виды животных, кстати дал научное название варакушке — шведский соловей. Помимо чистых свистовых строф самец варакушки звукоподражает голосам многих певчих и непевчих птиц, то есть является пересмешником. Во время пения он выскакивает на вершинку куста или тростниковую метелку, иногда совершает характерный токовой полет.

Самцы варакушек, как и многих других певчих птиц, возвращаются на родину значительно раньше своих подруг и к их прилету успевают занять гнездовой участок, а своими самозабвенными песнями заявляют возможным соперникам, что сюда им путь заказан. Гнездо помещается в скрытых местах — в тростниковом буреломе, под корнями кустарников. Оно обязательно должно быть закрыто и сверху. Однажды в низовьях Тургая мы нашли гнездо варакушки, расположенное в куче старой спрессовавшейся соломы. К нему вела нора длиной не менее двадцати сантиметров. Яйца варакушки поменьше, чем у воробья, зеленоватого или голубоватого цвета. В полной кладке их четыре — шесть.

Насиживанием занята одна самка, а ее супруг все двенадцать дней поет без умолку, словно спешит: появятся дети — будет не до песен. Так оно и есть: выкарм-

ливают птенцов оба родителя. Растут они очень быстро и уже через тринадцать дней покидают родной кров. При приближении человека к гнезду варакунки очень волнуются, с криками «тик-чак-чак» то приблизятся вплотную, то отлетят подальше. И при каждом «тик» вздергивают вверх хвостиком: «тик» — и хвостик взлетает вверх.

Лишь только встанут на крыло птенцы, их родители, не теряя даром времени, приступают ко второй кладке. Пока самка насиживает, глава семейства может опять продемонстрировать перед ней свои вокальные способности. Появляются новые птенцы и тогда он замолкает до следующей весны.

Места зимовок наших варакушек находятся неблизко — от Индокитая до Северной Африки. Однако эти милые птички не особенно спешат туда, в Казахстане задерживаются порой до снега.

Тростниковая, или *камышовая*, *овсянка* значительно уступает варакунке в красоте оперения и не обладает выдающимися вокальными данными, но встреча с ней вдали от суши, среди бескрайних зарослей тростника, очень приятна. Летом чаще видишь самца, сидящего на пушистой метелке и через определенные промежутки времени скороговоркой повторяющего свою незатейливую песенку. Самочка же в эту пору чаще всего сидит в гнезде, устроенном в густых сплетениях тростникового залома.

Было бы ошибкой сказать, что самец тростниковой овсянки совсем уж невзрачен. Нет, он по-своему красив. Верхняя сторона тела серовато-бурая с черными штрихами, нижняя — чисто-белая. Белые полосы по бокам шеи и ошейник четко отделяют резко контрастирующие с остальным оперением черную голову и такого же цвета зоб. Таков самец в брачный период, а осенью и зимой его трудно отличить от буровато-охристой с темными пестринками самки.

Тростниковая овсянка интересна тем, что как вид образует множество подвидов, отличающихся величиной,

деталлями окраски, формой и размерами клюва. В тонкостях определения этих подвидов может разобраться лишь опытный систематик. Но даже неспециалисту заметны три формы овсянок: тонкоклювые, средnekлювые и толстоклювые. Между собой они разнятся прежде всего клювом. У тонкоклювых он прямой и тонкий, у толстоклювых — массивный и вздутый, почти как у снегирия. Средnekлювые обсянки занимают промежуточное положение. Кроме того, тонкоклювые овсянки самые мелкие и наиболее темные, а толстоклювые — крупные и светло окрашены. Весьма любопытны и отличия в географическом распространении разных форм тростниковых овсянок. Толстоклювые гнезятся в южной половине Казахстана, тонкоклювые — в северной, а средnekлювые — в Центральных областях республики. На юге Казахстана в зимнее время встречаются все три формы этих занятых птичек, а толстоклювые овсянки живут здесь оседло.

Есть отличия и в биологии тростниковых овсянок. Толстоклювые селятся главным образом в труднопроходимых зарослях тростника и гнезда делают из его стеблей, листьев и метелок. Такие постройки громоздкие и небрежные. Тонкоклювые овсянки в тростниках встречаются редко, их гнезда помещаются на земле среди прибрежных кустарников, выстилаются сухой травой и конским волосом. А вот средnekлювые могут гнездиться всюду: на земле, в тростниках и даже на деревьях, где их гнездо выглядит аккуратно сплетенной чашей.

Если тонкоклювые и средnekлювые овсянки питаются как животной (насекомые), так и растительной (семена) пищей, то толстоклювые исключительно насекомоядны. Даже зимой они остаются верными себе — все светлое время суток сильными клювами расщепляют стебли тростника в местах отхождения листьев и выбирают отуда оцепеневших личинок насекомых.

Неправда ли, интересная эта птичка — тростниковая овсянка? Право, стоит повнимательнее присмотреться к

ней во время орнитологических экскурсий. Может быть, вам удастся подметить что-либо заслуживающее особого внимания — многое как в биологии, так и в поведении тростниковых овсянок остается еще не известным науке.

Богаты степные озера птицами. Еще богаче они были несколько десятилетий назад, когда степи были мало населены и слабо освоены. Осушение озер и болот, зарегулирование стока степных речек привело к деградации водоемов. Резко возрос пресс охоты и массового браконьерства. Это привело к снижению численности охотничьих, хищных и других крупных птиц. Они сохранились во всем разнообразии и величии только в немногих глухих местах и в заповедниках.

Возможно ли мирное сосуществование водно-болотных птиц и человека? Да, но только при охране наших пернатых спутников по планете.

ЖИЗНЬ НА СОЛЕННЫХ ОЗЕРАХ

● Фламинго ● Пеганка ● Чер-
●ноголовый хохотун ● Шило-
●клювка ● Черный жаворонок

На равнинах Казахстана преобладают водоемы с сильно минерализованной водой — соленые и горько-соленые. Многие из них обширны по площади, имеют крупные острова. Общая характеристика соленых озер — полное отсутствие подводной и слабое развитие (в устьях рек) надводной растительности. Берега в основном пологие, солончаковые, топкие, местами совсем непроходимые. Почти все соленые озера неглубокие, максимальная глубина их не превышает двух — двух с половиной метров. Наиболее крупные соленые водоемы республики: Тенгиз, Селеты-Тенгиз, Челкар-Тениз, Джалаулы, Улькен-Карой, Киши-Карой. На их берегах нет населенных пунктов. Из-за высокой солености воды отсутствует рыба. Однако богато представлен зообентос и зоопланктон — веслоногие и жаброногие рачки, дафнии, клопы, циклопы, жуки-водолюбы и плавунцы. Из-за массы рачков вода в озере Джалаулы красно-бурого цвета. Ориентировочно подсчитано, что потенциальные кормовые запасы озера Тенгиз способны обеспечить пищей пятнадцать — шестнадцать миллионов птиц. В озерах сосредоточены колоссальные запасы

сине-зеленых водорослей. Выброшенные волнами на берег, они образуют подобие плотной растительной кошмы, называемой «камкой», она тянется вдоль берегов на десятки километров. Водоемы имеют множество кос и мелководных заливов. Высыхая, они покрываются блестящей коркой соли, слепящей глаза в солнечный день.

В мае 1986 года мы проводили авиаучет птиц на водоемах Актюбинской и Кустанайской областей. Наш «кукурузник» летел низко, порой опускаясь до пяти — десяти метров, мы хорошо видели не только крупных птиц, лебедей, цапель, пеликанов, но и уток, и даже куликов. На многих пресных озерах Тургайской системы были видны следы пожаров: на зеленом фоне стены, желтом — прошлогоднего тростника и голубом — воды четко и мрачно выделялись обширные черные заплатки свежей гари. В степи мы встречали небольшие табунки сайгаков, из тростников выпугивали семьи кабанов — взрослых с поросятами, на многочисленных плесах подсчитывали всех лебедей, гусей, колниц, серых и белых цапель, пеликанов. В двух местах отметили гнездовые колонии розовых пеликанов — из десяти и сорока пар. Больше всего видели лебедей-шипунув. С самолета хорошо заметны лебедки, сидящие на гнездах, и в некотором отдалении от них, на чистой воде, — самцы. Лебеди беспокойно поднимали вверх головы, следили за ревущей громадиной, но оставались на своих местах.

... Знаток казахстанских водоемов, орнитолог Эрнар Ауэзов сидел рядом с пилотами, на его коленях лежала подробная карта местности. Время от времени он громко выкрикивал нам, учетчикам птиц, в открытую дверь кабины названия озер, над которыми пролетал самолет.

— Приготовьтесь, скоро будет Челкар-Тениз! — крикнул Эрнар. Мы прильнули к иллюминаторам, ожидая увидеть огромный бессточный водоем, каким он запомнился при первой встрече более десяти лет назад. Птиц тогда над ним было видимо-невидимо.

— Теперь только успевай записывать,— мы приготовили блокноты с карандашами.

Но что это? Самолет летел над огромной чашей, в которой... не было ни капли воды. Тень от него быстро скользила по бескрайним площадям солончаковой грязи, имеющей различные цвета и оттенки: серый, коричневый и чисто-белый, как снег, от высохшей соли. Мертвое, безжизненное пространство на десятки километров во все стороны. Птиц не видно даже в воздухе! Жуткое впечатление осталось от этого, какого-то неземного пространства. Взгляд невольно притягивал западный берег, где степь круто обрывалась к бывшему озеру, и который весь был изрезан оврагами, как мозг — извилинами. Но и эти красивые обрывы чем-то напоминали леживой лунный пейзаж. А ведь когда-то здесь кипела жизнь и в некоторые годы даже гнездились жар-птицы — розовые фламинго.

На соленых озерах гнездится не так уж и много птиц. Прежде всего это фламинго, пеликаны, неганки, черпоголовые хохотуны, серебристая и сизая чайки, чайконосые крачки, шилоклювки, морские зуйки, кулики-сороки. Зато на летней линьке и осеннем пролете здесь скапливается баснословное количество разнообразной водоплавающей и околоводной птицы. Озеро Селеты-Тенгиз в Рокчетавской области лежит на крупнейшем пролетном пути уток и куликов, это промежуточная станция для птиц, мигрирующих весной через Тенгиз-Кургальджинскую впадину на сибирское озеро Чаны и далее на север и северо-восток.

На озере Тенгиз, сердце Кургальджинского заповедника, по подсчетам известного орнитолога В. Ф. Гаврина, летом кормится одних только круглоносых плавунчиков полтора-два миллиона, да линяет не менее пятисот тысяч уток и лысух. Несколько миллионов уток пролетает через Тенгиз и осенью. Главным же богатством Тенгиза,

давшим озеру всемирную известность, является розовый фламинго — редчайшая птица мировой фауны.

Фламинго поражает всякого, кто его увидит, своей оригинальной и неповторимой внешностью. Длинноногая, с длинной змеевидной шеей и большим словно надломленным посередине клювом птица напоминает большой вопросительный знак. Но она очень красива, пожалуй, это одна из самых красивых птиц нашей страны. И заслуженно. Оперение взрослых птиц бело-розовое, а подмышечные перья, верхние и нижние кроющие крыльев — пурпурно-красные. При взлете, когда фламинго распахивают крылья, вся стая словно бы вспыхивает.

...Почти сутки на Тенгизе дул сильный со штормовыми порывами ветер. Свинцово-серое громадное озеро вал за валом гнало мутные волны, которые выплескивались с шумом на берег и тотчас откатывались назад, оставив на солончаке белые хлопья пены. В воздухе висела водяная пыль.

В мелководном заливе, глубоко вдающемся в сушу, был затишек. Там, неподалеку от нашего палаточного «городка», с раннего утра кормилась небольшая, с полсотни особей, стая фламинго. Дивные птицы сбились плотным табунком на глубине, где «по колено», и успешно вылавливали мелких рачков из толщи воды. Над стайей то и дело взлетали горбоносые головы на длинных шеях и тотчас опускались вниз, под воду. Птицы с погруженными в воду головами выглядели сутулыми. Сотня ног-ходулей непрерывно переступала с места на место и вся стая медленно перемещалась вдоль берега. В бинокль было видно, что фламинго топают ногами, взмучивая ил. Держа голову в воде, птицы перемещались так, что описывали круг по часовой стрелке или против, при этом опущенная голова являлась центром этого круга. Доносился фэготный гогот краснокрылов, приглушенный расстоянием.

Перед закатом ветер стих. Фламинго дружно подня-

лись в воздух и, дважды облетев вокруг залива, сели на урезе воды. В сумерках с трудом можно было разглядеть их плотный табунок. Часть их была занята чисткой оперения, другая уже дремала, стоя на одной ноге.

Гнездятся фламинго на труднодоступных для четвероногих хищников да и человека островах. Образуют большие колонии, объединяющие по несколько тысяч пар. Вся жизнь розовых птиц протекает в стае. В гнездах, когда высоких конусообразных, а когда и плоских, одно — три белых яйца насиживаются обоими родителями около месяца. Птенцы появляются в белом пуху и, что особенно любопытно, с коротким прямым клювом, как у далеких предков. Вскоре после вылупления птенцы из разных гнезд соединяются в большие табуны, называемые «детскими яслями». За ними строго следят «няньки» — одна или несколько взрослых птиц. Через два месяца птенцы фламинго превратятся в стройных птиц, похожих на родителей, но проигрывающих им невзрачной окраской оперения: снизу они рыжевато-белые, сверху — серовато-бурые.

Сотрудники Кургальджинского государственного заповедника ежегодно проводят кольцевание молодых фламинго. В 1980 году кроме алюминиевого кольца, одеваемого на голень, впервые шесть птиц были помечены черными пластиковыми ошейниками. Это дает возможность опознавать птиц издалека, а в бинокль можно различить порядковый номер ошейника с расстояния до ста метров. Об эффективности индивидуального цветного мечения говорит такой факт. Уже через три с половиной года из Голландии пришло сообщение, что на территории Туни-са зимой наблюдали взрослого фламинго с черным ошейником, на котором было выгравировано «К-001». Это оказался один из тех шести молодых краснокрылов, помеченных в 1980 году на озере Тенгиз. А в 1986 году орнитологи Н. Н. Андрусенко и В. Г. Березовский поместили ошейниками уже около двухсот фламинго.

Фламинго чрезвычайно осторожные птицы и очень болезненно реагируют на малейшее беспокойство. Вот почему их гнездовые колонии из года в год сохраняются только в Кургальджинском заповеднике. В других местах, в северо-восточной части Каспия, на озерах Челкар-Тениз, Ащитастьсор, Жаманакколь, фламинго гнездятся периодически. Грациозная птица должна всегда оставаться самым лучшим украшением безлюдных соленых водоемов нашей республики.

На Тенгизе нечасто бывает штиль. Как-то привыкаешь к постоянно завывающему ветру, меняющему направление по несколько раз на день, к шуму волн и порой кажется, что другой погоды быть не может. В один из июльских дней, проснувшись утром, мы не услышали привычного хлопанья стенок палатки. Стояла тишина. Солнце уже оторвалось от горизонта. Под его лучами блестяло озеро. На ярко-голубом небе медленно плыли белоснежные облака самых причудливых форм.

Что ж, в такую погоду самый раз выходить в «море», пора кольцевать линных пеганок. Как и все утки, пеганки разом теряют все маховые перья и некоторое время не способны летать. В эту пору мы ловим их с моторной лодки сачком на длинной палке. Вода в Тенгизе прозрачная и нырнувшую птицу хорошо видно. Главное не зевать и вовремя поддеть ее под водой сачком.

Ровно урчит лодочный мотор, соленые брызги, попадая на лицо и руки, быстро высыхают и стягивают кожу. На одежде и биноклях от них остаются белесые пятна. Вода по курсу дюралевой «казанки» будто взрывается — одновременно десятки, сотни разных уток взмывают вверх и, построившись косяком, уходят вдаль, туда, где озеро сливается с небом. Не поднимались с воды, по мастерски ныряли при приближении лодки многочисленные черношейные поганки. Еще больше на озере было круглоносых плавунчиков. Водоплавающие кулочки суетливо кормились, с щебетом перепархивали с места на место. Скоп-

лениями по сто — двести особей встречались лысухи. Поднувлив лодку почти вплотную, они тоже заныривали, но многие бежали по воде наперегонки с нами, шлепая лапами, оставляя позади себя дорожку, и наконец тяжело взлетали. Однако летят лысухи довольно быстро, часто работая короткими крыльями. В полете их грузное вальковатое тело с вытянутыми в одну линию шеей и ногами похоже на летящий бочонок, из которого вперед и назад торчат две палки.

Уже скрылся за спиной берег, когда мы увидели первое скопление — несколько сотен линных пеганок. Вскоре ныряющие и удирающие по воде утки окружали лодку со всех сторон. И пошла работа: ловец сачком — весь внимание, рулевой тоже, кольцеватель только успевал загнать кольца на розовых лапах.

Пеганка интересна тем, что гнездится в норах зверей: лисиц, корсаков, барсуков, сурков. Это земляная утка. Оттого она имеет очень густой и плотный пух, по своим теплозащитным свойствам не уступающий знаменитому гагачьему. Лишь в редких случаях, на островах степных озер, она устраивает открытые гнезда на поверхности земли, под кустами.

Несмотря на то, что половина жизни пеганок проходит под землей, это очень красивая утка. Особенно наряден селезень. Он пегий, за что и получил свое название. Общая окраска оперения белая, грудь и спину опоясывает широкая коричневато-ржавая перевязь, голова и шея черные, на черных крыльях ярко зеленеют зеркальца. Эффектно смотрится малиновый клюв с толстым наростом того же цвета у основания (как у пекинской породы домашних уток). Самка более скромно окрашена, но и она видна издали. Спутать эту крупную, больше кряквы, утку невозможно ни с кем. И громкий голос «ата-та-та» — запоминающийся.

Существует предположение, что пары пеганок сохраняют верность всю свою утиную жизнь. Их брачные игры

весной — красочное зрелище. Селезень-франт гордо расхаживает или плавает вокруг подруги, поднимает вверх голову с раскрытым клювом, взъерошивает перья шеи, отчего она делается в два раза толще и демонстрирует ей зеленые зеркальца.

Выбрав подходящую готовую нору или вырыв ее самостоятельно в старых стогах спрессованного сена, пеганки выстилают гнездовую камеру своим теплым и мягким серым пухом. Кладку из шести-восемнадцати круглых белых яиц насиживает только самка, а селезень в это время охраняет вход в нору. Он очень смел, способен прогнать даже лисицу, собаку и крупную хищную птицу. Но вот что удивительно — нередки случаи, когда пеганки поселяются в одной норе с ее полноправным хозяином, лисицей или барсуком. Лишь отнорки у них разные. В любой момент зверь мог бы съесть утку вместе с кладкой яиц, по этому не происходит. Почему? Однажды один из авторов, увидев у входа в нору следы пеганок, решил проверить, загнездились ли они в ней. Просунув туда руку, он тотчас выдернул ее обратно — из глубины норы послышался топот и страшный звериный рев. Так беззащитная утка пугает врагов.

Немногим меньше месяца длится насиживание. Вылупившихся птенцов утка выводит из подземелья наверх, где их ждет селезень. И вот все семейство направляется к ближайшему водоему. В пути утят поджидает немало опасностей, но рядом постоянно находятся родители, вместе они дадут отпор любому хищнику. Пеганки — индивидуалисты. Каждая семья занимает полностью небольшое озеро и прогоняет с него других пеганок, пришедших позднее. Более сильный селезень может при этом отбить чужих птенцов и присоединить их к своим. Поэтому иногда встречаются увеличенные выводки из тридцати-пятидесяти разновозрастных утят. Впрочем, бывает и так, что две семьи мирно объединяются и живут вместе.

Незадолго до того, как молодые поднимутся на крыло,

селезни покидают выводки и собираются для линьки маховых перьев на крупных степных водоемах. Вскоре к ним присоединяются и самки. Наиболее крупные скопления линных пеганок, до двухсот семидесяти тысяч особей, известны на озере Тенгиз.

Закончив кольцевание пеганок, мы повернули к берегу. По пути решили заглянуть на большой пологий остров, над которым еще издали заметили крупных белых с черными головами и желтыми клювами чаек. Птицы подняли невообразимый гвалт, когда мы вышли из лодки и, увязая в илистом дне, направились к острову, они пикировали на наши головы. Среди огромных, размером с гуся, черноголовых хохотунов летали серебристые чайки и морские голубки. Были здесь и кулики — несколько шилоклювок и пара куликов-сорок. Среди взрослых мы заметили много молодых, уже летных, бледноокрашенных птиц. Но в колонии оказалось еще немало оперяющихся и пуховых птенцов, и даже гнезда с кладками.

Черноголовые хохотуны летали несколько в стороне и выше других чаек. Это очень осторожные птицы. Их короткие грубые крики «ау» издавались на низких нотах, с ударением на первую букву. Численность хохотунов невелика и продолжает резко сокращаться, что послужило основанием для внесения вида в Красную книгу. Причины сокращения численности разные: прогрессирующее падение уровня воды, беспокойство птиц на гнездовых колониях и прямое истребление их человеком. Черноголовые хохотуны наряду с серебристыми чайками снискали у рыбаков дурную славу. Не только из-за того, что питаются рыбой, но главным образом тем, что успевают выпотрошить рыболовные сети до их проверки. Причем рыб, запутавшихся в нижних ячеях, чайки подтягивают вверх, ловко перебирая лапами сеть. Вот и говори после этого об отсутствии у птиц элементарной сообразительности. Обидно, что из-за главного грабителя — серебристой чайки, названной мартыном, — пострадал и черноголовый хохотуны.

тун, для которого более характерно поедание снулой рыбы, а также различных грызунов, саранчи, реже птенцов птиц.

Черноголовый хохотун относится к истинно колониальным птицам. Образует колонии из нескольких десятков и сотен пар. На нашем острове гнездились не менее двухсот пар этих благородных чаек. Место для гнезд было выбрано самое лучшее, в центре острова, на возвышенных его участках. Здесь отсутствовала какая-либо растительность, и гнезда располагались в небольших углублениях утрамбованной птичьими лапами почвы. Выстилку лотков составляли пучки сухих водорослей, мелкие веточки и корешки растений, перья птиц, в том числе и фламинго. Большинство гнезд мы застали уже пустыми, растоптанными и побеленными пометом. Кое-где сидели еще совсем маленькие птенцы, покрытые белым пухом, или лежали два-три пестрых яйца. Много было оперяющихся птенцов, затаившихся между гнездами и убегающих от нас на воду, где они сбивались в плотные табунки. Интересно, что в колонии, пока все родители улетают за рыбой (порой за десятки километров), обязательно остается несколько взрослых птиц — дежурных.

В возрасте сорока пяти дней молодые чайки поднимаются на крыло, колония постепенно распадается и начинается кочевая жизнь ее членов. Кочевки переходят в осенний отлет. Тенгизские хохотуны мигрируют на юго-запад, зимуют частично на юге Каспия и в низовьях Амударьи, но в основном — на берегах Средиземного моря и Индийского океана. Птенец, окольцованный в июне на озере Алаколь, в конце июля «дал о себе знать» из Монголии, примерно в двух тысячах километров от родного дома.

Простым занесением в Красную книгу черноголовому хохотуну (как и всем другим ее представителям) не поможет, необходима разъяснительная работа среди населения, прежде всего рыбаков и охотников. А спасать гигантских чаек, древнейших представителей пернатых, не-

обходимо. Это дело чести советских людей, ведь гнездовой ареал черноголового хохотуна почти целиком лежит в нашей стране, около девяноста процентов всех живущих на земле птиц обитает в Казахстане. Неподалеку от морских голубков мы нашли с десяток гнезд *шилоклювки*, уже пустых. Но долговязые нескладные птенцы их, начавшие оперяться, бегали тут же. Взрослые кулики с отрывистым жалобным неприятным посвистом непрерывно летали над головой, то и дело пикируя на нас.

Шилоклювка — птица экзотическая. Крупный, чуть меньше вороны, кулик, контрастная черно-белая окраска оперения, черная шапочка, длинные голубые ноги, задорно вздернутый вверх длинный и острый, как шило, клюв — такова внешность этой птицы. В полете она легка, быстра и очень маневренна. Хорошо плавает, а при необходимости может и нырять. Для этого между пальцами ног у шилоклювки есть перепонки. Гнездо незамысловатое — вырытая в песке или на сухом солончаке неглубокая ямка, слегка выстланная сухими стеблями солянок или водорослями, иногда и вовсе без выстилки. Однако в сырых местах, на топких солончаках к постройке относятся серьезнее, из травы и водорослей создают массивные гнезда-кочки высотой до двадцати сантиметров. Яйца шилоклювки, а их в гнезде четыре — пять штук, защитной окраски: по глинистому фону разбросаны черные и фиолетовые пятна. Пройдешь рядом с гнездом и не заметишь его, так сливаются яйца с окружающей поверхностью. В некоторых гнездах по семь-восемь яиц, явно отложенных двумя самками.

Насиживание длится двадцать пять дней, в нем участвуют самка и самец поочередно. Птенец шилоклювки очень забавен и мил. Так и хочется взять в руки и погладить этот пушистый комочек. Клюв короткий, но уже задран вверх, заявляя всем, что он не чей-нибудь, а птенец шилоклювки. Едва научившись ходить, он и кормится-то как родители. А в своем кормовом поведении шилоклювка

очень оригинальна. Она медленно бредет по мелководью и, опустив в воду клюв, потешно водит им из стороны в сторону. Шаг вперед, кивок головой влево, еще шаг — кивок вправо... Так птица вылавливает в толще воды рачков и других беспозвоночных животных. Иной раз идет и помахивает клювом только в одну сторону — совсем как косярь в поле. За одну минуту успевает сделать до сорока и более прокашиваний. Реже наблюдается такой способ кормежки: кулик погружает в воду голову и шею, держа клюв параллельно дну, и делает один — два шага вперед. Поднимает голову из воды, проглотит пойманную добычу, и вновь следует погружение.

В одной из орнитологических работ описан интересный случай. Пара куликов-сорок нахально заняла гнездо шилоклювок с одним яйцом, отложила туда свои яйца и вывела со своими птенца шилоклювки. При воспитании выводка у молодой шилоклювки появились черты поведения, в том числе и кормового, свойственные лишь куликам-сорокам. Это привело к тому, что другие шилоклювки враждебно относились к ней. К счастью, недолго. Вскоре чуждые черты поведения были утрачены шилоклювкой, вскормленной куликами-сороками.

Отлетают шилоклювки рано. В конце лета, построившись черно-белыми цепочками, отправляются они в дальний путь, на места зимовок — в Африку, Индию и Южный Китай. В Казахстане шилоклювка не живет в большом количестве. Поэтому как одна из очень красивых и оригинальных птиц — украшение безлюдных водоемов, — она должна быть взята под строгую охрану. И уж тем более следует незамедлительно исключить шилоклювку из числа птиц, имеющих спортивно-охотничье значение в республике.

К концу дня, уставшие, мы добрались до лагеря. У берега кормилась пара морских зуйков: стремительная пробежка — внезапная остановка — клевок. И опять бегом. Прямо по урезу воды неспешно ходила яркая взрос-

лая камнешарка. Она сосредоточенно переворачивала и взрыхляла клювом мусор, принесенный волнами. Первая «ласточка» из северных куликов, если не считать круглоносых плавунчиков, чьи самочки еще в июне бросили свои семьи и теперь путешествуют на юг. Скоро на берегах Тенгиза появятся тысячи куликов — гостей из тундры. Воздух зазвенит от их разнообразных голосов — посвиста, щебета, писка. А осенью пожалуют сюда северные нырковые утки, пискульки и белолобые казарки. Голоса белолобых казарок представляют собой какое-то удивительное смещение гусяного гогота с писком. В октябре, по подсчетам сотрудника Кургальджинского заповедника Н. Н. Андрусенко, через Тенгиз пролетает около двухсот тысяч белолобых казарок.

Вечером над лагерем с мелодичными криками пролетела пара *журавлей-красавок*. Это, очевидно, те самые птицы, что загнездились в степи, в полукилометре от нашего стационара. Как-то, еще в мае, мы проезжали на автомашине и увидели двух журавлей, отводивших от гнезда, — неестественно сгорбившись и постоянно на нас оглядываясь, они убегали в степь. Красавки в центральных и юго-восточных районах Казахстана местами еще обычны, но в целом по стране малочисленны. Поэтому вид внесен в Красные книги СССР и Казахской ССР.

Встретили мы тогда же в цветущей тюльпанами степи азиатских (каспийских) зуйков, белокрылых и черных жаворонков. Все эти птицы являются эндемиками Казахстана. Особенно много в Притенгизской степи *черных жаворонков*. В окрестностях лагеря мы нашли два гнезда. Оба помещались под пучками травы и представляли собой глубокие круглые ямки в земле, выстланные сухой травой. В одном гнезде было два рябых яйца, похожих на воробьиные, и два только что вылупившихся, голых, с длинными пушишками на спине, еще слепых, розовеньких птенца. Скорлупки от яиц, как ножом аккуратно разрезанные на четыре части, лежали еще в лотке — птицы не

успели их выбросить. Самка выпорхнула из-под наших ног, упала в траву и быстро поползла, как раненая, хлопая по земле крыльями, — отводила от гнезда.

Во втором гнезде жаворонка, тесно прижавшись друг к другу, сидели четыре оперяющихся птенца — почти слетки. Точнее, места им в родительском гнезде уже не хватало, в лотке уместилось только два птенца. Все вместе они образовали единый монолит, превосходно сливающийся с травой и глинистой почвой. Скорее наступишь, чем заметишь их. Через день эти птенцы покинули гнездо.

Горько-соленые озера почти не используются в хозяйственной деятельности человека, хотя кое-какие ресурсы в них есть, например, лечебные грязи, залежи солей. Тенгизская вода солонее океанской более чем в семь раз! Какой-либо предмет, попавший в озеро, вскоре покрывается кристалликами солей, как изморозью. Основные же ресурсы водоемов, их главное богатство — водоплавающие и околоводные птицы.

ПТИЧЬИ БАЗАРЫ РЕЧНЫХ ДЕЛЬТ

- Розовый пеликан ● Кудрявый пеликан ● Большой баклан
- Красноносый нырок ● Белоглазый нырок ● Серая цапля
- Большая выпь ● Ремез ● Усатая синица ● Черная ворона

Стелются под колесами автомашины бескрайние просторы казахстанской степи. Далеко за горизонт убегают низкие кустики полыни, сухо шелестят на ветру ковьялы и типчак, манит взор блеск далекой воды.

Кругом выгоревшая под жаркими лучами солнца степь: скорее к воде. И вновь нас ожидало разочарование, это манило зеркало небольшого горько-соленого озера, сохранившегося среди пепельно-серого солончака. Трудная и долгая выдалась на сей раз экспедиция. Зной, жара, безводье. На пути все чаще стали встречаться голые гряды песчаных барханов. Скоро Балхаш, благословенная дельта Или. Но только на исходе дня сумели мы доехать до заветного места. Каким резким контрастом показались нам буйные заросли тростника, сочно зеленеющие по берегам многочисленных протоков и рукавов реки. Даже тучи голодных злых комаров, с каким-то остервенением набросившиеся на нас, не смогли омрачить радости в такой чудесный вечер.

На следующее утро, забыв о тяготах дороги, мы разошлись с биноклями и фотоаппаратами в разные стороны,

чтобы провести учет птиц и поиск гнездовых колоний цапель, ради кольцевания которых мы проделали столь дальний путь. Низовья реки оказались подлинным птичьим раем. Об этом мало читать и слышать, надо увидеть своими глазами. Розовеющее в лучах восходящего солнца небо наполнили пролетающие стаи гусей, уток, бакланов и цапель, стороной протянули диковинные пелликаны. В дремучих многометровой высоты зарослях тростника стоял гомон от криков дысух, стрекотания камышниц, свистов погоньиной, трескучих песен камышевок и кряканья диких уток. нас неотступно провожали в надежде на поживу черные вороны, подлетали болотные луны.

Благодаря буйному развитию растительности, высокой продуктивности прогреваемых мелководий и плесов, наличию многочисленных островов растительной и животной пищи в полной мере обеспечены кормом, прекрасными укрытиями и местами гнездования. В течение года в этом районе можно встретить свыше двухсот семидесяти видов птиц, из которых тридцать пять видов ведут оседлый образ жизни.

Наблюдая за направлением полетов бакланов и цапель, мы вскоре без труда определили место расположения их колоний. Без лодки нечего было и думать пробраться в тростниковые джунгли, пришлось на первый раз ограничиться наблюдениями с берега. Забравшись на высокую развесистую турангу, расположившись с относительным комфортом среди ее листвы, более часа мы вели подсчет птиц и всматривались в размещение их гнезд. Смешанная колония цапель и бакланов находилась в островке пойменного леса, вытянувшегося лентой вдоль протоки. Сразу бросилась в глаза общая закономерность и ярусность в размещении гнезд разных видов. Этакое четкое ранжирование по этажам. Самый верхний ярус заняли большие бакланы, ниже их гнезд разместились серые цапли, колпицы и кваквы. Там, где поселилось несколько пар бакланов, гнезд других птиц не было, поскольку эти деревья

были сплошь залиты белым поместом. Даже на расстоянии слышался сильный гвалт и шум в колонии, словно каждая птица старалась перекричать соседа. Подобные смешанные птичьи колонии, или базары, выгодны: птицы совместно успешно защищаются от пернатых хищников, координируют свои действия и суточный ритм деятельности, возможно, что обмениваются информацией о богатых рыбных местах.

В зависимости от характера гнездовых мест веслоногие и голенастые птицы устраивают гнезда на полузатопленных деревьях и кустарниках или в тростниковых зарослях. В ряде мест дельты при недостатке пригодных деревьев на зарослях тростника делают гнезда черные вороны и даже орланы-белохвосты.

На следующий день мы отправились в глубь тростников на легкой раскладной лодке, отталкиваясь деревянным шестом. Целью экскурсии был осмотр колонии пеликанов, которую удалось обнаружить вчера с дерева.

В Казахстане встречаются два вида пеликанов: *розовый* и *кудрявый*. Это огромные внушительные птицы, масса которых достигает тринадцати килограммов, размах крыльев — трех метров. Окраска оперения белая с розовым или серым оттенком. В полете отчетливо выделяются черные концы широких крыльев. Самое характерное в облике пеликана — огромный широкий клюв с голым кожистым мешком снизу, яркоокрашенный. Хвост и лапы короткие, все четыре пальца соединены сплошной плавательной перепонкой, образуя неплохое «весло» (отсюда название этой группы птиц — веслоногие). Пеликаны хорошо плавают, но нырять не могут, поэтому рыбу, свой единственный вид корма, они черпают из верхних слоев воды клювом-черпаком, опустив шею и голову в воду. Чтобы легче было глотать рыбу, у пеликанов редуцировался язык.

Между собой розовый и кудрявый (или серый) пеликаны различаются деталями окраски, что и нашло отра-

жение в их научных названиях. Кроме того, у розового пеликана лоб голый, клюв красный с желтым горловым мешком, ноги желтые или розовые. У кудрявого пеликана все иначе: лоб оперенный, клюв серый с красным горловым мешком, ноги серого цвета. Еще лучше различаются пуховые птенцы: у розового пеликана они темно-бурые, почти черные, а у кудрявого — чисто-белые.

Обитают пеликаны только на больших озерах, богатых рыбой, и по побережью Каспия. На места будущих колоний эти солидные птицы прилетают в середине марта — начале апреля поодиночке, парами или небольшими стайками. Вскоре наблюдаются оживленные, весьма своеобразные брачные игры: самец топчется на суше вокруг самки, перебирает ей перья клювом, трется грудью и шеей, то и дело отходит в сторону и опять спешит к своей избраннице. Находясь на воде, он периодически отплывает от самки и быстро возвращается к ней. Затем птицы приступают к строительству гнезд, разделив обязанности. Обычно самец подносит в клюве строительный материал (длинные сухие стебли тростника, рогаза и камыша, сухие прутья), а самка не спеша укладывает его, сооружая огромную, диаметром до полутора метров и высотой более метра, кучу. В центре ее она вытаптывает небольшое углубление — лоток. Пеликаны — птицы общественные, селятся вместе по несколько десятков, даже сотен пар, часто образуют смешанные колонии с большими баклапами. Свои массивные гнезда они размещают на островах, славинах, заломах тростника, реже в густых тростниковых зарослях среди стеблей на плаву. К пеликанам нередко подселяются также колпицы, кваквы, серые и большие белые цапли.

Более двух часов пробивались мы к намеченному месту, узенькая протока вышла наконец-то из тростниковых дебрей на большой мелководный плес. И перед нашими глазами предстала поразительная, ошеломляющая картина. С тростниковых заломов взмывали вверх тысячи

белых и черных птиц, закружились над нами густым облаком, издавая хриплые стонущие крики. Времени у нас было в обрез, в колониях птиц не рекомендуется находиться более одного часа, иначе могут погибнуть от перегрева в жаркий день яйца и птенцы. Подплыв к гнездам, мы стали измерять и взвешивать яйца пеллканов и бакланов, попутно проводить кольцевание птенцов.

В кладке пеликанов два — четыре белых яйца. Сравнительно с размерами самой птицы они довольно мелкие. Более тридцати пяти дней насиживают кладку поочередно самка и самец. Вылупившиеся птенцы голые, розоватого цвета, слепые, с десятидневного возраста покрываются густым пухом. Они проводят в гнезде около двух с половиной месяцев, убегают при опасности на воду, затем опять возвращаются в свое гнездо. Родители приносят корм в подклювном мешке, птенцы засовывают голову внутрь клюва родителей и глотают оторванную полупереваренную рыбу. Аппетит у них отменный, заглатывают целиком килограммовых рыб, а за день до полутора килограммов рыбы съедают, потому и растут быстро. Норма взрослой птицы составляет около двух килограммов. Завидев подлетающих с охоты родителей, подростки птенцы громко кричат, подпрыгивают на гнезде. Очень шумно в этот период в пеликаньих колониях. Подростки птенцы все чаще и надолго уходят на воду, где их и кормят родители, ночевать выходят на гнездо или сплаvinу. На крыло молодые пеллканы поднимаются поздно, в трехмесячном возрасте. Вместе с родителями они шумными стаями кочуют по плесам озер, вдоль побережья моря, задерживаясь вплоть до ледостава. Последних птиц встречали даже в середине декабря. Зимуют они в Иране и Индии.

Нам довелось пронаблюдать, как охотятся пеллканы. Оказывается, на рыбалке они проявляют настоящий коллективизм. Стая опускается на мелководье, птицы выстраиваются в шеренгу, плывут к берегу, загибая края шеренги, и шумно хлопают крыльями по воде. Согнав и

заключив рыбу в живое кольцо, пеликаны торопливо глотают добычу. Тут уж не зевай, поспешай! Гораздо реже охотятся пеликаны небольшими группами. В мае мы наблюдали, как четыре птицы слывались навстречу друг другу, сильно хлопая крыльями и опуская периодически клювы в воду. Часто в пеликаньей рыбалке принимают участие большие бакланы: они ловко ныряют, преследуют рыбу под водой и невольно помогают пеликанам. Классический финал таких охот известен: на спинах плавающих сытых пеликанов стоят черные бакланы, тоже плотно позавтракавшие и, распутив крылья в стороны, супат оперение.

На пеликанов, как и на бакланов, всегда было много гонений со стороны рыбаков, мол, птицы уничтожают чересчур много рыбы. Тщательные исследования ученых-орнитологов и ихтиологов опровергли такое предположение. Ущерб от пеликанов невелик, и они не могут снизить запасы рыбы. Правда, на рыбопродуктивных прудах рыбацкие птицы могут нанести большой урон поголовью мальков, тщательно оберегаемых и выращиваемых человеком. В таких случаях приходится отпугивать птиц с прудов. Но ни в коем случае не отстреливать, что практиковалось раньше. Оба вида пеликанов стали настолько редкими, что внесены в Красные книги СССР и Казахской ССР, нуждаются во всемерной охране. Раньше в дельте Или были колонии розовых и кудрявых пеликанов по две — две с половиной тысяч гнезд, а сейчас эти колонии насчитывают от четырех до двухсот, максимально до девяти сот пар.

Нельзя допустить, чтобы пеликаны, эти древние реликты моря Тетис, чьи прекрасные парящие силуэты придают особое очарование южным водоемам, окончательно исчезли. В ряде стран пеликанов вынуждены разводить в неволе, чтобы затем выпустить на водоемы, а это очень сложное и дорогостоящее мероприятие. Проще охранять и сберечь тех, что еще обитают в природе.

С большими бакланами ситуация иная. Они также пользуются дурной славой истребителей рыбных богатств. Суточная норма взрослой птицы составляет от семисот граммов до двух килограммов рыбы. Простой подсчет на общее число этих рыбацких приводит к ошеломляющим цифрам, ведь они проводят на наших водоемах свыше девяти месяцев в году. Но не спешите с окончательной оценкой. Кроме рыбы баклан ловит лягушек, насекомых и моллюсков. Без вреда для себя поедает массу колючих сорных рыб, от которых не прочь избавиться рыбацким. Есть, оказывается, и от него польза. Как и к другим рыбацким птицам, к нему нужен строго дифференцированный подход; вред от него зачастую преувеличивается. Конечно, на рыбацких прудах бакланы крайне нежелательны, здесь их приходится отпугивать.

В отличие от пеликанов, бакланы уверенно чувствуют себя на деревьях. На ветках их черные вертикальные силуэты видны издали. Помимо лап в форме весла у бакланов немало других приспособлений к водному образу жизни. Перья очень плотные и густые, но вот беда, быстро намокают, птицам приходится часто вылезать из воды и сушиться. Длинный клюв с острым крутым крючком на конце — удобное орудие для захвата рыб под водой, когда баклан стремительной черной торпедой несется за стайей рыб. Когда птицы охотятся сообща, вода кипит от быстрых занориваний.

Большой баклан распространен практически повсеместно и очень многочислен на крупных рыбных водоемах. Одиночный баклан — большая редкость. Охотятся сообща и гнездятся колониями, насчитывающими по несколько сот и тысяч пар. На отдых собираются огромными скоплениями на полузатопленных деревьях, открытых песчаных косах и островах. Бакланы прекрасно летают, поднимаясь с воды после длительного разбега, летят прямолинейно и быстро, вытянув длинную шею.

За гнездовой жизнью больших бакланов нам довелось

наблюдать недолго. Но даже за короткое время, проведенное в палатке на краю многотысячной колонии, мы увидели все фазы — от токования до вылета птенцов. Ведь сроки размножения у разных пар не совпадают и различаются на месяц и более.

Во время токования самец сидит на куче прутьев — основе будущего гнезда, держит вертикально шею и голову, распускает веером хвост и медленно хлопает полураспущенными крыльями. Он выставляет напоказ белые пятна на горле, щеках и бедрах, контрастно выделяющиеся на общем смолисто-черном фоне оперения. Такие действия баклана отдаленно напоминают поведение моряка-сигнальщика и служат для привлечения холостых самок. Когда самка приближается поближе, распушив перья на голове и раздув горловой мешок, самец тотчас запрокидывает голову и шею на спину, трясет головой, издавая крики «кирр-орр». После образования пары самец и самка совершают на гнезде ритуальный танец: становятся друг против друга, вытягивают шеи вверх и перекрещиваются клювами.

Бакланы гнездятся на водоемах в разнообразных местах: на каменистых и земляных островках, на сухих деревьях, кустах, заломах и сплавинах. В Казахстане свыше девяноста процентов их гнезд было обнаружено в густых тростниковых зарослях. В бакланьих колониях с рассвета до темноты стоит невообразимый шум, звучат хриплые каркающие голоса подлетающих и улетающих птиц. В этот общий хор вплетаются также хриплые крики пеликанов, цапель, грачей, если колония смешанная. Бакланам приходится все время быть начеку: стоит зазеваться, как более расторопный сосед утащит с гнезда ветку, а в отсутствие хозяев соседи полностью растащат гнездо. Что поделаешь: острый дефицит строительного материала. Не упустят своего и черные вороны, миглом утащат бакланьи яйца или маленьких птенцов. Нечистоплотность бакланов общеизвестна, их гнезда быстро

цементируются пометом и становятся очень прочными, ветви и стволы деревьев приобретают белый цвет. В гнездах и под ними валяются полуразложившаяся рыба, выпавшие яйца и птенцы.

Первые яйца в колониях бакланов появляются в конце апреля — начале мая. В полной кладке три-пять зеленоватых или голубоватых яиц. Через месяц с интервалом в два-пять дней вылупляются голые слепые птенцы. Выкармливают их оба родителя, в избытке приносят им полупереваренную рыбу. Кормящийся птенец с головой влезает в глотку родителя, доставая корм, отрыгиваемый из желудка. В жаркие дни родители регулярно поят птенцов, выливают им воду в раскрытый клюв из своего клюва, прикрывают их крыльями наподобие зонтика, создавая спасительную тень. В двухмесячном возрасте бакланята отваживаются покинуть гнездо, уверенно лазят по веткам или бродят по сплавине, плавают по соседству с колонией, тренируют нескрепшие крылья, привстают на заломе и долго размахивают ими.

После подъема молодых птиц на крыло стаи бакланов кочуют по кормным рыбным водоемам, случается, совершают грабительские налеты на пруды. Наевшись до отвала, они неподвижно часами сидят на торчащих из воды кольях, отмелях. В конце сентября — в октябре бакланы отлетают, задерживаясь в южных районах до середины ноября. Случайные зимовки одиночных бакланов известны в отдельные годы на Келесе и Сырдарье.

Птенцов больших бакланов мы кольцуем ежегодно в разных местах, но особенно запомнилось посещение колонии в дельте реки Тентек, впадающей в озеро Сасыкколь. Обширные разливы, десятки рукавов и проток, мощные тростниковые заросли. Там, в глубине дельты на затопленном ивняке разместились бакланья колония.

...Почти сутки моросил нудный мелкий дождь, он, как из сита, падал и падал с визкого свинцового неба. Будто бы не начало июня было, а октябрь. Вдобавок ко всему

резко похолодало. Притихли птицы, не поют, не шмыгают, лишь кукушки монотонно талдычат свое «ку-ку» да «ку-ку». К вечеру разъяснилось, стало еще прохладнее, почью небо усыпали крупные яркие звезды.

Наступившее утро было ясным, умеренно дул сайкан (так в этих местах называется северо-западный ветер). Настроившись было на кольцевание бакланов, мы все тянули время — рискованно выходить на воду в ветер. К обеду он стал стихать, вселяя в нас надежду. Все необходимое для работы было уже приготовлено: связки колец, пассатижи для загибания их замков, полевые дневники, легкая деревянная байдарка с шестом, походная фляга с питьевой водой. Пообедав, быстро заправили горючим бензобак для подвешного мотора на «казанку» и наконец тронулись в путь вниз по протоке Тентека — Туюксу. Шел уже третий час дня. Мелькнуло сомнение, успеем ли вернуться до темноты, но оно было отброшено — летний день большой, успеем!

Моторная лодка быстро скользила по протоке, местами настолько узкой, что длинные прошлогодние тростинки, склонившиеся над водой, больно били по лицу. Рулевому приходилось быть все время начеку — протока делала неожиданные, порой очень крутые повороты. Слева и справа трех-четырёхметровой желто-зеленой стеной стоял тростник. Внезапно стены раздвинулись, впереди блеснуло широкое зеркало озера. Пересекли его по касательной у узкой протоочки, бурно стремящейся в озеро из-под тальниковых зарослей, свернули вправо, вошли в тихую заводь.

Спустили на воду байдарку, пересели в нее и направились к тальниковым кустам. Там, откуда вырывалась стремительная вода, был проход в следующее озеро. Один из нас сидел в центре байдарки, стараясь поменьше шевелиться, другой стоял на корме и отталкивался длинным шестом то с одного, то с другого борта. Нелегкое это дело ходить на такой узкой углой лодочке! В ней сидеть-

то трудно, быстро затекают и немеют ноги и спина, поначалу боишься не то что шевелиться, но и голову повернуть. Кажется, что вот-вот перевернешься, полетишь за борт вниз головой.

Приблизились к тальнику. Какой там проход — про света через кусты не видно! Но постепенно, подтягиваясь руками за ветки, низко пригнувшись в лодке, мы пробились через первое препятствие. Пересекли небольшое озерко, сильно заросшее широкими листьями и желтыми пахучими цветами кубышек, подошли к илотной стене тростника. Где-то должен быть узкий проход, отмеченный «заломом» — надломленным пучком тростниковых стеблей. Искали его долго, даже решили: не найдем за полчаса — повернем назад. Было уже около четырех часов дня.

Старую метку мы нашли, а вскоре увидели узкий, чуть более метра, проход. Двигались по нему не менее получаса. Сидящий в лодке помогал продвижению, захватывая руками по несколько стеблей тростника и подтягиваясь вперед. Незащищенные руки как бритвой порезались в нескольких местах, кровоточили. Не замечая боли, мы двигались без остановок все дальше и дальше — время поджимало. Задержались лишь на пару минут у крохотного гнезда усатой синицы, расположенного в плотном пучке старого тростника. В уютном лотке, выстланном растительным пухом, лежали пять миниатюрных яиц.

Продвигались вперед медленно — тропа сильно виляла, местами сужалась до одного метра. Но вот она вывела на широкую полосу чистой воды. Отсюда надо было искать следующий проход, также отмеченный «заломом». Время шло, а мы опять заблудились... Стали искать какой-нибудь просвет в зарослях. Такой обнаружился и минут через десять мы преодолели очередное препятствие (сколько же их!). Впереди явственно слышался шум бакланьей колонии. Скорее, скорее туда! Шел уже шес-

той час вечера, но солнце еще было достаточно высоко, особой тревоги мы не испытывали. Еще с полкилометра относительно свободного пути и вот она, многотысячная колония бакланов, перед нами.

Отдельными островами среди водного пространства стояли затопленные группы ив. Многие деревья были везелеными, а белыми от птичьего помета. На их ветвях, часто уже мертвых, засохших, шапками белели гнезда бакланов. В них мы обнаружили насиженные кладки из двух-четырех яиц и птенцов различного возраста: от голых, размером с воробья, до почти оперенных, величиной с родителей. В большинстве гнезд сидело по одному — четыре птенца, размером с утку, покрытых плотным черным пухом с пеньками или кисточками маховых перьев на крыльях.

При приближении людей тысячи бакланов подвдвались в воздух, хаотично носились над головой с каркающими криками. Выбрав группу гнезд, мы с разгона загоняли нос байдарки в сплетения ветвей и, схватив птенца, зажимали кольцо из толстой пластинки алюминия на его черной лапке. Те, что постарше, не особенно-то дожидались нас и уходили по веткам или прыгали в воду и завывали. В таком случае мы старались успеть захватить сразу нескольких бакланят и, удерживая их за лапы, кольцевали по одному. Птенцы орали, больно клевались и щипались крючковатыми клювами, пугали — делали резкие выпады навстречу с широко разинутой пастью. Многие отрывали полупереваренную рыбу, выстреливали в кольцевателя струю белого, как известь, помета. От самих бакланят, от тухлой рыбы и разложившихся трупов погибших птенцов дурно пахло. Перхотью птенцов, измельченным сухим пометом забивало ноздри и легкие, душил надсадный кашель. Наши лица, руки и одежда быстро побелели. Ничего не скажешь, кольцевание бакланят — занятие трудное и малоприятное.

Гнезда бакланов занимали периферийные участки

ивняковых «островов», а в центре помещались более аккуратные и меньшего размера гнезда цапель — квакв. Там также были и кладки, и разновозрастные птенцы. Оперяющиеся кваквята забирались на вершины кустов и поглядывали оттуда, смешно топорща хохолки: попробуй достать!

Перемещаясь по обширной колонии птиц, мы решили, что в семь часов вечера закончим кольцевание и двинемся в обратный путь — дорога неблизкая, трудная, в сумерках можно не разглядеть «заломов». Подсчитали число окольцованных птенцов. Всего поместили около ста квакв и более пятисот баклапов.

В восьмом часу мы отплыли в обратном направлении. Довольно быстро добрались до последнего на пути к колонии препятствия и тут вдруг поняли, что не сделали ни одной метки здесь. Решили искать проход по памяти. Но не тут-то было! По несколько раз мы проплывали мимо одного и того же места, а столь нужного нам не находили. Беспокойство охватило нас: через час стемнеет, что тогда? По едва заметному течению вышли к узкой проточке, которая, однако, через несколько метров уперлась в такую непроходимую стену старого тростника, да еще оцетинившегося в нашу сторону, что и думать было нечего пробиться через нее. Повернули назад...

В поисках потерявшегося прохода наткнулись на гнездо кряквы, сделанное в купаче слежавшегося тростника. Утка плотно сидела на кладке, мы одновременно встретились с ней взглядом и она не выдержала, с шумом хлопая крыльями по воде, слетела с гнезда. Неподалеку на полегших тростниковых стеблях обнаружили свежую кладку широконоски из десяти яиц. Гнездо было совершенно не выражено, без выстилки, яйца наполовину погружались в воду. Плохая, неопытная мать! Такая кладка обречена на гибель. Случайно, по выпорхнувшей птичке, нашли аккуратное гнездо-чашечку индийской камышевки, которое прочно крепилось к нескольким

стеблям тростника. В нем была сильно насиженная кладка из пяти крохотных яиц. Мы быстро осматривали найденные гнезда и записывали краткие данные в полевой дневник. Откровенно говоря, было не до находок — шел десятый час вечера.

Перед нами встала реальная перспектива провести ночь в байдарке-перевертыше. Правда, ей можно было придать устойчивость, загнав поглубже в тростник, но нас ожидали неприятности и другого рода. Во-первых, ощущаемо давали знать о себе комары и мошки, а у нас с собой не было никакого репеллента. Во-вторых, ночь обещала быть холодной и мы, успевшие промокнуть, уже стучали зубами. И в-третьих, очень хотелось есть.

Нет, надо было во что бы то ни стало искать злополучный проход. Мы вновь бросались на стену тростника, где хоть едва намечался просвет. Но всюду заходили в тупик и поворачивали обратно. Вот она цена беспечности! Ведь стоило нам тогда, когда мы рвались скорее на колонню, сделать хотя бы один «залом», мы могли бы уже пить чай в гостеприимной избушке егеря.

Поиск продолжался, хотя уже стемнело. И вот, когда уже не оставалось никакой надежды выбраться из тупика, случилось чудо — мы наткнулись на старый «залом». С радостными возгласами ринулись в обнаруженный проход, по темноте зашли в тупик, на этот раз, даже не расстроившись, быстро повернули назад и через несколько десятков метров нашли еще одну метку.

В десять часов вечера вышли в длинный узкий проход среди обширных тростниковых зарослей, который преодолели с помощью рук и шеста значительно быстрее, чем в прошлый раз. Почевка в теплой избушке и горячий чай теперь стали для нас реальностью, лишь делом времени.

Тускло светила половинка луны, мерцали бледные звезды, когда мы пересекали заросшее кубышками озеро. Вот и последняя преграда, через которую надо пробиться, — полоса тальника. Не утруждая себя поиском старого

прохода, мы стали ломиться через заросли в первом попавшемся месте — ведь всего в каких-то полсотни метрах стоит наша моторная лодка! Минут десять трещали ветки, трещала байдарка — наконец препятствие преодолено, течение вынесло нас прямо к «казанке».

Обессиленные, мы перебрались в дюралевую лодку — такую просторную, такую надежную! Мотор завелся с первой попытки. Его мерное тарахтение было приятнее любой музыки. А вскоре, переодевшись в сухое, мы сидели за столом и теперь уже не менее приятно шумел чайник на газовой плите.

Шел двенадцатый час ночи...

...В один из экспедиционных дней мы попытались поближе познакомиться и разыскать гнезда своеобразных уток, населяющих дельту Или. Идти далеко не пришлось, на первом же плесе мы обнаружили *красноносых нырков*, или *краснобашей*. Оба названия справедливы и очень точно подчеркивают отличительные особенности этих крупных уток. В брачном наряде у селезней голова и верхняя часть шеи охристо-рыжие с заметным хохлом, клюв и глаза ярко-красные, ноги оранжевые. На фоне черного зоба, груди и подхвостья и белых боков тела все смотрится исключительно красиво. Настоящий щеголь! Плавающие рядом с селезнями в рыжевато-коричневых нарядах самки выглядели намного скромнее. У летящих краснобашей сверху на крыле выделяется широкая продольная белая полоса.

В Казахстане краснобаш встречается по всей территории республики на подходящих водоемах. Предпочитает обширные плесы, окруженные зарослями тростника, гнезда устраивает на тростниковых сплавинах, купаках и реке на островах. Охотно выходит на сушу отдыхать и кормиться, что в целом не характерно для нырковых уток. А вот ныряет он плохо, поэтому и пищу добывает на мелководье, суше или с поверхности воды поедает зеленые части рдестов, роголистника, урути, харовые водоросли.

В большинстве районов Казахстана краснобаша появляются во второй половине апреля небольшими стайками. Токуют они на суше и на воде. Селезень-красавец расхаживает или плавает вокруг своей избранницы, распушив хохол, периодически забрасывает голову назад, издает резкие лающие звуки «ввав, ввав». Вот он опускает голову в воду, словно склоняется перед уткой. Образовав пару, селезень повсюду сопровождает самку, охраняет ее покой, отгоняет других селезней.

Интересной особенностью краснобаша является, помимо одиночного гнездования, устройство колоний, когда пять-десять пар селятся по соседству, часто совместно с белоглазыми нырками. Как у большинства уток, гнездо строит самка. Она роет ногами неглубокую ямку в слякоте, обкладывает края сухими листьями и стеблями тростника, а по мере насиживания выстилает стенки гнезда мягким пухом. В кладке от пяти до двенадцати крупных яиц. Бывало, что в гнезде и по шестнадцать яиц находили, явно отложенные двумя самками. Почти месяц утка насиживает кладку, лишь на один-два часа в сутки уходит покормиться и воды попить. Птенцов она также воспитывает в одиночку, как заведено у уток, держится с ними скрытно в густых зарослях. Селезни в это время отлетают на линьку, собираются на крупных плесах степных озер в сотенные скопления. Подросшие выводки нырков начинают выходить на утренней и вечерней зорях на плесы. Днем не рискуют, слишком много в дельте хищных болотных луней. После подъема молодых нырков на крыло семьи объединяются в стаи, кочуют по озерам и постепенно отлетают в направлении зимовок. Они покидают территорию Казахстана к концу октября, только на Каспии задерживаются до декабря. В исключительно теплые зимы краснобаша в небольшом числе зимуют на юге республики. Для охотников эти утки всегда были желанным трофеем, и охота на них очень популярна.

Еще в большем числе добывали охотники *белоглазых нырков*. Успешная охота и усыхание многих водоемов привели к резкому сокращению их численности. Так, по оценке охотоведов, в начале 70-х годов в СССР насчитывали свыше ста сорока тысяч пар белоглазых нырков, но уже в начале 80-х годов поголовье сократилось в сотни раз, во многих местах он полностью исчез, на других озерах сохранились считанные пары. Значительно уменьшилось число зимующих нырков. Важно срочно разобраться в сложившейся с данным видом ситуации, может быть, даже временно закрыть на него охоту. Возможно, численность этой утки постепенно восстановится вслед за естественным наполнением степных озер. Следует подчеркнуть, что белоглазый нырок, характернейшая птица степной и полупустынной зон Евразии, распространен хотя и широко, но спорадично, то есть крайне неравномерно, что также угрожает его существованию.

И эта утка оправдывает свои научные названия. Как нырковая, она прекрасно плавает и ныряет, находится под водой до двух минут, добывает корм с глубины полутора — двух метров. С воды же взлетает тяжело, после длительного разбега, но летает легко и быстро. У самцов действительно белая радужина глаз. Общая их окраска темная, рыжевато-каштановая, клюв синева-черный. В полете сверху на крыле видна поперечная белая полоса, белую окраску имеет и подхвостье. Самки и молодые птицы более скромны по окраске, они буровато-коричневые.

Прилетая в конце марта с зимовок, белоглазые нырки не теряют времени и сразу приступают к брачным играм — токованию. Они протекают очень оживленно с большим накалом страстей. Селезней на токовищах всегда больше, чем самок, поэтому они ссорятся и дерутся между собой, ведут себя крайне шумно. Токующий селезень всячески старается привлечь внимание самки: плавает вокруг нее, издает хриплые крики, время от

времени вскидывает голову и шею резко вверх и назад, затем вытягивает ее по воде, распускает веером поднятый хвост.

Сформировавшаяся пара отличается большой привязанностью и постоянством супругов. Селезень повсюду неотступно следует за самкой, защищает ее, бережет покой, пока она спит или кормится. Самка строит гнездо очень скрытно в густых тростниковых зарослях, охотно занимает искусственные гнездовья. От плеса к гнезду обычно ведет малозаметная водная дорожка. Среди уток редко бывает, что селезень остается с самкой, когда она приступает к насиживанию яиц. Белоглазый нырок — исключение. Многие селезни находятся в это время рядом с гнездом, а некоторые впоследствии даже сопровождают самку с маленькими утятами. А их насчитывается порой в выводке до двенадцати штук. Кстати, как и многие нырковые утки, эта также подкладывает яйца в чужие гнезда соседних самок своего и других видов. Такое наблюдается обычно в колониях чайковых птиц при нехватке мест гнездования. Вот и приходится некоторым самкам трудиться вдвойне, насиживать не десять, а двадцать-тридцать яиц. К сожалению, вылупляются в таких смешанных кладках только утята из первых яиц, а последние самка бросает. Но в целом, благодаря скрытному расположению гнезд, осторожности пасадов, отход яиц и птенцов у белоглазого нырка невелик.

Пеликаны, бакланы, утки.. Однако в этой экспедиции нашей главной задачей были цапли, точнее кольцевание их подросших птенцов. Пожалуй, нигде нет такого их разнообразия и обилия, как в дельте Или и Прибалхашье. Стоит рассказать о наиболее характерных представителях пернатых дельт и крупных южных озер.

Всеим цаплям, а их насчитывается в республике девять видов, свойственны длинные тонкие ноги (эта группа птиц так и называется — *голенастые*), длинная шея и клюв. На ногах по четыре тонких длинных паль-

ца, которые обеспечивают достаточную опору при передвижении по тонкому дну. Большинство цапель имеет крупные размеры. В полете они изгибают, как бы вытягивают шею в плечи, чем сразу отличаются от журавлей и аистов. В брачное время у многих цапель появляются разнообразные украшающие перья, как тут не упомянуть знаменитые перья-эгретки большой белой цапли, послужившие причиной беспощадного истребления великоленных птиц в начале двадцатого века. У цапель нет копчиковой железы, но эти околотоводные птицы пашли-таки выход. У них есть особые порошоквидные перья — пудретки, расположенные на груди и пояснице. Эти перья постоянно растут, вершины их слущиваются, давая порошоквидную присыпку. Ею птицы периодически посыпают свои перья, предохраняя их от намокания.

Все цапли обитают на водоемах, относятся к животной видам. Основная пища — рыба, но не пропустят цапли подвернувшуюся лягушку, мышку, крупных насекомых и даже мелких птичек. Гнездятся они крупными колониями, часто смешанными с другими видами птиц, на деревьях, кустах, заламах тростника, скалах и островах. Моногамные птицы, цапли сохраняют верность и привязанность друг к другу длительное время, совместно строят гнездо, насиживают кладку и выкармливают птенцов.

Среди цапель наиболее известна серая, по размерам не уступающая аисту. Ее часто можно увидеть стоящей неподвижно на мелководье или пролетающей над озером с хриплым криком. Окраска сверху пепельно-серая, снизу — белая, на голове длинные черные косички, темные полосы проходят по шее, на груди и брюхе. Во время охоты *серая цапля* то часами стоит неподвижно, поджидая рыб, то медленно, грациозно выхаживает по отмели или в степи, где может терпеливо караулить грызунов у норок.

На Балхаше вместе с серой цаплей гнездятся и другие. Вот как они выглядят. *Большая белая цапля* размером с серую, но белоснежной окраски, с длинными черными ногами и клювом. Весной на плечах отрастают длинные рассеченные перья — эгретки. Прилетает одновременно с серой, едва на озерах появятся промоины. *Рыжая цапля* действительно имеет рыжевато-коричневую окраску груди, шеи и испода крыльев. Сверху серо-бурая по размерам несколько мельче серой цапли. Из мелких цапель самая обычная — *кваква*, размером чуть крупнее вороны (по латыни ее научное название Пяктикоракс дословно означает «ночной ворон»). У нее более короткие ноги и шея, чем у предыдущих видов. В брачный сезон выглядит очень нарядной: верх головы и спина черные, крылья, хвост и поясница серые, брюхо белое. На затылке длинный хохол из лентообразных белых перьев. Эта цапля ведет исключительно ночной образ жизни. вылетает кормиться на мелководья, рыбообразные пруды, добывает мелких рыб и различных беспозвоночных. Днем отсиживается в кронах деревьев или густом тростнике. Летящие в темноте кваквы дают знать о себе характерным криком «куаак, куаак». Другой ночной цаплей является *большая выпи*. Она исключительно скрытная, почти не показывается вне густых зарослей. Зато ее ночные крики, грустное протяжное «кау, каук» знакомо каждому, кто встречал сентябрьские ночи под открытым звездным небом, — это улетают на зимовки выпи. Бытует в народе такое прозвище птицы, как «водяной бугай», или «бык», что связано с громким брачным криком — песней выпи, действительно напоминающем рев быка.

Окраска выпи неброская, маскирующая: буроватая с продольными темными пестринами. Затаится выпи в тростнике, вытянется в струнку и становится невидимой даже вблизи. Нам удавалось находить гнезда выпи случайно, подняв с него вануганную птицу.

Они плавучего типа, в виде плоской постройки из сухих стеблей тростника. В кладке по три-шесть коричневатых яиц величиной с куриное.

После предварительной разведки мы выбрали самую подходящую колонию цапель. Утро было ветреное, по небу бежали рваные тучи. Но ширилась на востоке чистая светлая полоса, а это обещало хороший солнечный день. Трава еще не успела высохнуть, когда мы подъехали к берегу озера. Сгрузили с машины две длинные лестницы, обулись в болотные сапоги и приготовили все необходимое для кольцевания цапель: связки алюминиевых колец, полевые дневники для записей. У берега нас ожидала большая, но легкая фанерная лодка. На ней предстояло пересечь широкий плес до места гнездовой колонии.

Вскоре лодка с сухим шелестом ткнулась в густой тростниковый залом. Дальше на ней ходу не было. Нельзя было и пешком идти — под ногами зыбуны, а под ними двух — трехметровая толща холодной зеленоватой воды. Осторожны эти птицы — цапли, знают, где безопаснее всего выводить потомство. Сюда ни четвероногий хищник не проникнет, ни человек не доберется.

Прямо с лодки мы бросили на тростниковые заломы лестницу. Первый кольцеватель шел по ней вперед, а второй подавал ему вторую лестницу. Под тяжестью человека лестница оседала вниз, с треском приминала сухие прошлогодние стебли тростника. Опора под ногами была вполне надежной. Так мы и перемещались по колонии, все время переставляя одну из лестниц вперед.

Больше всего в колонии оказалось гнезд серой цапли. В них сидели разновозрастные птенцы. Совсем маленькие при нашем приближении оставались на месте и позволяли взять себя в руки, хотя пугались и тесно прижимались друг к другу, выставляя навстречу толстые гузки и пряча головы под себя. Некоторые птенцы «стреляли» струйкой жидкого, неприятно пахнущего помета. Пока

они умеют защищаться только так. Подросшие оперенные птенцы, которых было больше, едва завидев нас вырыгивали из гнезд и уходили, ловко перехватывая тростниковые стебли цепкими длинными пальцами. Пойманные, они бились и вырывались из рук, клевались острым, как книжал, клювом, а то выпускали в ловца струю помета или отрыгивали полупереваренную рыбу.

В одном гнезде серой цапли мы внесли сумятицу: испугавшийся птенец судорожно стал отрыгивать рыбью кашлицу, а второй, ни на что не обращая внимания, выхватывал «лакомые» кусочки прямо из его клюва и торопливо глотал. Вот жадина!

Птенцов белых цапель, четко выделявшихся на ярком зеленом фоне тростниковых зарослей, мы замечали издалека. При нашем приближении они устремлялись вниз, прыгая из гнезд, забивались в такие заломы, что найти их там оказывалось просто невозможно. Общий итог кольцевания нас все же порадовал. Подсчитав на берегу по записям «улов», получили в итоге около двухсот помеченных птенцов.

Передохнув после напряженной работы, вечером мы отправились к замеченному раньше гнездышку *ремеза*. Эта птичка — характерный обитатель тростниковых джунглей дельт казахстанских рек, селится в зарослях ив и тополей. Особенно многочисленны ремезы в дебрях Балхаша, где ведут оседлый образ жизни. Здесь и гнездятся, подвешивая гнезда за неимением деревьев на тростниковых стеблях. Факт невероятный для лесных птиц. Однако гнездо, к которому мы спешили, размещалось традиционно на тонких концевых ветках ивы в двух метрах от воды.

Среди наших птиц ремез считается непревзойденным строителем. Разве не поразительно: крошечная птичка весом восемь-десять граммов с помощью клюва и ног сплетает из растительного пуха уютное гнездо размером с кулак. Формой оно напоминает варежку-рукавичку.

Через удлиненный вход птица проникает внутрь гнезда. Зато ни хищнику, ни каплям дождя не попасть внутрь такой постройки. Гнезда ремеза прочные, выдерживают превратности непогоды два-три года. Именно по ним, хорошо заметным осенью и зимой среди голых ветвей, чаще всего устанавливают орнитологи пребывание этого вида в том или ином районе. Сами ремезы редко на глаза попадают, но в густых кронах слышен их тонкий свист «тси, тси».

Самцы ремезов прилетают в северные районы республики на одну — две недели раньше самок, в начале — середине мая. Каждый из них занимает гнездовую территорию площадью несколько сот метров, начинает строить гнездо, много поет, привлекая пролетающих самок. Иногда он строит два-три гнезда и может обзавестись двумя подругами. Самка помогает ему только на завершающем этапе, ей отводится роль построить входную трубку — коридор.

Строительство занимает около двадцати дней. Помимо основного гнезда, используемого для откладки яиц, самец строит по соседству две-три постройки в виде корзинок, где он отдыхает и ночует. В насиживании кладки и выкармливании птенцов он участия не принимает. Отложив пять — семь белых яиц размером с горошину и весом до одного грамма, самка двенадцать суток почти не оставляет гнездо. Крошечных птенчиков выкармливает мелкими гусеницами, насекомыми. Правда, в некоторых парах самцы помогают своим супругам кормить птенцов, но это исключение.

Без промаха влетает ремез в узкое входное отверстие, отдает корм птенцам и вылетает наружу с белой капсулой помета в клюве. В гнездах ремеза всегда сухо, тепло и чисто. Растут эти синички медленно, только на пятнадцатый-двадцатый день молодые начинают вылетать из гнезда, но ночевать еще возвращаются в родной дом.

Рядом с ремезом, но «этажом пониже» обитают их

дальние родственники — *усатые синицы*. В тростниках Прибалхашья они попадались нам на глаза на каждом шагу. Эти птички по-своему красивы. Ростом меньше воробья, с длинными ступенчатыми хвостами, янтарно-желтыми глазами. У самцов черные усы спускаются от глаз к горлу. Четко выделяются рыжие полосы на крыльях и рыжий хвост. Во время передвижения члены одной стаи перекликаются между собой звонким синичьим «тинь-тинь». В хорошую погоду синицы кормятся на верхушках — метелках тростника, а в ветреные дни спускаются к воде, где копошатся в рыхлом слое опавших листьев.

К размножению усатые синицы приступают очень рано, в апреле — начале мая. Каждая пара, заняв в тростниках участок, приступает к строительству гнезда. Оно изготавливается из сухих тростниковых листьев и метелок и помещается в заламах и основании кустов. Кладка состоит из пяти — семи белых с темными мелкими точками яиц. Насиживает только самка, самец помогает выкармливать птенцов. Поднявшись на крыло, молодые синички с родителями в течение недели кочуют по зарослям, затем объединяются в стаи и ведут самостоятельную жизнь. А взрослые птицы приступают ко второму циклу размножения; некоторые пары успевают за лето вывести три выводка. Благодаря этому численность их высокая, но она резко изменяется по годам в зависимости от гидрологического режима: в многоводные годы синиц много, а в сухие — мало, на ряде озер они вообще исчезают. Когда мы отлавливали паутиными сетями воробьиных птиц в тростниках, то поражались высокой привязанности членов семей друг к другу. Стоило угодить в сети одной птичке, как другие с тревожными криками спешили к ней и также оказывались в ловушке.

Осматривая гнезда ремеза и усатой синицы, мы то и дело посматривали с опаской по сторонам. Было из-за чего, ведь в Прибалхашье гнездится множество вороватых

черных ворон, грабящих птичьи гнезда. Вороны всегда сопровождают на водоемах человека, держась от него на почтительном расстоянии и зорко следят за всеми действиями. Остановки человека у гнезд, взлетающие самки привлекают внимание хищниц и позже они обязательно вернутся и тщательно обследуют подозрительное место. В таких случаях разорение гнезда неизбежно.

Черная ворона — характерный обитатель побережий водоемов и пойм рек Южного и Восточного Казахстана. Многие ошибочно принимают ее за более известного грача: такая же черная, схожа размерами. Но клюв вороны не имеет белого основания, более мощный, и повадки чисто вороньи, как у ближайшей серой родственницы. Кстати, в местах совместного обитания черная и серая вороны часто образуют смешанные пары и выращивают чернопегих гибридов. Это свидетельствует о несовершенстве изолирующих межвидовых отношений, молодости обоих видов. Черная ворона и каркает по-вороньему.

На следующий день, убрав и законав остатки мусора на месте лагеря, мы возвращались домой в Алма-Ату, раздумывая под рокот мотора о будущем плавневых сообществ. Ведь дельты рек с разнообразием озер и заболоченных лугов, пойменных лесов и островов имеют уникальный набор птиц, многие из которых только там достигают высокой численности. Интенсивное освоение дельт, вырубка тугаев, осушение озер, неумеренный забор воды на полив, устройство глухих дамб и плотин на реках, ежегодные пожары в тростниковых зарослях, выпас скота — вот далеко не полный перечень негативного влияния человека на сообщества дельт. Оно приводит к сокращению численности или полному исчезновению многих птиц, в первую очередь узко специализированных, крупных по размерам или охотничьих. В рыболовных сетях и капканах ондатроловов ежегодно гибнут десятки тысяч водоплавающих птиц: уток, пастушковых и цапель. Посещение колоний веслоногих и голенастных птиц рыбаками

и туристами ведет к их гибели. Все это заставляет задуматься о более грамотном отношении к дельтам, об улучшении охраны их природы. Существующие заповедники и заказники не в состоянии обеспечить сохранение былого разнообразия плавневых комплексов, следует срочно расширить их сеть, создать новые заказники в традиционных местах смешанных поселений колоннальных птиц.

В ближайшие годы в Казахстане планируется создание новых заповедников, включающих в себя дельтовые участки рек. Давно назрела необходимость в заповедании дельты реки Или. Будущий заповедник получит название «Прибалхашский». О богатствах этого края мы уже рассказали в настоящей главе. В 1990 году предполагается создание Зайсанского заповедника, он будет включать в себя пустынные участки, прилегающие к озеру Зайсан и дельту реки Черный Иртыш — уникальную обитель множества птиц, прежде всего представителей водно-болотного комплекса. По перспективному плану развития сети заповедных территорий в республике еще в 1986 году должен был быть создан Алакольский заповедник, охватывающий в том числе дельту реки Тентек. Увы, благие намерения в жизнь претворяются с большим трудом. Воз и ныне там. Известно, что по темпам создания особо охраняемых природных территорий Казахская ССР значительно отстает от других республик. Как ускорить этот процесс? Гнездовья розовых и кудрявых пеликанов, колпиц, белых цапель, квакв в дельте Тентека ждут незамедлительной охраны. Пока не поздно...

ОБИТАТЕЛИ МОРСКИХ КОС И ОСТРОВОВ

● Серебристая чайка ● Морской голубок ● Малая крачка ● Речная крачка ● Кулик-сорока ● Морской зуек

Экскурсии на морские острова Каспия и Арала чрезвычайно увлекательны и познавательны, особенно в весеннее и летнее время. После шумного, надоевшего за зиму города попадаешь в мир ослепительно белого под горячим солнцем песка, ракушечниковых кос, мерного рокота волн, нескончаемыми вереницами набегающих на влажный песок, пряного запаха морских водорослей и воды. Мир, где господствует солнце, ветер и вода, да белые крикливые птицы — чайки, крачки и кулики. Их привлекают острова и косы, недоступные для человека и четвероногих хищников, хорошо прогреваемые мелководья и отмели, богатые рыбой и моллюсками.

На островах можно свести близкое знакомство с такими видами, как черноголовый хохотун, серебристая и сизая чайки, морской голубок, чеграва, пестроносая, чайконосая, речная и малая крачки, кулик-сорока, морской зуек. Вслушайтесь — даже в название некоторых из этих птиц прочно вошло слово морской. На островах чайки, крачки и кулики образуют порой огромные многотысячные гнездовые колонии; по соседству с ними селят-

ся различные утки, многочисленные околоводные всробиные птицы.

Нам повезло в эту поездку, подвернулся попутный рыболовецкий катер, который и забросил нас вместе со снаряжением, припасами и пресной водой на безымянный песчаный остров. Рыбаки пообещали забрать нас вечером на обратном пути. Итак, впереди целый день среди пернатых.

Первыми нас встретили на острове *серебристые чайки*, с громкими хохочущими криками они стали пикировать, заходя со спины, так и норовя долбануть клювом по голове. Такой удар был бы нешуточным. Ведь эта чайка размером почти с гуся, с крупным мощным клювом желтого цвета с оранжево-красным пятном снизу. Взрослые серебристые чайки белые, только спина сизовато-серая, да концы крыльев черные. Окраска глаз желтая, что придает птице хищное выражение. Кстати, оно полностью отвечает характеру чайки, метко прозванной рыбаками «мартыном» за грабительские наклонности и привычки. Голос серебристой чайки, иначе называемой хохотуньей, напоминает оглушительный хохот «а-ха-ха-ха». Как насмешка звучит он для рыбаков, чьи сети спозаранку ограбит эта птица.

Не спеша летает хохотунья в поисках пищи вдоль морского побережья, зорко примечает все, что в пищу годится. Как у всех видов чаек, у нее пальцы на ногах соединены плавательной перепонкой, она хорошо плавает, даже неглубоко ныряет. Быстро ходит и бегаёт по суше. Короче, универсал, освоила воздушную, водную и наземную среды жизни.

В течение дня нам довелось наблюдать за разнообразием охотничьих приемов серебристой чайки, и мы не переставали удивляться ее невероятной всеядности, ловкости и наглости. Основной корм этой чайки — рыба, но далеко не единственный. Хохотунья — полифаг, то есть употребляет в пищу практически все съедобное, отдавая

предпочтение животным кормам. Добычей чайки становятся мертвые и больные рыбы, плавающие на поверхности или выброшенные волнами на берег. Во время охотничьих рейдов птица обязательно подворачивает к торчащим из воды шестам-тычкам, поддерживающим рыболовные сети. Заметив попавшуюся рыбу, она мгновенно пикирует вниз, садится на воду и выхватывает ее из ячей сети; крупных рыб расклевывает и заглатывает по частям. Мелкую же добычу целиком глотает благодаря невероятной растяжимости пищевода и широкому разрезу клюва. Иногда чайка, переоценив свои возможности, глотает слишком крупную рыбу, так что хвост из клюва торчит. И птица терпеливо ждет, пока переварится рыбья голова, чтобы дальше заглатывать жертву. Известны даже редкие случаи удушья чаек в таких ситуациях. Жадность до добра не доводит!

За серебристой чайкой водятся грехи похуже: она легко переходит к каннибализму и поедает яйца и птенцов своего же вида, улучив момент, когда их родители отсутствуют. Подросших птенцов хватает, поднимает в воздух на высоту до тридцати метров и бросает на землю. Несколько повторных бросков, и птенец уже не может шевелиться, взрослая птица его не спеша съедает. В рацион хохотушки входят также яйца и птенцы многих птиц, ящерицы, моллюски, крабы, суслики, полевки и мыши, молодые ондатры, крупные насекомые, ягоды, семена растений, падала, пищевые отбросы на свалках. Для всех других птиц она, что волк в лесу, всех грабит и обижает, слабых съедает.

Серебристая чайка стала любимым объектом многих этологических* исследований, начало которым положил английский ученый-орнитолог, лауреат Нобелевской премии Нико Тинберген. Его известная книга «Мир серебристой чайки» переведена на многие языки мира. Такой

* Этология — наука о поведении животных.

выбор объекта был не случайным. Этот вид чаек широко распространен, многочислен, гнездится крупными колониями, обладает широчайшим диапазоном поведенческих актов и голосовых сигналов. У нее можно легко определять возраст по рисунку перьев, то есть по возрастным нарядам. Так, первогодки опознаются осенью и зимой по серо-бурой, с белыми пятнами окраске тела, черному клюву и черной поперечной полосе по краю хвоста. Двухгодовалые, трех- и четырехлетние особи различаются количеством и размерами белых пятен на черных первостепенных и рулевых перьях, по окраске ног и клюва.

Серебристая чайка относится к перелетным птицам, зимовки ее в Казахстане случайны. Весной прилетает рано, в марте — апреле до вскрытия озер и морских заливов. В местах обилия рыбы, особенно выброшенной штормами после зимних заморов, пролетные чайки скапливаются на берегу сотнями особей, пережидая весеннюю непогоду. Летит небольшими стайками. Прибыв на родной остров, чайки шумно делят территорию на гнездовые участки, тем более что с каждым весенним днем прибывает все больше птиц. Без ссор и драк не обходится. Соперники — будущие соседи, таскают друг друга клювами за крыло, размахивают и наносят удары крыльями. Удивительно красивое эффектное зрелище представляют брачные игры и токовые полеты хохотуньи, стремительно носящихся друг за другом в голубом небе с хохочущими криками.

Но быстро проходит любовный угар, птицы приступают к строительству гнезда, будущего дома для своего потомства. На суше или слявине они сооружают из растительной ветоши, обычно водорослей, солидные конусовидные постройки с небольшим углублением в центре. На песке гнездо может иметь вид ямки, выстланной сухой травой и водорослями. Однажды мы нашли поразительное гнездо: на трупе давно погибшей хохотуньи соорудили постройку соседи и успешно вывели птенцов.

В плотных колониях гнезда соседних пар располагаются обычно в двух — десяти метрах друг от друга. Примечательно, что в колониях мартынов селятся также другие виды чаек: черноголовый хохотун, сизая, озерная и малая, морской голубок, крачки — чегравы, речные, чайконосые и пестроносые. В таких многовидовых сообществах находят также приют и защиту многие утки и кулики. Оказывается, хохотуньи предпочитают грабить на стороне, а в своих колониях делают это только в голодные годы при нехватке корма.

Кладка серебристой чайки состоит обычно из трех яиц, что свойственно вообще всей группе чайковых птиц; в отдельных гнездах мы обнаружили по одному — два яйца. Они очень крупные, зеленовато-оливковые с большими, черными пятнами. Насиживают кладку поочередно самка и самец на протяжении месяца, меняясь на гнезде через каждые два — пять часов. Наседка часто привстает и ворошит яйца с помощью клюва для более равномерного их обогрева. Вылупившиеся птенцы очень симпатичны, рыжевато-песочные с темными пятнами. Такая маскирующая окраска выручает их при опасности, когда они затаиваются и неподвижно лежат на песке или в траве. Птенцы сидят в гнезде и поджидают прилета родителей. Прилетев с кормом, взрослая чайка отпрыгивает из пищевода мелкую рыбу. Птенцы торопливо хватают корм, отрывают крупные куски и заглатывают. Опоздаешь — останешься без обеда, такое неписаное правило царит в семьях чаек. Младшие слабые птенцы иногда остаются без пищи, быстро слабеют, погибают или съедаются своими собратьями.

Быстро идет время летом, еще быстрее растут птенцы. В полумесячном возрасте молодые чайки поднимаются на крыло. С этого момента семьи мартынов начинают кочевать по водоему, надолго задерживаются в кормных местах. Родители продолжают докармливать уже вполне самостоятельных птенцов, обучают навыкам рыболовства.

На ночевку чайки слетаются в безопасные места, образуют сотенные скопления на открытых песчаных и илистых островках, косах и отмелях, мелководьях топких горько-соленых озер. В удобных местах они рассаживаются длинными шеренгами на трубах земснарядов, углубляющих дно водоемов, на перилах мостов, молах и волноломах у пляжей. Днем хохотуньи любят отдыхать на вспаханных полях, где к стае не подкрадется незамеченным хищник или человек. Отлетают серебристые чайки из наших краев в сентябре — ноябре, зиму встречают на юге Каспия, на Арале, в долине Сырдарьи и Чардаринском водохранилище. Это — единицы, большинство же улетает в более теплые страны: Иран, Ирак, Индию. Отлетают, чтобы вскоре вернуться на родные острова.

В смешанных поселениях чаек наблюдается такое же четкое распределение гнезд разных видов по различным участкам острова, как и в смешанных колониях голенастых птиц, только гнезда помещаются в горизонтальной плоскости. В этом мы быстро убедились, миновав заслон из атакующих вблизи своих гнезд хохотуний и вступив на территорию морских голубков.

Морской голубок — очень своеобразная солонowodнолюбивая чайка, гнездящаяся на морском побережье и островах Каспия и Балхаша. Известны ее немногочисленные колонии на соленых озерах низовий Ирги́за и Турга́я, на Тенгизе. Эти водоемы смогли заменить чайке привычное море. Гнездование на пресном озере Казоты в низовьях Таласа уникально для морского голубка.

Нас больше всего поразила при первом знакомстве с морскими голубками осторожность по отношению к человеку. С гнусавыми криками «керр, керр» птицы, поднявшись с гнезд, сразу отлетели в сторону и кружились у берега, вовсе не делая попыток нападения на непрошенных гостей. В сравнении с хохотуньями, даже с озерными чайками, голубки выглядели удивительно мирными. Позднее,

наблюдая за их колонией со стороны в бинокль, мы убедились в справедливости такой оценки. В многотысячном поселении голубков царили мир и тишина, в отличие от оглушительного гвалта и бесконечных ссор и драк, свойственных прочим чайкам и крачкам. По размерам и окраске морской голубок очень похож на обыкновенную, или озерную, чайку, особенно в зимнем наряде. Весной и летом легко опознается по чисто-белой окраске головы и нежному розовому оттенку брюшной стороны тела, темно-бурой окраске клюва. В зимнее время, когда и у озерной чайки голова становится белой, эти виды распознаются с большим трудом: у голубка туловище и хвост более вытянутые, в области ушей нет темных округлых пятен, полет более легкий и быстрый. Зато крики этих видов различаются безошибочно. Как все чайки, морской голубок по праву считается видом-универсалом, уверенно чувствует себя на воде, прекрасно плавает, отлично ходит и бегаёт по суше, а в воздухе — подлинный виртуоз. Пожалуй, это самая изящная из наших чаек.

На места будущих колоний, которые постоянны на протяжении многих лет, морские голубки прилетают в конце апреля — начале мая. В стаях быстро образуются пары, а через несколько дней после занятия небольших участков птицы приступают к строительству гнезд. На голом песчаном берегу, где так любят селиться голубки, особенно не развернешься, поэтому их гнезда представляют собой небольшие ямки, выстланные небрежно сухой травой и водорослями. После откладки трех — четырех яиц голубки приступают к насиживанию. В течение двадцати четырех суток самка и самец поочередно обогревают кладку, а позднее выкармливают птенцов, приносят им различных беспозвоночных и мелкую рыбу. При малейшей опасности, едва зазвучат тревожные крики взрослых чаек, птенцы убегают из гнезд и уплывают на открытую воду, образуя плотный табунок. Их сопровождают обычно несколько взрослых нянек. Поднявшись на

крыло, молодые голубки вместе с родителями откочевывают вдоль побережья Каспия на юг в сторону зимовок.

Примечательно, что морские голубки не любят гнездиться самостоятельно чистыми колониями. Они селятся чаще вместе с пестроносими и чайконосыми крачками, чегравами, речными и малыми крачками, шилоклювками, которые более агрессивны и смело отгоняют от своих гнезд пернатых и четвероногих хищников. Формирование таких смешанных поселений идет от центра и к периферии, а плотность гнездования достигает иногда пяти — десяти гнезд на квадратный метр, так что соседние птицы на гнездах буквально соприкасаются во время насиживания. В тесноте, да не в обиде, видимо, по такому принципу гнездятся и живут морские голубки и их соседи.

Небольшая колония *малых крачек* разместились по соседству с пестроносими. Из всех крачек эта — самая маленькая, ее масса едва достигает пятидесяти граммов. Но в полете благодаря длинным крыльям и вильчатому хвосту она выглядит более крупной. Кроме небольших размеров эту крачку легко опознать по белой окраске лба, четко выделяющейся на фоне черной шапочки, по желтому клюву с черным кончиком и резкому пронзительному крику «кир, кирр». Полет малой крачки тоже очень специфичен: он неровный, «порхающий», легкий и быстрый.

На водоемах Казахстана малая крачка селится большими колониями из пяти — пятидесяти пар на открытых песчаных и илистых островах, косах, реже на солончаковых берегах озер. Наиболее обычна на морских островах и косах. Такая узкая специализация в выборе мест гнездования объясняет невысокую численность вида в Казахстане и в целом по ареалу, редкую встречаемость, хотя этих крачек можно встретить практически во всех областях республики, исключая горы и пустыни. Тревожно и то, что места ее гнездования подвергаются в последние годы усиленному антропогенному воздействию; по берегам озер и на островах выпасают скот, они подвер-

гаются все более опустошительным набегам туристов и отдыхающих. Кроме того, такие низменные участки периодически затапливаются при сильных ливнях, во время нагонных ветров. Это приводит к массовой гибели гнезд, кладок и птенцов.

На родные водоемы малые крачки прилетают в середине апреля — начале мая небольшими стайками и сразу приступают к брачным играм. С большим интересом мы наблюдали, как потешно, с нашей точки зрения, самец ухаживает за самочкой. Вот он с криками преследует ее в воздухе, присаживается следом на песок и топчется вокруг нее, распутив крылья и хвост. Важным элементом брачного ритуала является подношение самцом маленькой рыбки — «подарка» для самки. Этим действием самец заявляет о своей готовности к семейной жизни, мол, от голода не пропадем. Малые крачки гнездятся плотными колониями, соседние гнезда располагаются в двадцати — ста сантиметрах. Назвать их так удается с натяжкой, по сути это неглубокие ямки в песке без выстилки или очень редко с выстилкой из ракушек и сухих травинок. Под будущее гнездо крачки охотно занимают также углубления следов коров и овец, экономят на рытье. Кладка из двух — трех яиц, пятнистых, серо-песочного цвета насиживается обоими партнерами восемнадцать дней. Такая маскирующая окраска яиц, а также пуховых птенцов жизненно необходима, она гарантирует их сохранность от многочисленных хищников, особенно на доступных берегах озер.

В насиживании участвуют оба партнера поочередно. Каждые пять минут самец кормит насиживающую самку, она же этого не делает. Приближаясь к гнезду, он издает предупреждающий крик, на что самка живо реагирует, смотрит вверх и тотчас отвечает. Когда самец опускается с рыбкой в клюве, самка привстает на гнезде и трепещет крыльями; отдав корм, самец сразу улетает. Реже самка, не утерпев, соскакивает с гнезда и бежит навстре-

чу самцу. В остальное время она плотно сидит на кладке, иногда привстает, сходит с гнезда, собирает вокруг мелкие веточки солянок и бросает на край гнезда: усевшись, укладывает их под себя. Во время смены партнеров наседка переворачивает с помощью клюва и лап яйца. Такие интимные особенности семейной жизни крачек удалось пронаблюдать нам из скрадка.

Родители выкармливают птенцов мальками рыб и водными беспозвоночными. Вот как они охотятся: пролетая низко над водой, крачка с разлету бросается в воду, погружается наполовину и клювом хватает замеченную рыбку. Из десяти попыток только одна — две бывают успешными. Но крачка снова и снова повторяет броски, ведь на прогреваемых мелководьях всегда обилие мальков. После поимки крачка с рыбкой в клюве спешит к птенцам. Не всегда это ей удается, часто ее преследуют другие крачки, норовят отобрать добычу. Иногда таким мародерством занимаются более крупные и сильные речные крачки. После подъема молодых на крыло семьи молодых крачек откочевывают на юг, причем отлетают очень рано в конце июля — начале августа.

Все обследованные нами колонии малой крачки были смешанными, чаще она гнездилась совместно с более агрессивной *речной крачкой*. Такое соседство выгодно малой крачке, сообща легче обнаружить и отогнать врагов. Во время кольцевания птенцов нам пришлось познакомиться с атаками крикливых крачек и испытать силу их ударов. Малые крачки держались в стороне, а вот речные смело заходили со спины и били клювом по голове, пробивая кожу до крови через кепку. Пришлось срочно принимать меры. Под кепку подложили толстый слой травы, который смягчал удары. В последующие выходы мы надевали на голову защитный шлем — каску для строителя или мотоциклиста, или же привязывали за спиной длинную тростинку, кусок проволоки наподобие антенны; крачки адресовали атаки наиболее возвышающейся

ся части амуниции. После работы в колониях чайковых долго еще звенит и шумит в ушах от криков птиц, а одежду и лицо приходится отмывать от белых пятен птичьего помета — то еще одно оружие из арсенала крачек и чаек.

Под непрерывными атаками птиц мы медленно продвигались по острову, знакомясь все с новыми и новыми обитателями. На песчаной косе, глубоко вдающейся в море, нас атаковала пара крупных черно-пестрых птиц. С надоедливими режущими слух криками «клип, клип, клип» они закружились над нами. Это были *кулики-сороки*, беспokoяющиеся у своего гнезда. Они почти не отставали от нас, налетали вплотную, пока мы не покинули косу. Размером с голубя, кулик-сорока настолько своеобразен, что надолго запоминается. У него черные спина, крылья, хвост и голова, белые брюхо и шея, довольно длинные ярко-красные ноги и клюв, красного цвета глаза. Очень импозантен и наряден. Запоминается и брачный крик — печальный, мелодичный, очень громкий. В Казахстане он встречается широко, но крайне неравномерно и в целом немногочислен. Селится на многих каменистых и песчаных островах, галечниковых отмелях рек, особенно часто встречается на Арале и Каспии. Исключительно редко гнездится по солончаковым берегам соленых озер; вообще-то это птица сугубо морская. Кулик-сорока прекрасно и быстро бегаёт, может плавать и даже нырять, особенно при опасности.

В Казахстане этот кулик появляется в начале марта — апреле обычно стаями по десять особей. Пролет идет не только днем, но и ночью, о чем свидетельствуют крики птиц. В кормных местах кулики-сороки иногда собираются по несколько сотен, а на ночевку они слетаются на уединенные песчаные отмели. Гнездятся одиночными парами, причем каждая занимает очень большой гнездовой участок, протяженностью до километра и более вдоль берега. Токовые игры проходят в воздухе: с гром-

кими криками — трелью самец летает следом за самкой на высоте пятнадцати — двадцати метров над своей территорией, опустив вниз клюв. Вскоре на песчаном, щебнистом или галечниковом берегу самка роет довольно глубокую ямку — гнездо готово. Отложив три — четыре пестрых яйца, самка приступает к насиживанию, самец периодически подменяет ее. Через двадцать пять дней в гнезде появляются птенцы. Едва они обсохнут, родители уводят выводок поближе к воде. Первые дни они кормят птенцов, обогревают и смело защищают от крупных чаек, серых ворон, черных коршунов и болотных луней. С яростью атакует кулик-сорока хищника, оглашая окрестности громкими криками, и это действует безотказно. Другие околководные птицы давно оценили высокие бойцовские качества кулика. Рядом с ним устраивают гнезда морские зуйки, травники, утки, крачки и мелкие чайки.

Уже в конце июня — в июле молодые птицы поднимаются на крыло, вместе с родителями путешествуют по морскому побережью, продвигаясь на юг. В этот период молодые птицы передко ждут, когда родители достанут из воды ракушку, откроют ее створки, после чего подбегают и склевывают содержимое. Когда кулик выходит из воды с ракушкой, кажется, что моллюск одет ему на клюв. Кроме моллюсков, он поедает мелких ракообразных, червей, водных насекомых и их личинок, мелкую рыбу. В степи и на солончаках собирает саранчу и жуков, на пахоте — червей.

Кулик-сорока заслуживает полной охраны, ведь он — подлинное украшение морских островов и побережья. Учитывая его низкую численность и сокращение мест обитания целесообразно решить вопрос о включении вида в республиканскую Красную книгу.

Эти мысли появились у нас, пока мы проходили по территории кулика-сороки. Очень уязвимы узко специализированные виды птиц, плохо приспособляющиеся к

жизни в освоенных человеком ландшафтах. Таких набирается немало: крупных и маленьких, красивых и с невзрачной внешностью... Кстати, вот один из них, перебегающий серой мышкой перед нами. Ведь это *морской зук*. Песочно-рыжая окраска спины, белые брюшко и лоб, два черных пятна по бокам груди, черные ноги и клюв — конечно, это он. Остановились мы, разглядывая птицу, замер и зук и будто исчез, слился с песком. Невелик зук, его масса едва достигает сорока — пятидесяти граммов. Но необычайно подвижен. Увидеть его застывшим на месте удастся на очень короткое время. Куличок и во время кормежки быстро бежит вдоль уреза воды, ловко выхватывая из пены рачков-бокоплавов, мелкими характерными шажками семенит по песку, склевывая на ходу насекомых и моллюсков. Иногда взлетает и низко пролетает над землей своеобразным трепещущим полетом. Крик морского зуйка — печальный протяжный свист, то и дело звучит над косой.

Хотя по названию это морская птица, в Казахстане ее встретишь скорее на побережьях соленых и солоноватых озер, где она селится по илистым и песчаным отмелям, на голых пухлых солончаках с редкими кустиками солянок. Распространен зук в целом очень широко, но во многих местах очень редок. Впервые поближе познакомиться с этим куличком нам довелось именно на солончаках Тенгиза в Кургальджинском заповеднике. Проведенные наблюдения показали, что на места гнездования морские зуйки прилетают в конце марта — начале апреля. С момента прилета самцы много токуют, с криками летают низко над землей вокруг сидящей самки. Время от времени самец садится рядом с избранницей и будущие супруги начинают быстро бегать друг за другом, вскоре вместе взлетают и с трелью несутся над солончаком. Такое сватовство продолжается целыми днями. Но вот семья образовалась. Самка выбирает место для гнезда и с помощью ног отрывает в песке неглубокую ямку,

слегка выстилает ее обломками раковин, солянок. Передко гнездо размещается на совершенно открытом месте, однако разыскать его трудно, настолько велика маскировка яиц, птенцов или насиживающей птицы.

Отложив три яйца, самка и самец приступают к насиживанию. Особенностью вида является способность присыпать яйца по мере насиживания песком или обломками ракушек, особенно когда птица сходит с гнезда. Звук собирает по соседству мусор и бросает его клювом на гнездо, так что вскоре над поверхностью торчат лишь тупые вершины яиц. Видимо, это предохраняет яйца от охлаждения на время отсутствия наседки и дополнительно служит маскировке гнезда. При малейшей опасности, стоит только тревожно закричать спутникам зуйка — крачкам или другим видам куликов, как он скрытно и молча покидает гнездо, отбегает на несколько метров в сторону, а при необходимости начинает «отводить» человека или четвероногого хищника, бегаёт в стороне с тревожными криками, симулирует раненую птицу: припадает на ногу, волочит по земле распущенное крыло, бьётся беспомощно на земле. Это действует безошибочно. Хищник начинает преследовать мнимо раненую птицу, а зуйк, отводя врага далеко в сторону, в конце концов взлетает и возвращается к гнезду.

В жаркие дни морские зуйки подолгу стоят над гнездом с распущенными крыльями, создавая тень, или же смачивают оперение брюшка и затем увлажняют яйца, предохраняя их от перегрева. Птенцы зуйка при опасности моментально затаиваются, найти их очень трудно, настолько совершенна маскировка. Морской зуйк — слабая птичка, поэтому ищет защиту у более агрессивных и сильных птиц, гнездится обычно в колониях крачек и крупных куликов.

В начале июля молодые зуйки пробуют крылья, вскоре семьи откочевывают. Незаметно кочевки переходят в миграции и в сентябре этих куликов в Казахстане уже не

увидишь. Местами осенний пролет выражен хорошо. Так, вдоль Аральского моря они летят стаями по сто — сто пятьдесят особей, а в юго-восточном Казахстане наблюдались скопления из восьмисот — тысячи особей.

В Казахстане можно увидеть и других зуйков: галстучника, малого, большеклювого и азиатского, или каспийского. Известны залеты короткоклювого зуйка. На морских островах во время пролета наблюдали также золотистых и бурокрылых ржанок, тулесов и хрустанов, ближайших родственников зуйков. Наблюдать, как они ловко охотятся за водными животными в набегающей белопенной волне, — сплошное удовольствие. Немало удивительных приспособлений выработалось у пернатых обитателей морских побережий и островов, в том числе и по отношению к человеку. А пока для нас настала пора прощаться с островом, о чем известил длинными гудками подходивший катер. Но птицы еще долго не расставались с нами. Наш катер плотной стайкой сопровождали серебристые чайки, то и дело падающие на воду.

Чайки вообще преподносят исследователям немало сюрпризов в последнее время. Невероятная пластичность их в отношении пищи и разнообразие способов охоты привели птиц на помойки и свалки, на вспахиваемые поля (там они уже грачей вытесняют!), мясокомбинаты и зверофермы, в села и города. Обилие такой пищи, особенно в критический зимний период, повлекло за собой стремительный рост численности чаек во многих странах, в том числе в СССР. В отдельных регионах чайки уже стали гнездиться на крышах домов в городах, нахально выпрашивают корм на пляжах и пирсах, хватают его прямо из рук. Такова действительность наших дней: одни виды нуждаются в срочной безотлагательной помощи и охране, другие — в искусственной регуляции численности и жестком контроле за ее уровнем. Дифференцированный подход, учет конкретных условий и ситуации — основа, на которой должны строиться наши отношения с птицами.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР БОЛОТ

- Серый журавль ● Коростель
- Бекас ● Болотная сова
- Обыкновенный сверчок
- Серая ворона

Для засушливых степей и пустынь, плоскогорий и высоких гор Казахстана слово болото кажется неуместным, а их существование — невероятным. Ведь под болотом понимается всегда низкое тонкое место, постоянно заливаемое водой, с кислыми почвами, обилием грязи и особой растительностью. Стало общепринятым представление, что на болоте всегда сыро, обильно растут мхи и во множестве водятся комары и мошкара. Не случайно болота стали прибежищем вымышленных водяных, леших и чертей, объединяемых одним емким словом «нечисть». В наши дни болота реабилитированы, доказана их высокая биологическая продуктивность, огромная роль в поддержании водного режима и климата, в сохранении редчайших представителей растительного и животного мира.

В Казахстане болота наиболее распространены в северных лесостепных районах и представлены различными типами. Пожалуй, наиболее характерными будут тростниково-вейниковые и крупностебельноосоковые болота на месте бывших заросших степных озер, заболоченные березово-синовые колки — «ляги» и немногочисленные за-

болоченные сосняки — «рямы», что в соседней Сибири занимают огромные площади. Специфические болота — сазы встречаются в горах и предгорьях Алтая и Тянь-Шаня. Однако речь в этой главе пойдет о настоящих, равнинных болотах, где нам довелось побывать и работать.

В свою первую настоящую экспедицию мы попали, будучи студентами третьего курса. Тогда и хлебнули в полной мере «болотных прелестей». Но сейчас вспоминается иное. Удивительно тихие прозрачные летние ночи, проведенные на моховых болотах, наполненные загадками и волшебством. Мы вышли на маршрут в три часа ночи, задолго до рассвета, путь был неблизкий. Густой молочный туман бесшумно опускался, на глазах окутывая мхи, низкие жесткие осоки и кусты багульника. На востоке медленно начало розоветь небо, оно наливалось красными красками и наступило чудо рождения нового дня, самый волнующий и дивный момент в природе. Краешек малинового солнца показался за зубчатой линией недалекого леса и оранжевым шаром выкатился на голубое безоблачное небо. И тотчас грянули в соседнем заболоченном сосняке оглушительные серебряные трубы: то закричали дуэтом серые журавли. Еще громче и звонче запели птицы, которых оказалось на болоте немало. Зато и комары завенели еще злее, сплошным слоем облепили лицо и руки, куртку и брюки штормовки. Болото есть болото. Для нас начался очередной экспедиционный день, наполненный житейскими заботами, маршрутами, учетами и наблюдениями за птицами, ради которых мы и проникли на болотные трясины. Словом, обычный день орнитолога. Но в нем всегда находятся маленькие радости.

И в этот, и в другие дни немало километров пришлось прошагать нам без дорог и тропинок в поисках редких птиц и их гнезд. Память бережно хранит свежесть встреч с серыми журавлями, белыми куропатками и бекасами, глухарями и рябчиками, коростелями и сверчками. Настоячивое, порой надоедливое стрекотание сверчков (птиц, а

не насекомых) и ныне словно звенит в ушах. В страстностях по колеблющимся под ногами моховым подушкам нас сопровождало «блеянье» токующего бекаса, кукованье и «хохот» кукушек, хлопанье крыльев потревоженных уток. В летнее время болота очень богаты жизнью, птицами. Но походы по ним нелегки. Зыбкие мхи, топкие грязи, духоту и тяжелые испарения, знойное палящее солнце, мошкару и комаров — эти неизменные атрибуты любого болота способен стойко переносить и преодолевать только фанатично влюбленный в птиц человек, отыскивающий и здесь свою «синюю птицу».

На болотах обитает около сотни различных видов птиц, мы расскажем о наиболее характерных и примечательных.

Гулливером на болоте по праву считается *серый журавль*, он достигает в высоту полутора метров и весит четыре — семь килограммов. Особенно внушительно выглядит журавль в полете, когда вытягивает длинные ноги и шею в одну линию (в отличие от цапель, которые шею изгибают), плавно взмахивает широкими длинными крыльями или же парит кругами в вышине. В Казахстане серый журавль распространен только в северных и восточных областях, на кочкарниковых болотах среди березовых колков, в тростниковых болотах-займищах и на мокрых лугах по разливам рек. Во время пролета их можно наблюдать по всей территории республики, даже в горах и пустынях. Журавли — птицы крикливые, дают о себе знать громким курлыканьем, слышимым на расстоянии в несколько километров. Летят журавли днем и ночью, стаями из десяти — шестидесяти особей на большой высоте. На юге республики их можно наблюдать уже в конце февраля — начале марта, а в северном Казахстане только в середине апреля — начале мая.

Именно на моховом лесном болоте нам посчастливилось наблюдать пляски журавлей, так называются у них брачные игры-танцы. Небольшую утоптанную полянку

среди болота мы обнаружили случайно и по нескольким крупным серым перьям, лежащим на мху, догадались, что здесь находится журавлиная «танцплощадка». На следующий день мы заранее в темноте пришли к ней и замаскировались в молодых низкорослых сосенках. Журавли слетелись на поляну в сумерках, собралось шесть птиц с трех соседних гнездовых территорий. Они поочередно выходили в центр поляны, приседали, подпрыгивали, делали поклоны, размахивая широкими крыльями. Птицы — зрители в ожидании своей очереди не оставались равнодушными и громкими криками выражали свои чувства. Кстати, только недавно была выяснена природа знаменитого журавлиного курлыканья. Его приписывали одиночной птице. Оказалось, что этот крик слагается из согласованного крика самки «кур» и следующего за ним «кль» партнера-самца, на слух получается один «кур-лы». Такая супружеская песня получила название дуэтной. Громкость журавлиного крика обеспечивается особым расположением и устройством трахей, которая делает несколько петель в килевом выросте грудной кости, образуя резонатор. Настоящий музыкальный инструмент!

Среди птиц журавли считаются долгожителями, в зоопарках достигают почтенного возраста пятидесяти — семидесяти лет. В Японии они поныне являются символом долголетия и супружеской верности. Ведь журавли моногамы, образуют пару, как и лебеди, на всю жизнь. Нам удалось найти и наблюдать за несколькими гнездами серых журавлей. Они располагались на небольших кочках среди мелководий в разреженных зарослях тростника или вейника. Гнездо строят оба партнера, в форме плоской круглой платформы диаметром до метра, в центре которой имеется небольшое углубление — лоток. Для строительства используется мох, стебли и корневища тростника и осоки, собираемые по соседству. К гнезду ведут натоптанные узенькие тропинки. Соседние гнезда журавлей располагаются на расстоянии в один — пять километров,

по соседи всегда поддерживают между собой звуковую связь.

В кладке журавлей только два яйца, они крупные, удлиненной формы, зеленовато-бурые с серыми и коричневатыми пятнами. Насиживает кладку в основном самка, самец подменяет ее на короткое время два раза в сутки, в семь и восемнадцать часов, на время кормежки. Смене партнеров предшествует звуковая переключка, ритуал соблюдается неукоснительно. На самца возлагаются обязанности по охране территории и защите гнезда от врагов. Через месяц из яиц выводятся пушистые рыжевато-охристые птенцы. Они еще три — четыре дня находятся в гнезде, обогреваются самкой, позднее уводятся в заросли. Однажды мы чуть не наступили на самку, прикрывающую одного птенца, ушедшего с гнезда на воду при приближении людей. Разглядеть заранее ее было невозможно: настолько сливалась окраска птицы с порывевшей прошлогодней осокой. Журавлиха стремительно побежала по мелководью, пригибаясь к воде, и взлетела в ста метрах. А птенец на глазах забился под кочку и стал невидимым. Мы смогли убедиться, что журавлята отлично плавают и ловко затаиваются при опасности.

Родители очень заботятся о своих птенцах-несмышленках. Первые две недели они кормят их, подавая из клюва в клюв водных беспозвоночных и нежную зелень. И позднее они подкармливают подросших птенцов в ответ на их требовательный писк. Пища журавлей очень разнообразна. Это всходы и побеги трав, корневища и семена, водные насекомые, мелкая рыба, лягушки, грызуны и даже птички. По берегам и в степи журавли ловят саранчу. Осенью птицы охотно кормятся на убранных полях, особенно ячменных и гороховых, на выкошенных лугах. В конце июля в двухмесячном возрасте молодые журавли поднимаются на крыло, покидают глухие тростниковые крени и топкие осоковые болота, вылетают кормиться на солончаки, луга и поля. В начале августа

семьи журавлей объединяются в стаи, которые увеличиваются к моменту отлета и достигают трехсот — пятисот особей.

На территории Казахстана серые журавли, не достигшие половозрелости или потерявшие кладку, собираются в излюбленных местах на линьку. Она протекает у них, как и у гусеобразных птиц, очень бурно, маховые перья выпадают одновременно и на три недели птицы лишаются способности к полету. Спасаясь от четвероногих хищников, линные журавли уходят на топкие илистые мелководья, скрываются в тростниковых чащобах. Крупное скопление известно в дельте реки Селеты в Северном Казахстане, где одновременно собирается до четырех тысяч серых журавлей. Утром они выходят на кормежку из зарослей и выстраиваются ровной шеренгой на фронте в три с лишним километра. Потрясающее зрелище!

С первыми заморозками начинается осенний пролет журавлей, курлыканье которых навевает грусть по уходящему лету, вызывает тоску по родным местам. В северных областях журавли улетают с конца августа и полностью исчезают в конце сентября, на юге они наблюдаются до середины октября. Мы насчитывали в стаях порой до ста пятидесяти — четырехсот и более птиц одновременно, которые выстраиваются неровным клином на большой высоте. Головная птица — вожак периодически сменяется, ведь она принимает на себя удар встречного потока воздуха и быстрее устает. Когда пролетные журавли останавливаются на отдых, то обязательно выставляют сторожей: несколько птиц не кормятся и не спят, глядят непрерывно по сторонам и вовремя предупреждают остальных об опасности. Кстати, врагов у журавлей в природе практически нет, разве волк их одолеет. К тому же журавли не только прекрасно летают, но и быстро бегают — со скоростью до двадцати пяти километров в час, хорошо плавают, что неудивительно, ведь живут-то они у воды.

Немногие птицы так известны и популярны в нашей

стране и в мире, как журавли. Красивые песни, легенды, стихи и сказки прославляют благородство и справедливость, долголетие и верность этих птиц. Вряд ли кто останется равнодушным при виде стаи журавлей, покидающих осенью родную землю. К сожалению, журавлей становится с каждым годом все меньше и повинен в этом только человек. Главная причина сокращения их числа — мелиорация заболоченных земель, выжигание растительности на водоемах. Отрицательно сказываются неумеренный выпас скота по берегам озер и болот, ведущий к деградации растительности, частое беспокойство птиц в гнездовой период туристами, грибниками и ягодниками, наконец, охота на журавлей в ряде стран во время пролета и зимовки. Из семи видов журавлей, обитающих в нашей стране, в Красную книгу СССР уже внесено пять, а в Красную книгу Казахской ССР — журавль-красавка и стерх. В последние годы на территории республики не известны залеты черного и даурского журавлей, очень редки встречи белых журавлей, или стерхов, что объясняется резким сокращением их ареалов и падением численности.

Во многих странах, в том числе в СССР, предпринимаются решительные меры по спасению журавлей от вымирания. Наша страна является членом Международного фонда охраны журавлей. В Окском заповеднике построен и работает питомник, своеобразная журавлиная ферма по содержанию и разведению журавлей в неволе. В будущем выращенных птиц будут выпускать в опустевшие болота. Осуществляется программа «Стерх» по созданию искусственной популяции вида в Окском заповеднике. Ради охраны журавлей создаются новые заповедники и заказники. Активную работу проводит в нашей стране рабочая группа по журавлям, объединившая профессиональных орнитологов и любителей, стремящихся сохранить их на земле.

На тех же моховых болотах, в осоковых и вейниковых

зарослях заболоченных лугов обитает младший собрат серого журавля — *коростель*. Он мало известен широкому кругу людей, поскольку ведет скрытный образ жизни, активен в основном в ночные часы и практически не показывается на открытых местах. Специально занимаясь изучением пастушковых птиц, мы за десять лет нашли только одно гнездо коростеля, отловили в паутинные сети и добыли около двух десятков пролетных птиц. Наше знакомство с ним ограничивалось нечаянными встречами, когда испуганный из густой осоки коростель неуклюже взлетал, пролетал с десятков метров, болтая опущенными вниз ногами, и тряпкой падал в осоку. Его численность удалось установить весной и в начале лета по характерным крикам (песне), издаваемым самцами в период гнездования: монотонные, скрипучие, размеренно повторяющиеся двухсложные звуки «крэк, крэк». Наблюдения в неволе показали, что токующий коростель поворачивается время от времени в разные стороны, отчего крик то усиливается, то затихает и установить по нему точное местонахождение птицы невозможно. Хрипловатая песня влюбленного коростеля несется над болотом на расстояние до километра, по ней удастся определить, что певец быстро и незаметно перебегает с места на место на десятки метров.

Размером коростель с дрозда, окраска тела ржавчато-бурая с темными пестринами, только бока тела чисто-охристо-рыжие. По внешнему виду самцы и самки не различаются. Стихия коростеля — густые травянистые заросли, где он ловко пробирается через перепутанные чащобы, даже травинка не шелохнется. Этому способствует приплюснутое с боков туловище, заостренное спереди на клин. Коростель не может жить без заболоченных лугов и вне болот. Он встречается также в горах Алтая и на Тянь-Шане. Там птицы довольствуются заболоченными лужицами у ручьев и речек. Весной коростели появляются поздно, во второй половине апреля — мае. Летят они

поодиноким и только в ночные часы, на небольшой высоте. Об этом убедительно свидетельствуют находки погибших особей под проводами электрических и телеграфных линий. Прилетев в родные места, самцы занимают небольшие территории и песней привлекают самок. Семейная жизнь этого вида еще окутана тайной, многие вопросы неизвестны и спорны. Осмотренные нами гнезда представляли собой небольшие углубления в сухих кочках, выстланные сухой травой и листьями, надежно спрятанные в густой растительности. В кладке чаще девять — десять яиц светло-глинистой окраски с буроватыми пестринами. Насиживает только самка в течение трех недель. Птенцы напоминают маленьких чертенят: смолисто-черные, пушистые и очень шустрые. Первые дни их водит и кормит самка, на ночь они забираются под нее, укрываются перьями матери. Чуток подрастут и переходят к бродячей самостоятельной жизни. Кормятся различными насекомыми, червями и моллюсками, реже поедают семена трав.

Летом коростелей, после окончания гнездования, не видно и не слышно. В конце августа — сентябре они уже улетают, спешат к далеким африканским зимовкам. Мнение, что часть пути коростели преодолевают пешком, кольцеванием и специальными наблюдениями не подтвердилось, оказалось красивой легендой.

В последние годы численность коростеля повсеместно резко сократилась. А ведь сравнительно недавно он был излюбленным объектом охоты на болотную дичь с легавыми собаками. Основные причины исчезновения коростелей известны. Это сенокосение, проводимое в ранние сроки, и машинная уборка на полях многолетних трав, которые освоили коростели. Птицы и их гнезда гибнут под колесами тяжелых сельскохозяйственных машин, под ножами косилок. Предотвратить их гибель возможно. Для этого на машинах следует устанавливать отпугивающие устройства, проводить сенокос и уборку от центра луга к

краям, а не наоборот, что делается в большинстве хозяйств.

Вместе с коростелями охотники добывают в конце лета некрупных куликов — *бекасов* и *дупелей*, таких же больших любителей болотной грязи. Встретить бекаса на экскурсии удастся часто, а вот разглядеть не успеваешь. Бекас таится до последнего момента и взлетает неожиданно из-под ног. Издавая отрывистое громкое покрякивание, он вихляющим полетом, бросаясь из стороны в сторону, улетает и опять садится на илистый берег. Окраска бекаса удивительно гармонирует с буро-коричневым фоном и великолепно маскирует птицу. Размером бекас с дрозда, ноги коротковатые, не куличьиные, зато длинный клюв выдает породу. Сверху он рыжевато-бурый, с продольными светлыми полосками, брюшко белое. Гораздо легче познакомиться с бекасом весной, когда он токует над болотом. Понаслышке многие знают песню бекаса, его «блеянье», послужившее основанием для прозвища «небесный барашек».

Едва прилетев, в апреле бекасы начинают токовать. Взлетев, самец поднимается по наклонной линии на высоту более ста метров и летает там большими кругами. Время от времени он бросается вниз, распустив веером хвост и полусогнув крылья. Вибрирующие перья и создают звук, напоминающий блеянье ягненка. Спустившись до высоты десяти — двадцати метров, бекас с криками «чи-ка, чи-ка» снова поднимается в небо, чтобы опять войти в шкирование. Завидев на земле самку, солист молча падает к ней на землю.

Гнездо бекаса отыскать очень трудно, в чем нам не раз пришлось убедиться. Оно устраивается на небольшой кочке в густой траве, как правило, среди топи, непроходимой для человека. Самка погами роет небольшую ямку, слегка выстилает ее сухой травой. Отложив четыре пятнистых яйца оливкового цвета, она приступает к насиживанию и почти не сходит с гнезда двадцать дней. Птен-

цов также водит самка. Очень редко ей помогает в этом самец. Семейная жизнь этого кулика также полна загадок. В двадцатидневном возрасте молодые птицы начинают перепархивать, семьи распадаются, и бекасы ведут жизнь отшельников. Только в кормных местах они собираются в конце лета в сотенные скопления — «высыпки», как говорят охотники. Однако и здесь между птицами нет тесных связей, потревоженные, они разлетаются в разные стороны.

Однажды один из авторов задался целью сфотографировать кормящихся бекасов. На илистом островке посреди болота, где они постоянно кормились, он установил брезентовую палатку — скрадок, замаскировался в нем до прилета бекасов на вечернюю кормежку и стал терпеливо поджидать гостей. Островок был также местом отдыха и ночевки речных крачек. Недовольные вторжением, они долго летали в стороне с тревожными криками, но вскоре успокоились и расселись вдоль кромки острова. Видимо, их присутствие и успокоило подлетающих бекасов. Не обращая внимания на палатку, бекасы с разлета садились на отмель в трех — пяти метрах, осматривались и начинали кормиться. Поражает невероятное их чутье. Запустив длинный клюв в грязь, бекас вслепую нащупывал добычу и извлекал червя. У живой птицы вершина клюва гладкая с продольной бороздкой; а у мертвой через несколько часов на ней появляются многочисленные ямки; в них выходят на поверхность многочисленные нервные окончания. Не спеша фотограф навел объектив на ближайшую птицу, плавно нажал спуск. Реакция оказалась неожиданной и комичной: бекас подскочил вверх на тридцать сантиметров, упал на землю и тотчас залег. Через полминуты он привстал, поозирался по сторонам, и, видя спокойствие крачек и других бекасов, а их слетелось уже двадцать штук, снова стал кормиться. Второй щелчок фотоаппарата вторично ввел бекаса в состояние легкого шока, и он быстро отбежал в сторону. Увлеченные

кормежкой, кулики больше не обращали внимание на слабый шум в палатке, удалось снять интереснейшие кадры.

В Казахстане бекасы обитают только в северных и восточных областях, где болот хватает. Но во время миграций они встречаются и в других районах, в пустынях и горах у любой лужи. Отлетают они уже с конца июля, пролет продолжается до ноября. Охота на бекаса всегда была популярной в нашей стране, она высоко спортивна и требует незаурядного мастерства стрелка. Попасть в верткую небольшую птицу, неожиданно взлетающую из-под ног, нелегко. Использование легавой собаки делает бекасную охоту намного зрелищней и эффективней.

В течение всего экспедиционного периода, почти ежедневно мы встречались с *болотными совами* — лесными птицами, приспособившимися к жизни в безлесной болотистой местности. «Пернатые копилки» вылетали на вечернюю охоту рано, в легких сумерках, поэтому и попадали нам на глаза.

Совы, как и другие хищники, являются мощным фактором отбора для многих мелких грызунов и птиц, на обед им попадают в первую очередь больные и неполноценные особи. Справедливо говорят, что на то и сова, чтобы мышка уши востро держала. Изучая питание болотной совы, с удивлением узнали, что в ее рационе полностью отсутствуют такие многочисленные околотовные птицы, как камышевки и сверчки. Знать, не по когтям сове оказываются они, ловко и вовремя прячутся в густых зарослях травы. Кстати, эти птички неизвестны широкому кругу читателей, хотя заслуживают внимания. Из сверчков, род которых насчитывает в мире десять видов, в Казахстане встречается пять, но мы расскажем о своих встречах с *обыкновенным сверчком*. Всех их прозвали так за характерную сверчковую (как у известных насекомых) песню, звучащую как бесконечное «тррррр», отдаленно напоминающую стрекотание кузнечика. Только вряд ли кузне-

чка заманишь в болото, в залитые водой осоковые и тростниковые заросли.

Сверчки — характерные обитатели влажных заболоченных земель, распространены в основном в северных и восточных областях республики. Особенно много их на осоково-кочковатых болотах с зарослями кустарниковых ив. Увидеть скрытного сверчка, практически не покидающего густые заросли, удается крайне редко. Он ловко скользит среди стеблей, так, что травинка не шелхнется. На мгновение покажется на верхушке куста, осмотрится и моментально скрывается в спасительном сумраке. Во время песни сверчок поворачивает голову в разные стороны, отчего звук то усиливается, то ослабевает. Создается впечатление, что певец то далеко, то близко. Выпугнуть из кустов сверчка непросто. Нам удалось поближе познакомиться с ним только во время наблюдений у гнезд и с теми особями, что попадали в паутинные сети во время кольцевания.

Внешность сверчка невзрачна. Это небольшая птичка, серо-бурая сверху, с неясными темными продольными пестринами на теле. Сравнительно длинный хвост закруглен, клюв короткий и тонкий. Такая характеристика приемима ко многим воробьиным птицам.

С далеких африканских и индийских зимовок сверчок прилетает поздно, в конце апреля — мае, причем летит в ночное время, отчего данные о миграциях очень скудны. Правда, в последние годы орнитологов выручают паутинные сети, куда сверчки неплохо ловятся. Во время размножения они держатся парами на гнездовых участках, границы которых обозначаются песней самцов. Гнездо строит самка. По форме оно напоминает небольшую чашу, тщательно свитую из сухих травинок и выстланную изнутри конским волосом. В кладке пять — семь розовато-белых яиц с мелкими коричневатыми пятнышками. Насиживает в основном самка в течение десяти — двенадцати дней и столько же птенцы находятся в гнезде. Роди-

тели выкармливают их различными насекомыми, в первые дни исключительно пауками. В это время сверчки уже прекращают петь и исчезают из поля деятельности натуралистов. С середины июля в наши сети стали попадаться кочующие особи, а в августе — сентябре они полностью отлетели.

Загадочные сверчки еще ждут своих исследователей. Без их трескучей песенки представить наши болота невозможно. Кроме обыкновенного сверчка на водоемах и мокрых лугах Казахстана встречаются певчий, речной, пятнистый, соловьиный сверчки. Внешне различить их удается с трудом даже специалисту, зато по песне большинство видов определяется легко. Вот почему важно заблаговременно готовиться к экскурсиям, прослушивать пластинки или магнитофонные записи птичьих голосов.

Встречи с *серыми воронами* всегда оставляли у нас двойное чувство: с одной стороны, поневоле восхищаешься сообразительностью и умом этих пернатых «приматов», с другой — ненавидишь их за тот урон, что причиняют серые разбойницы прочему пернатому миру. Нам, многие годы изучающим жизнь водоплавающих и околоводных птиц, постоянно с этим приходится сталкиваться. Передко на наших глазах вороны растаскивали яйца и птенцов из гнезд вспугнутых уток, лысух, поганок и крачек; крики, размахивание палкой или курткой успеха не имели, вороны прекрасно разбираются, насколько опасен в данный момент человек. Каждый охотник знает, что они за версту облетают человека с ружьем. Зато в городах и селах спокойно расхаживают под ногами прохожих, деловито роются в мусорных бачках и на свалках.

Сугубо лесная в целом птица, серая ворона тяготеет во все сезоны года к водоемам: поймам рек, травянистым берегам болот и озер, прудов и водохранилищ, где обычно вдоволь разнообразной животной пищи. Во всех северных областях Казахстана она обычна на гнездовье, а в центральных и южных в массе встречается на пролете и зп-

мовке. Серая ворона многим настолько примелькалась, как и воробьи, что во время экскурсий на них зачастую не обращают внимание. Совершенно напрасно. Каждому, кто находится на водоеме или по берегам в период размножения птиц, необходимо помнить о присутствии серых ворон (в южных и восточных областях республики то же самое относится к черной вороне, которая замещает там серую). Ведь вороны издали наблюдают за продвижением по водоему человека, а то и следуют по одной — три особи за движущейся лодкой, особенно моторной. Их внимание привлекают взлетающие в испуге утки и лысухи, задержки человека в каком-то месте. Как правило, позднее ворона вернется и обследует замеченное подозрительное место, если сразу не ограбит обнаруженное гнездо. По их вине мы нередко теряли контрольные гнезда уток, лысух и куликов, в которых намеревались кольцевать вылупившихся птенцов. В отличие от болотного луня, серая ворона не расклеивает яйца уток на гнезде, она уносит их в клюве на берег и там, на постоянном кормовом «столике», выпивает содержимое. В таких местах мы находили одновременно до девяноста — двухсот остатков яиц более чем двадцати видов озерных птиц. По нашим данным, на озерах, где ведется лов рыбы и постоянно находятся люди, вороны разоряют более девяноста процентов кладок уток, лысух и поганок. Не раз нам доводилось наблюдать, как вороны самостоятельно разыскивают утиные гнезда. На брющем полете хищница летит над метелками тростника, время от времени присаживается на стебли и надсадно громко кричит. Часто утка не выдерживает такой «психической атаки», взлетает с гнезда, которое разоряется вороной. При нападениях на гнезда крупных сильных птиц, как серый гусь, серебристая чайка или лысуха, вороны действуют сообща. Пока одна птица отвлекает внимание пасадки, вторая исподтишка выхватывает яйцо и уносит. По общему мнению охотоведов и орнитологов, серая и черная

вороны крайне нежелательны на водоемах, особенно в охотничьих хозяйствах, поскольку уничтожают огромное число яиц и птенцов охотничьих и других полезных птиц. К тому же численность ворон повсеместно резко увеличилась благодаря обилию кормов в антропогенном ландшафте. Воронам пришлось объявить непримиримую войну, но они успешно противостоят человеку.

Впервые обнаружив гнездо с птенцами вороны в тростниковых зарослях на стенином озере, мы были удивлены, что лесная птица превращается в озерную. Со временем выяснилось, что это явление стало обычным для серой вороны, как, впрочем, для черной, а также сороки. Преследование человеком вынудило их гнездиться в нетипичных местах, зато малодоступных и безопасных, вдали от берегов и лесов. Мы находили их гнезда на старых ондатровых хатках, на отдельно растущих в воде низких кустах пвы, в густом тростнике. Поражало также, что птицы сохраняли «верность» лесным привычкам: при малейшей возможности для постройки гнезд приносились с берегов сухие прутья и веточки, устраивалась земляная выстилка под лотком, а лоток выстилался кусочками лыка, шерстью, обрывками тряпок и бумаги, корешками береговых трав. В то же время имеющиеся в изобилии стебли и листья тростника и рогоза практически не использовались. А вот обрывки рыболовных сетей птицам явно пришлись по душе, но были тоже принесены с берега.

В осмотренных нами гнездах серой вороны, обнаруженных на озерах, было по четыре — шесть яиц зеленоватого цвета, с многочисленными буро-оливковыми пятнами, или по три — пять птенцов. Несмотря на их сравнение с таковыми для «сухопутных» ворон различий обнаружить не удалось. Это косвенно свидетельствует о недавнем вселении вида в водно-болотные угодья. На многие вопросы, касающиеся «озерных» ворон, может дать ответ только кольцевание, в частности, насколько прочны традиции и верность месту рождения у птиц. Мечение воро-

нят в таких гнездах — сплошное удовольствие: подошел или подплыл к гнезду, взял птенцов в руки. Не надо, как в лесу, взбираться на высоченные деревья, с риском для жизни карабкаться к гнездам по тонким хрупким веткам.

Егерей охотничьих хозяйств очень беспокоит рост численности серых и черных ворон в угодьях. Отстрел их в гнездовое время мало эффективен, кроме того, отрицательно сказывается на размножении водоплавающих птиц через фактор беспокойства. Опытные работы, проведенные орнитологами и охотоведами по ограничению численности ворон, показали, что наиболее перспективными способами являются применение снотворных веществ, когда в искусственные гнезда, имитирующие утиные, выкладываются начиненные люминалом куриные яйца, а также отлов ворон в осенне-зимнее время ловушками «шведского» типа. Они представляют собой внушительный ящик, размером с небольшую комнату, обтянутый металлической сеткой, с конусовидной крышей, сужающейся внутрь и имеющей посередине форму лесенки. В ее отверстия прыгивают внутрь вороны, грачи и сороки, привлеченные выложенным на дно кормом. Многие натуралисты и охотники наверняка видели такие ловушки, успешно работающие в Московском и Ленинградском зоопарках. Очень интересный способ защиты утиных и лысушиных гнезд от ворон был предложен охотниками. Над гнездом натягиваются тонкие белые нитки крест-накрест и пернатые хищники опасаются садиться на него, подозревают, видимо, какой-нибудь подвох со стороны человека. Серые вороны опасаются также входить внутрь искусственных гнездовий для диких уток, имеющих плотную крышу и боковые стенки, зато похищают яйца из небрежно построенных гнезд, с просвечивающейся крышей.

На территории Казахстана серые вороны встречаются круглый год. Во многих районах наблюдается интенсивный их пролет весной и осенью, и зимуют они повсеместно, достигают высокой численности в южных районах.

Результаты кольцевания показали, что казахстанские вороны отлетают в Иран, Ирак и Индию, а на смену им осенью прибывают птицы из Западной Сибири. В зимнее время вороны скапливаются днем на свалках, помойках, бойнях, а ночевать собираются в тростниковых зарослях, тугаях, образуют многотысячные скопления. Вороны, зимующие в Алма-Ате, предпочитают ночевать в горных ельниках, где несколько теплее, но нередко устраиваются в городских парках или на высотных зданиях, сильно загрязняют дома и улицы, что также крайне нежелательно. «Воронья» проблема стала острой не только для охотников, но и городских коммунальных служб. Тысячные скопления ворон, грачей, галок и сорок наводнили города и села наряду с сизыми голубями. Решить возникшую проблему удастся, по-видимому, только комплексным путем на основе продуманного экологического подхода.

Помимо типичных болотных обитателей есть на болотах птицы, которым там вроде бы и не место. Например, *белая куропатка*, что живет оседло в заболоченных колках Северного Казахстана и на Алтае. Внешне и по образу жизни белая куропатка напоминает небольшую домашнюю курицу с опущенным хвостом. Попробуйте представить на минуту, как бы жила курица на болоте. А куропатка живет и процветает. Тому есть веские причины. Во-первых, для куропатки и на болоте хватает сухих мест, вдоволь пищи и воды для питья. Во-вторых, здесь она лучше защищена от врагов.

Нам хотелось в этой главе опровергнуть ошибочное мнение о «болотной нечисти» и бедности болот, показать, что это свой обособленный мир, с характерными обитателями, тайнами и прелестями. Многоликость болот вызывает многообразие населяющих их птиц. В зеленых тростниковых чащобах летом кипит буйная жизнь. Но, увы еще мало доступная познанию человека.

С заболоченными территориями неразрывно связана судьба многих наших околородных птиц. Стоит уничто-

жить, осушить болото, как безвозвратно исчезают многие уникальные виды растений и животных. С экологической точки зрения важно такое свойство болот, как устойчивый характер их сообществ, что обеспечивается большим числом видов, сложностью их взаимосвязей, структурой. Поэтому даже небольшое болотце, сохранившееся среди возделанных лугов и полей, садов и даже населенных пунктов, становится центром притяжения и убежищем многих животных, привлекает водно-болотных птиц в любое время года. Очень важно сохранить имеющиеся заболоченные участки, организовать их действенную охрану, не осушать все подряд огульцо и бездумно. Ведь вкрапления болот резко повышают мозаичность антропогенных ландшафтов, увеличивают их биологическую продуктивность. В ряде стран болота уже строго охраняются, в том числе ради населяющих их бобров, ондатр, птиц, лягушек, жаб. Неоценима роль болот как накопителей воды, как важного звена в великом равновесии природы.

ТАЙНЫ ПОЙМЕННЫХ ТУГАЕВ

● Фазан ● Грач ● Ушастая
сова ● Галка ● Зеленая щур-
ка ● Золотистая щурка ● Удод
● Береговая ласточка ● Чер-
ный стриж

Сотни километров южные реки Сырдарья, Или и Чу текут по пустынной и полупустынной местности. На многие километры вдоль берегов живописных артерий тянутся зеленые оазисы — творения воды и рук человека. Большие и малые села утопают в благоухающих фруктовых садах; огороды и бахчи перемежаются с рисовыми чеками и полями белоснежного хлопка. Но немало еще диких необжитых мест, где глазу не за что зацепиться. Кругом однообразный унылый ландшафт: пески, солончаки и глины. Местами узкими зеленовато-серыми полосками к воде подходят участки древесно-кустарниковой растительности. То же самое мы видим и на речных островах. Лес, не лес... И все-таки, это лес, но необычный — тугайный.

Пойменные тугаи — заросли деревьев, кустарников и высоких трав. Основные виды, образующие тугай, лох серебристый, или джида, различные ивы, чингил, тамариск, облепиха, шиповник, барбарис, селитрянка, ежевика, кендырь, тростник. Травянистая растительность достигает мощного развития. И все это немислимо перепутано плет-

нями лиан, что делает и без того густые заросли часто совершенно непроходимыми. Среди кустарников и низкорослых деревьев отдельными исполинами возвышаются туранги — разнолистные тополя. Кое-где стоят туранговые рощи, хотя рощами их назвать можно с натяжкой — деревья отстоят друг от друга на значительном расстоянии. Непроходимость чащи тугайного леса усиливается еще и тем, что она оцетинилась колючками многих растений. Колючки джиды, например, настолько острые и крепкие, что запросто могут проколоть подошвы сапог. Нет, не всякий сюда сунется. Именно это и привлекает в тугай многочисленных, порой очень интересных и своеобразных птиц, нигде более не встречающихся.

Самая яркая птица тугайного леса — *фазан*. Весной в брачную пору далеко слышны их двухсложные хрипловатые голоса. В это время красивые медно-красные с металлическим зеленым или фиолетовым отливом, зеленовато-фиолетовой головой и белым ошейником петухи токуют перед буроватыми курочками. Токующий самец, сидя на ветке и забыв про осторожность, кричит каждые пять — шесть минут. А то спустится на полянку и ходит кругами, задрвав вверх распущенный веером рыжий длиннющий хвост. При этом громко хлопает крыльями — «порхает». Наблюдаются и ожесточенные драки петухов, соперники бьют друг друга крыльями, клювами и шпорами. Победенный убегает в заросли, что предотвращает ненужные природе жертвы.

Вообще-то фазаны ведут себя тихо и скрытно, лишь весной теряют голову и вызывающе заметны. Этим пользуются орнитологи и специалисты охотничьего хозяйства для проведения ежегодных учетов фазанов. Птиц подсчитывают именно по голосам. А как иначе? Попробуй-ка в поисках фазанов прочесать тугайные заросли, это почти что сквозь колючую проволоку продраться. В тугаях можно свободно передвигаться лишь по звериным тропам, да и то на четвереньках.

Проследуем по одной из таких троп в глубь чащи. Продвигаться приходится в полусогнутом состоянии. Жарко, пот заливает глаза, за шиворот сыпятся обломанные веточки, колючки; лицо и руки уже успели ободраться. Приходят неприятные мысли о живущих в тугаях секачах и шакалах, о том, что не так уж и давно, в начале нашего века, здесь бродили огромные полосатые кошки. По штормовка гремит, цепляясь за колючие ветви кустарников,— вся дичь, наверное, за километр разбегаются. Вот и полянка. Здесь можно выпрямиться во весь рост, вздохнуть полной грудью, снять с лица паутину. В кустах шмыгают камышевки и славки, птички очень любопытные, они то и дело приближаются и в упор разглядывают человека. Рядом раздается трескотня сорокопута, недовольного вторжением в его обитель. А вот и он сам, сидит на верхушке куста и размахивает вверх-вниз и в стороны длинным ступенчатым хвостом. Посреди полянки на шиповнике поет ярко-желтая с коричневой головой желчная овсянка, ее оперение кажется бархатным. «Чуть-чуть три рубля не выиграл» — раздается из приоткрытого клюва. Издалека допеслось «ун-ун-ун» удода. Застрекотала сорока-белобока. Шаг в сторону и... трава взрывается внезапным взлетом фазанки. Курица, хлопая крыльями, свечкой уносится за колючую стену тугая. Уф, сердце чуть не выскочило от испуга. Где-то рядом должно быть гнездо. Несколько минут кропотливого поиска, и оно найдено.

В аккуратном лотке, выстланном травой и перьями, в три рядка лежали десять оливково-буроватых яиц. Это еще небольшая кладка, в гнездах фазанов встречали до двадцати — двадцати четырех яиц. Насиживает их одна самка, а самцы тем временем отсиживаются в густых зарослях, линяют. Через три с небольшим недели дружно выдуваются птенцы. Выводок пуховичков вместе с матерью кормится на открытых местах, полянах и опушках, собирает кузнечиков, жуков и моллюсков, семена растений, раскапывает корешки. К осени молодые и взрос-

лые птицы переходят на питание ягодами и плодами. Особенно любят фазаны красноватые плоды серебристого лова — «русского финика».

Трудно фазанам приходится многоснежными зимами, когда осыпаются ягоды и плоды, а на земле их засыпает снегом. Чтобы как-то продержаться до теплых дней, до первых насекомых и зеленой травки, приходится птицам ошипывать сухие листья и стебли трав, торчащих из-под снега. В особенно суровые зимы фазаны выходят на речной лед, туда, где рыбаки вытаскивают сети, и подбирают выброшенные водоросли; в желудках птиц находили даже мышей. Но тем не менее много фазанов — «птиц из сказки» — не доживает до весны.

В Казахстане два подвида обыкновенного фазана: семиреченский и сырдарьинский. По окраске они очень схожи, но у первого зеленый отлив оперения, а у второго фиолетовый. Всего же в СССР двенадцать подвидов обыкновенного фазана, а в мире их сорок два. Названия казахстанских фазанов вполне конкретно говорят о местах их обитания.

Численность фазанов в Казахстане подвержена резким колебаниям, но в целом она неуклонно снижается. Главная тому причина — пожары в тугаях и пресс охоты. Фазан, особенно яркий петух, — завидный трофей, но беда в том, что многие охотники не соблюдают правил, добывая дичь сверх установленной нормы и нарушая сроки охоты, превращаясь таким образом в заурядных браконьеров. Для спасения и восстановления численности фазана выход найден: разведение птиц в условиях неволи и выпуск их в природу. В первую очередь необходимо создать маточное поголовье, что достигается двумя путями — отловом в природе взрослых самцов и самок и сбором яиц из гнезд фазанов с последующим выдерживанием их в инкубаторе.

С 1982 года научный сотрудник Института зоологии АН КазССР Ю. Н. Грачев приступил к искусственному

разведению семиреченского фазана. Первые результаты были им получены уже на следующий год, а в 1984 году каждая фазанка снесла по двадцать два яйца. Стало ясно: семиреченского фазана можно успешно разводить в условиях неволи. В настоящее время Талгарский фазанарий Казохотрыболовсоюза приступил к промышленному разведению этой ценной охотничьей птицы.

Надо сказать, что опыт искусственного разведения фазана накоплен более чем достаточный. Еще в шестнадцатом веке в Англии начали разводить охотничьего фазана — гибрид разных форм, птицы, не имеющей своего «лица». Сейчас ежегодно в Западной Европе и в некоторых регионах нашей страны успешно разводят и расселяют охотничьего фазана — на потеху охотникам. Все это хорошо, но нельзя допустить (а к этому раздаются призывы недалёковидных охотоведов) выпуска выращенных охотничьих фазанов в места обитания аборигенных, семиреченского и сырдарьинского, фазанов, так как это приведет к гибридизации и потере генофонда последних, что недопустимо и запрещено законом СССР «Об охране и использовании животного мира».

С «фазаньей» полянки было видно три — четыре звериных лаза, ведущих в разные стороны. Теперь уж непонятно, по какому из них мы попали сюда. Выбираем тот, со стороны которого изредка доносятся пронзительные крики чаек, приглушенные расстоянием (значит, там Сырдарья) и непрекращающийся шум грачевника.

В *грачиной* колонии поселилось не менее тысячи птиц. Они подняли невообразимый гвалт, когда мы вышли на опушку тугайного леса. Большая часть черных белолицых птиц взлетела в воздух, но многие остались сидеть на деревьях и хрипло каркали. Всюду на колючих ветках джиды на высоте одного — пяти метров от земли располагались их гнезда. Поразило их разнообразие: одни почти плоские, другие глубокие, как чаша; одни сделаны из толстых колючих веток, другие — из тонких прутиков с

благоустроены, более глубокие и сверху укрыты ветками, что создавало подобие крыши. На периферии колонии встретилось «дерево дружбы» — почти вплотную одно над другим располагались два жилых гнезда грачей и по одному — пустельги и галки. Надо сказать, что галка редко селится в открытых гнездах, предпочитая им закрытые «помещения» и в этом мы скоро убедились, когда вышли к обрывистому берегу реки.

На обрыве рядом сидело с десяток галок, они то и дело поглядывали вниз, на норки, и оживленно галдели. В воздухе мельтешили во всех направлениях миниатюрные береговые ласточки и щурки — золотистые и зеленые. Кроме этих птиц, составляющих основу береговой колонии, здесь было немало и других обитателей: удивительной расцветки сизоворонки — синие галки, пестрые как бабочки удоды, обыкновенные скворцы, полевые и индийские воробьи. Все это жители подземных квартир, входами в которые был истыкан весь обрыв.

Разноголосый шум колонии пронизывали резкие, но мелодичные крики щурок — изящных и очень красивых птиц, расцветкой оперения не уступающих тропическим видам. Это прекрасные и неутомимые летуны, чередующие стремительный, маневренный полет с медленным планированием. Биология обоих видов щурок очень сходна, но окрашены они по-разному. Почти все оперение *зеленой щурки* изумрудно-зеленое с металлическим блеском.

Щеки и надхвостье голубые, горло желтое. *Золотистая щурка* окрашена в более кричащие тона: верх головы, шея и передняя часть спины коричневые, остальная часть спины и надхвостье золотистые, горло желтое, отграниченное от зеленовато-голубого низа тела поперечной черной полоской. Основу питания щурок составляют летающие насекомые: пчелы, шмели, осы, стрекозы, мухи, бабочки. Охотятся птицы, летая низко над землей, совершая немислимые пируэты, подобно ласточкам, а также подка-

рауливая добычу из засады, сидя на ветке или электрических проводах. Очень редко, в плохую погоду, собирают пищу с земли, тогда в их клюв попадают кузнечики, жуки и даже сухопутные моллюски.

Оба вида щурок — птицы перелетные, зимуют в тропических районах Африки, Аравии, Индии. Весной на родину прилетают парами в конце апреля и лишь через две недели приступают к рытью нор. Тратят на это еще около двух недель — работа трудная, глина плотная и нередко острые клювы птиц тупятся. Вдобавок ко всему щурки привередливы, первые норки им, как правило, не нравятся и они сразу начинают рыть новые. Тем самым играют важную роль как строители гнездовых мест для других птиц-норников (сродни дятлам в лесу). Длина норы до одного и даже двух метров. Строительством жилья заняты оба члена пары, но самец вдобавок ко всему подкармливает подругу — до тридцати пяти раз за час. В готовую гнездовую камеру самка откладывает от четырех до семи белых яиц и насиживает их около двадцати дней. И в этом ей помогает заботливый супруг, не забывая, кроме того, покормить ее. А птенцов самец кормит даже чаще, чем самка.

Примечательно, что в колониях щурок держатся холостые птицы, которые становятся добровольными помощниками семейных птиц: помогают строить гнездо, выкармливать птенцов, причем в таких случаях успех размножения оказывается выше, чем в семьях только с родителями. Птенцы у щурок рождаются асинхронно, в течение недели, они голые, без опушения. В глубине спасительной норы можно не спешить, поэтому их развитие идет медленно в сравнении с открыто гнездящимися птицами, только в месячном возрасте оперившиеся птенцы покидают гнездо. Родители продолжают кормить слетков еще около трех недель, которые держатся у нор.

В адрес щурок всегда было много нареканий со стороны пчеловодов. Действительно, поселившиеся вблизи па-

секи щурки поедают в основном пчел и могут нанести заметный ущерб. За период выкармливания птенцов пара щурок приносит им около пяти тысяч насекомых, то есть свыше полутора сотен ежедневно. Пчелиная семья состоит обычно из тридцати тысяч и более особей, так что вред от щурок будет ощутимым только в районе крупных колоний. Его можно значительно уменьшить, если располагать пасеки в пяти — семи километрах от колоний щурок (такой у них радиус охотничьих полетов) или же сделать пологими склоны в районе их поселения. Уничтожать же этих красивейших птиц, причем нередко варварским способом, когда норы забиваются бутылками или камнями и в них гибнут от голода самки и птенцы, — это преступление против природы. Наконец, следует учитывать, что щурки являются поставщиками нор для других полезных птиц. Щурки поедают много вредных для сельского хозяйства насекомых: хлебных жуков, долгоносиков, саранчу и других. Сомнений быть не может — пользы от нее намного больше, чем вреда. Эти экзотические птицы придают особое очарование и колорит водоемам, степным и пустынным ландшафтам.

Береговые обрывы пришлись по душе и другим представителям экзотического для нашей фауны отряда ракшеобразных. Несколько слов о наиболее оригинальном по внешности представителе отряда — удоде.

По размерам тела *удод* несколько крупнее скворца, пестро и ярко окрашен в ржаво-рыжие, белые и черные цвета. На голове выделяется длинный рыжий хохол. Клюв длинный, изогнутый вниз. Внешность настолько характерна, неприсущая другим нашим птицам, что удода знает каждый, хотя бы по картинкам. И голос у него необычный: глухое гортанное «уп, уп, уп», повторяемое многократно. Они образуют песню, которую удода без усталости распевает, усевшись на дереве или выступающем карнизе обрыва. Многие натуралисты передают словами его песню как «худо тут».

В отличие от щурок, сизоворонки и зимородка угод сам нор не роет, а занимает старые чужие. Гнезда как такового также не делает, выстилкой служит голая земля. При нехватке нор удода гнездятся в дуплах, чердаках зданий, в расщелинах, но обязательно в хорошо укрытых безопасных местах. Добраться до его гнезд трудно.

Как у большинства скрытно гнездящихся птиц, у удода яйца белые, редко со слабым охристым налетом. Их насчитывается от пяти до десяти, даже до двенадцати штук. Насиживает кладку самка, в течение восемнадцати дней, самец только приносит ей различных насекомых, в основном жуков, червей. Словом, все съедобное, что удастся отыскать на лугу, в степи или выгоне для скота. Удода очень любят копаться в навозе домашнего скота, где много личинок насекомых, а также в мягкой почве. Птенцов выкармливают оба родителя, они приобретают способность к полету в возрасте двадцати четырех дней. Семьи удодов еще две недели не распадаются, позднее молодые птицы живут самостоятельно, следуя за стадами животных.

Когда мы повторно посетили нору удода в береговом обрыве, чтобы окольцевать птенцов, то лично убедились в его неряшливости и нечистоплотности. Нора была облита дурно пахнущим пометом, на дне валялись остатки беспозвоночных. Из пяти яиц выросло только два птенца. Возможно, гибель остальных была обусловлена длительной холодной и дождливой погодой, что привело к нехватке пищи.

В Казахстане удода можно встретить почти везде, настолько широко он распространен, во многих населенных пунктах, заброшенных землянках пастухов и могильниках, в обрывах и карьерах.

Удода прилетают в конце февраля — марте, когда появляются первые проталины, а отлетают в августе — начале сентября. Поразительно, что в последние годы одиночные птицы стали зимовать на юге республики, в

Алма-Ате, что необычно для выходца тропиков. У любителей природы есть, следовательно, возможность чуть ли не круглый год наблюдать за удодами. А загадок у него еще немало. Например, неизвестно, успевают ли удоды вывести два выводка за сезон, а такие предположения имеются. Очень скудные данные накоплены о величине гнездовой и послегнездовой смертности, питании взрослых и молодых птиц, смене оперения. У профессиональных орнитологов до удодов «руки не доходят», а вот любители могут сделать очень многое для познания и охраны этой замечательной птицы-экзота.

Особенно много загнездились *береговых ласточек* на обрывах. В народе их нередко называют просто береговушками, а еще — стрижиками. С настоящими стрижами эти маленькие ласточки не имеют ничего общего, разве что короткий и широкий клювик, которым, словно сачком, птички ловят на лету мелких насекомых. Окрашены они очень скромно: бурый верх, белый низ, через зоб проходит поперечный бурый поясок. Живут береговушки на всех реках и речках Казахстана. Речные обрывы — их стихия. Уму непостижимо, как они умудряются рыть норы глубиной до полутора метров своими крохотными клювами и лапками. И делают это довольно быстро, за два — три дня. Правда, стараются выбирать места, где глина помягче. Первыми, заняв территорию, начинают строительство самцы. Они то и дело прерывают это занятие, чтобы прогнать других самцов-соперников, но допускают на свою территорию тихих, робких самочек. Холостая самка посещает в эту пору нескольких самцов, пока не выберет норку по душе. Если норка ей понравилась — образуется семья. Обе птицы вместе заканчивают строительство и часто за работой тихо поют.

Вскоре в гнездовой камере оказываются четыре — шесть крошечных белых яиц, которые насиживают самка и самец в течение двух недель. Первые дни самка находится при птенцах, обогревает их, а охотится и носит

корм самец. Птенцы растут, и уже оба родителя едва успевают их прокормить. Кормят птенцов и после их вылета, легко находят своих детей даже у чужих нор. На юге Казахстана береговые ласточки за лето успевают повторно загнездиться. Приступая ко второй кладке, некоторые пары распадаются. Часто самки выбирают нового партнера и новую норку в то время, как самец еще продолжает кормить первых птенцов. На наш взгляд, это безнравственно, но ученые считают, что такое ускорение выгодно, так как второй выводок может быть успешнее выкормлен. После вывода молодых береговушки сбиваются в большие стаи и ведут кочевой образ жизни до самого отлета на места зимовок в Южную Азию и Африку.

Удивительное явление было обнаружено сравнительно недавно у этой ласточки. Оказывается, при значительном похолодании в конце лета или ранней осенью, когда временно исчезают летающие насекомые, береговушки забиваются в норы по десять — пятьдесят штук вместе и оцепеневают. В таком состоянии они не подают признаков жизни, словно умерли. Но стоит их обогреть, как птички оживают. Только при затянувшемся похолодании много ласточек погибает, не помогает и временное оцепенение с целью экономии энергетических ресурсов. Охотятся ласточки на мелких летающих насекомых: комаров, мух, мошек, жучков, что в изобилии летают над водой.

Несмотря на быстрый верткий полет, береговушки часто становятся легкой добычей хищников. Нам неоднократно приходилось видеть, как появившийся внезапно сокол — чеглок или дербник — хватает ласточку когтями и отлетает в сторону с добычей. Даже медлительные вороны и коршуны успевают сбить на землю молодых, неуверенно летающих береговушек, хотя чаще они довольствуются трупами птенцов, выпавших из нор. Под колониями береговушек находят обильную пищу лисицы, хорьки и ласки, а вблизи сел — бродячие кошки и собаки. Часто норы разрушают из любопытства подростки, целые коло-

нии погибают в карьерах и обрывах, если там ведется добыча песка или глины, обрушиваются после ливневых дождей и наводков.

В последние годы к изучению береговушек наблюдается повышенный интерес орнитологов. Этот вид оказался очень удобным для выяснения многих вопросов колоннальности у птиц вообще, демографии, то есть соотношения различных возрастных и половых групп в отдельных популяциях, их динамике. На ласточках успешно изучаются отдельные моменты общепологического явления — миграций животных, процесс смены оперения. Действительно, объект чрезвычайно удобный: многочислен, легко отлавливается и метится, образует большие концентрации. В то же время следует помнить и о трудностях работы с ласточками. У них высокая смертность и низкая продолжительность жизни — максимальная до шести лет, многие колонии на обрывах недоступны для человека, как и осенние ночевки в густых тростниковых зарослях. Зимуют береговушки в Африке, за пределами нашей страны, и этот период наименее изучен. Опасность работы в колониях заключается также в том, что в норы береговушек забираются змеи, включая ядовитых, которые могут укусить человека. Навсегда запомнили мы случай, произошедший во время прохождения летней учебной практики по зоологии позвоночных в нашей студенческой группе. Нам было поручено обследование колонии ласточек, расположенной в обрывистом глинистом берегу реки, чтобы выяснить возможности проведения кольцевания. Стояли жаркие июньские дни, даже у реки не было спасения от палящего солнца, поэтому все работали в купальных костюмах. Быстро зарисовали колонию и составили схему расположения норок, отметили жилые норки и заброшенные, затянутые паутиной. В колонии насчитывалось двести пар ласточек. Решили проверить, насиживают ли птицы кладки или уже появились птенцы. Ведь если они и были, то молчали в глубине нор, преду-

преждевнные криками родителей. Начали раскапывать три нижних норки. Внезапно один из студентов громко и отчаянно закричал, размахивая правой рукой. Оказывается, он засунул глубоко в расширенную нору руку и кто-то его укусил за палец. Засунув внутрь палку, мы выгнали из норы крупную гадюку с красивым зигзагообразным темным рисунком на спине. Между тем парню становилось все хуже, боль распространялась вверх по руке, хотя он выдавил отравленную кровь из ранки. Пришлось срочно везти его в лагерь, где ему ввели противозменную сыворотку, а затем на автобусе увезли в городскую больницу. Эти меры оказались своевременными.

В нашей стране береговая ласточка еще многочисленна, а в некоторых государствах Западной Европы она находится под охраной. Так, в ФРГ 1983 год был объявлен годом береговой ласточки.

Были здесь и настоящие стрижи. *Черный стриж* встречается на территории республики повсеместно, причем достигает высокой численности в городах, горах, по долинам рек. Можно с уверенностью сказать, что черного стрижа видел каждый человек, но немногие знают, что это он. Облик стрижа характерен, как и его резкие визжащие крики, переходящие в свист «стри-и-и». По размерам он крупнее ласточек, по окраске черно-бурый со слабым металлическим блеском. У летящей птицы бросаются в глаза длинные узкие серповидные крылья, которыми она то часто-часто размахивает, набирая высокую скорость, то планирует плавно на распластанных крыльях. Полет стрижа удивительно маневрен и стремителен, ему по плечу скорость в сто сорок километров в час! При случае понаблюдайте, как ловко влетают стрижи на такой скорости в узкие отверстия скворечников или трещины зданий, где расположены их гнезда.

На береговых обрывах стрижи селятся в чужих норах вместе с щурками, сизоворонками, галками, голубями и воробьями. И теперь мы могли любоваться быстрокрылы-

ми птицами, что стаей вились у отвесной стены обрыва, влетали и вылетали из темных отверстий нор и щелей, Добраться до гнезд стрижей не стоило даже мечтать. Кстати, основные сведения о размножении стрижей получены при изучении их гнезд в скворечниках, дуплах деревьев, чердаках домов; обрывы оказались неприступными для орнитологов. С большим интересом мы наблюдали также каждый вечер, сидя у палаток, как стрижи проносятся над водой, замедляют полет и зачерпывают подклювьем воду, то есть пьют, как и ласточки.

Вся жизнь стрижа проходит в воздухе, на крыльях, только для строительства гнезда и кратковременного отдыха он нуждается в вертикальных стенках. Лапки у него очень маленькие, но мощные с острыми когтями. С их помощью стриж подвешивается на стенках, цепляясь за малейшие шероховатости. Широко бытует мнение, что стриж не может взлететь с земли, что ему надо обязательно взобраться на стенку, ствол дерева и упасть вниз, чтобы раскрыть свои длинные крылья. Когда нам в руки попал молодой стриж — слеток, покинувший гнездо, мы решили проверить такое предположение. Положили стрижа на землю, отошли в сторону, затем внезапно вспугнули его. Птица, лежавшая с распластанными крыльями, резко ударила ими по земле, подбросила тело в воздух и полетела. Прodelав несколько таких опытов, мы убедились, что стрижи прекрасно взлетают с земли. Ходить же не могут, только медленно, с трудом ползают.

По последним данным, стрижи даже спят в воздухе, поднимаясь на огромную высоту и планируя там в воздушных потоках. Вообще же жизнь стрижей изучена слабо, но уже выяснены многие удивительные вещи. Оказывается, птенцы их могут впадать на несколько дней в глубокое оцепенение, когда наступает похолодание и не хватает корма, лежат в гнезде, как мертвые. Но прилетят родители, откочевавшие за сотни километров, обогреют, и птенцы оживают, и растут теперь дольше, с учетом мнимой

смерти. Стрижи обзавелись своеобразным «клеем» — секретом подъязычных желез («слиюной») они скрепляют свое гнездо, построенное из выловленных в воздухе травинок, перьев и пушинок. А у знаменитых стрижей — саланганов из Юго-Восточной Азии все гнездо построено из слизи, используется в пищу и очень ценится у гурманов.

...У галок, судя по всему, были птенцы — многие черные с пепельным затылком и белыми глазами-пуговицами птицы держали в клювах крупных саранчуков и гусениц. Присутствие человека в колонии мешало им отдать корм птенцам, сидящим в сыром подzemелье, — осторожность прежде всего. До птенцов не так-то просто добраться. Придется завтра прийти сюда с помощниками и лестницей, надо перекольцевать галчат.

На колонию мы пришли вскоре после восхода солнца и сразу приступили к делу. Большинство гнезд галок было доступно снизу и, стоя на лестнице, птенцов можно было легко достать рукой. Однако попадались и длинные, до полутора метров уходящие вбок или вверх, норы. В таких случаях добраться до гнездовой камеры было невозможно. В отличие от птенцов грачей галчата молчаливы, лишь те, что постарше, почти слетки, пытались уцепиться за руку. Но беспокоило не это, а возможная встреча с ядовитой змеей в глубине норы. В гнездах сидело от одного до пяти оперяющихся птенцов, попадались и яйца, сильно насиженные. В гнездовой камере одной из нор среди типичного материала выстилки (веточки кустарников, сухая трава, шерсть, перья) лежал большой кусок газеты за 6 июля прошлого года. Читающие галки! Среди галочьих гнезд попалось одно гнездо сизоворонки с еще свежей ненасиженной кладкой из пяти белых блестящих яиц. Хозяйка норы летала над головой с резким неприятным карканьем «кряк, кряк».

В одном месте, у изгиба реки, вода подходила под самый обрыв. Подобраться к гнездам снизу было нельзя, но мы продолжили кольцевание оригинальным способом.

Сверху, в полуметре от края обрыва, втыкали лопату на весь штык, на ее черенок накидывали петлю из прочной веревки, привязанной двумя концами к лестнице, и опускали последнюю вниз. Таким образом, один кольцеватель висел над рекой посреди обрыва и доставал галчат из нор, а другой, оставшись наверху, придерживал черенок лопаты.

Считалось, что галки образуют постоянные пары. Возможно, так оно и есть. Но галки гораздо на загадки орнитологам. Недавно было выяснено, что эти птицы склонны к бигамии. Вот тому пример. Самец и две самки построили два гнезда в одной норе. Самки, сидя бок о бок, насиживали яйца, а их партнер приносил корм... только одной из них. Второй самке приходилось часто оставлять кладку и самой заботиться о пропитании. В результате у любимой подруги все птенцы вывелись, а у другой — в яйцах погибли эмбрионы. И интересно, что трио после этого не распалось — самец с двумя супругами вместе выкормили выводок (корм носили до семидесяти пяти раз в день). Не расстались взрослые птицы и после того, как молодые приобрели самостоятельность.

Над пойменным озерком, где мы ловили паутивыми сетями куликов, каждый вечер роились сотни береговых ласточек. Собирались они как-то незаметно, днем их было мало, часам к семнадцати появлялись десятки птиц, а к девятнадцати их невозможно было посчитать. Птички кормились то над самой водой, то взмывали метров на двадцать. Перед заходом солнца, высветившим легкие перистые облака в желтовато-дымчатый цвет, разгулялся западный ветер. Борясь с ветром, ласточки с трудом продвигались вперед. Долетев до конца озерка, береговушки расслабились, их быстро сносило назад... И вот легкие птички вновь преодолевают сопротивление ветра. Так повторяется бесконечное число раз: нелегко прокормиться ласточке в сильный ветер. Многие отдыхают, присев на верхний шнур сети, от их веса сетка провисает. Потеряв равнове-

сне, при сильном порыве ветра некоторые ласточки падают в карман сети и запутываются безнадежно, чем привлекают внимание своих товарок. Береговушки кормятся здесь до захода солнца, а затем быстро и дружно исчезают на ночевку в тростниковые заросли.

Над водой стремительно пролетел пиящный соколог-чеглок. Попытался схватить («сделал ставку») взлетевшую белую трясогузку, затем погнался за ласточкой, другой... Сделал до десяти ставок и все неудачно, очевидно, молодой. Так ни с чем и улетел в сторону заходящего солнца. Там, у горизонта, собрались перисто-кучевые облака. Ветер с запада стих, но за несколько минут до заката внезапно ударил северный порыв ветра, который почти сразу перешел в штормовой, несший из пустыни сплошную завесу солончаковой пыли и мельчайшего песка. Солнце зашло в сплошную пыльную тучу.

Уставшие, мы возвращались в лагерь. Под ногами шуршал песок. Вышла полная луна, смутно высветившая полосу тугая, заблестела река. Невольно показалось, что мы стоим внутри огромного круга, словно очерченного гигантским циркулем. Немудрено, что наши далекие предки считали Землю плоским диском, покоящимся на спинах трех слонов.

В тугаях ухнул филин и монотонно закричала буланая совка — южная родственница силюшки, пришло ее время суток. Задорно свистнул и рассыпался трелью южный соловей. Полный впечатлениями день закончился «концертом» шакалов. Стая зверей неподалеку, за барханами, дружно «запричитала» — только так можно назвать их малоприятное завывание. «Ой-ой-ой, ууу, ооо, ох-ох-ох, ау-ау-ау, ай-яй-яй» — на разные лады выли шакалы.

Лето пролетело быстро, и вот мы едем домой. На асфальте кормится много грачей. Птицы степенно ходят по обочинам и дороге, нехотя уступая ее быстро приближающемуся автотранспорту. Черные птицы видны издалека, несмотря на яркое солнце, бьющее в глаза. Вот наша экс-

педиционная машина приблизилась к ним, грачи взлетают и несколько десятков метров летят впереди. И в это время они... превращаются в белых чаек. Солнечные лучи отражаются от их иссиня-черных с металлическим блеском перьев и летящие птицы действительно кажутся белыми. Как наваждение какое-то! Смотришь и глазам не веришь: на дороге сидят черные грачи, а взлетая, превращаются в белых чаек.

...Чрезмерное зарегулирование стока Сырдарьи и других рек Южного Казахстана приводит к усыханию тугайных лесов, к исчезновению пойменных озер и опустыниванию прилегающей территории. Как чрезвычайное происшествие следует расценивать тугайные пожары в сухой период года и вырубку тураиговых рощ. Тугай — феномен природы — должны быть взяты под строгую охрану.

Что касается береговых обрывов, то с их исчезновением улетают из этих мест щурки, зимородки, береговушки. Сохранить таких узко специализированных птиц можно только при условии сохранения естественных биотопов. Хозяйственная деятельность человека, особенно разработка строительных материалов, в ряде мест отрицательно сказывается на состоянии обрывов. Стоит упомянуть, что в странах Западной Европы уже устраивают для зимородков и береговушек искусственные обрывы и норы. Так не проще ли сохранить естественные?

РУКОТВОРНЫЕ ВОДОЕМЫ

- Деревенская ласточка
- Черношейная поганка ● Ходулочник ● Волчок ● Дроздовидная камышевка ● Туркестанская камышевка

Неподалеку от каждого крупного города и села есть водоемы, возникшие по воле человека. Это большие и малые пруды, водоемы-накопители и огромные водохранилища, называемые морями. Так, алмаатинцы в воскресные дни устремляются на отдых или рыбную ловлю на Капчагайское море, устькаменогорцы — на Усть-Каменогорское и Бухтарминское моря, павлодарцы — на Павлодарское море и т. д. Наблюдать птиц можно и там. Многие водоплавающие и околоводные птицы гнездятся на берегах и островах водохранилищ, в массе скапливаются на их акваториях в период сезонных перелетов. Роль искусственных водоемов в привлечении птиц водно-болотного комплекса и особенно охотничьих птиц (гусей, уток, лысух, куликов) очень высока. Различные пруды и водохранилища обеспечивают им прекрасные кормовые и защитные условия, формируются промежуточные пункты для мигрирующих птиц, где они останавливаются и пополняют энергетические запасы перед очередным броском к местам гнездовий и зимовок.

Особо следует сказать о водоемах-накопителях сточ-

ных промышленно-бытовых вод, появляющихся вблизи индустриальных центров. Эти водоемы быстро осваиваются птицами во все сезоны года. Причина тому — сброс теплой воды промышленными и бытовыми предприятиями, отчего на озерах происходит бурное развитие водной и околородной растительности, зоопланктона и зообентоса. По этой же причине часть водоема не замерзает зимой, и некоторые виды уток и других птиц остаются здесь до весны.

Совершим экскурсию на один из таких водоемов — озеро Сорбулак. Появилось оно недавно, в 1975 году. Тогда обширная впадина на плато Караой среди степи, мелкобугристых песков, солонцов и такыров, в шестидесяти километрах от Алма-Аты, начала заполняться по специальному каналу водой. К настоящему времени там образовались два озера, общей площадью свыше сорока трех квадратных километров, — Большой и Малый Сорбулак. За десять лет стационарных наблюдений озера претерпели большие изменения. Заметно увеличилась площадь акватории, появились острова, первоначально голые грязевые берега покрылись пышной прибрежной растительностью, которая в последние годы стала угасать. Летом вода обильно «зацветала» сне-зелеными водорослями, кишела дафниями, циклопами, водяными клопами, личинками стрекоз и комаров. Не сразу появилась, но в массе размножилась рыба. Все это привлекло большое количество рыбоядных и других водно-болотных птиц, которых здесь насчитывается около ста тридцати видов. Среди них многие летом образуют гнездовые колонии: озерные чайки, чайконосые, речные и малые крачки, черношейные и большие поганки, кулики — ходулочники, шилоклювки, травники, зуйки, луговые тиркушки. Тростниковые заросли населены настушковыми (наиболее многочисленны лысуха и камышница), нырковыми утками, большими и малыми выпями, серыми цаплями, болотными лунями, различными камышевыми и усатыми синицами. Весной и

осенью численность мигрирующих через Сорбулак птиц насчитывает десятки тысяч особей.

Сорбулакский орнитологический стационар, небольшой лагерь из фанерного домика-лаборатории, юрты, да нескольких разноцветных палаток, расположился на берегу озера среди бескрайнего зеленого ковра степи, у края ярко-красного макового «цветника». В стороне нежно голубеет поле из незабудок, а еще дальше темнеет широкая лесополоса.

Май — пора любви в животном мире. Еще летят на север запоздавшие тундровые кулички, а у местных птиц уже по горло семейных забот. Многие сидят на гнездах, некоторые еще только собираются: токуют, дерутся, строят гнезда. Над степью льется звонкая бесконечная песня жаворонков. Выше, в бирюзовом небе реют неумолимые истребители насекомых — длинокрылые стрижи.

В нашей юрте пара *деревенских ласточек* (касаток) ежегодно устраивает свое гнездо, прикрепляя его к каркасу под самым потолком. Быстрокрылые птички весь световой день носили в клювах комочки грязи и ловко скрепляли их между собой, формируя будущее гнездо. На их крохотных лапках тускло поблескивали алюминиевые кольца — наш «подарок», сделанный год или два назад. Дверь в юрту открыта круглосуточно, и ласточки всегда могут свободно залетать в помещение и вылетать обратно — за стройматериалом или на охоту. Через несколько дней напряженного труда гнездо было готово, в него птички отложили пять белых с красноватыми крапинками яиц, и началось их высиживание. А через две недели появились птенцы и заботы родителей возросли во много крат. Птенцы прожорливы, оттого растут быстро. Нелегко приходится взрослым ласточкам. От зари до зари они челноком шныряют к гнезду и обратно, молнией влетая в открытую дверь.

Молодой орнитолог Ерлан Бекбаев подолгу наблюдал за неумолимыми ласточками-родителями, за их крикли-

вым потомством. Казалось, что он что-то замышляет. И однажды удивил всех членов отряда, торжественно позвав нас в юрту. Войдя, мы рты разинули: Ерлан с длинной тростинкой в руках стоял посреди юрты. Ловко поймал муху, насадил ее на заостренный конец тростянки и осторожно подвел к бортику гнезда. Взрослая ласточка, самочка, сидела на краю гнезда. Она аккуратно, вежливо, как умная, воспитанная собака, взяла угощение и тотчас же отдала его ближайшему птенцу. Ерлан насадил другую муху и опять протянул ласточке. А та не спешила улетать. Она ждала следующей порции корма.

— Я приручал ее так несколько дней — сказал нам Ерлан.

— Теперь она уже привыкла и пока я в юрте, она не улетает на охоту, а ждет, пока я накормлю досыта ее птенцов.

Мы восторженно смотрели на эту удивительную картину, а тем временем Ерлан скормил ласточатам десятка два мух. Раза три за это время подлетал с кормом самец и быстро отдав его птенцам, улетал, не задерживаясь.

Подумалось тогда — доброе отношение человека к животным способно творить чудеса. Но часто ли мы находим время и желание среди повседневной суеты остановиться, присмотреться и потратить часть души своей на такую, вроде бы совсем не существенную заботу о «братьях наших меньших», как это сделал Ерлан?

Еще в апреле на Малом озере мы заметили небольшой островок, на котором постоянно белели чайки, а вокруг него плавали небольшие, размером с чирка, птицы, издали похожие на уток. Число их постоянно менялось, что очень затрудняло подсчет: время от времени одни птицы ныряли в воду, другие тем временем выныривали. Это были *черношейные поганки*. Гнездятся они почти на всех водсемах Казахстана. Но наиболее близкое знакомство с этой черно-белой с золотистыми ушными перьями и кокетливо вздернутым вверх острым клювом птицей мы

свели на Сорбулаке. Слово поганка совсем не подходит к симпатичной птице, но что поделаешь — так называли ее люди за невкусное мясо, будто бы отдающее рыбой. Хотя рыбой она почти не питается, предпочитая водных насекомых, мелких ракообразных и моллюсков.

От других видов поганок черношейная отличается высокой степенью общественности, известны ее гнездовые колонии, объединяющие до тысячи пар. На Сорбулаке в колониях насчитывается по несколько десятков пар. В конце мая мы застали в гнездах от одного до пяти белых овальных яиц разной степени насиженности, в некоторых уже вылупились птенцы. Гнезда были сделаны из мокрых водорослей и как кочки возвышались над мелководьем, но часть их располагалась по урезу воды. Вся колония поганок занимала периферийные части островка, а центр принадлежал шумной колонии из сотен пар озерных чаек и чайконосых крачек. На мелководье мы нашли и несколько крупных, возвышающихся над водой, гнезд больших поганок — чомг. Совместное гнездование с чайковыми птицами очень выгодно поганкам, благодаря высокому уровню агрессивности и большой численности чаек и крачек в колонии. Никакой пернатый разбойник не сунется на такой остров, а наземному хищнику туда путь заказан. Все поганки успели заблаговременно покинуть гнезда, забросав яйца мокрыми пучками водорослей. Это маскирует кладку от хищников и одновременно создает оптимальную температуру, как в инкубаторе — за счет тепла, выделяющегося от гниющих водорослей. Бросилось в глаза огромное количество погибших яиц черношейных поганок. Ими было усеяно все дно между гнездами. Утопленные яйца кольцом опоясывали весь островок. В одном месте, где гнезда располагались особенно густо, на участке в полквadratных метра мы насчитали сорок два погибших яйца! Причиной гибели яиц служат сильные нагонные ветры, в штормовую погоду яйца смываются волной из плоского лотка.

Вылупившиеся и едва обсохшие птенцы забираются на спину родителей и катаются с ними по озеру, умудряясь оставаться там и при нырянии взрослых птиц. Первые десять дней родители интенсивно кормят птенцов, затем они сами добывают пищу — могут нырять, но для начала склевывают насекомых с поверхности воды.

Когда мы осматривали остров, поганки рассредоточились по озеру и следили за нами издали. При приближении лодки они бесшумно и почти без кругов на воде ныряли. На поверхности воды появлялись совсем не там, где их ожидали, выныривая внезапно, словно резиновые мячики. Вели поганки себя тихо, не то что их соседи — чайки и крачки, от гвалта которых в ушах звенело. Многогосотенной стаей крикливые птицы кружились в небе, словно хлопья снега; не долетев до земли, они вновь взмывали ввысь. В птичьей какофонии можно было различить отрывистые и скрипучие, как заржавленные дверные петли, крики *ходулочников*. Эти длинноногие, длинноногие и длинноклювые кулики обычны на Сорбулаке.

В некоторые годы численность *ходулочников* здесь достигала фантастических размеров. Достаточно сказать, что в 1979 году на Малом озере они обосновали колонию более чем из семисот пар. Таких огромных колоний нигде больше не находили. В Кургальджинском заповеднике и в низовьях реки Тургай, где *ходулочники* также обычны, они образуют поселения всего из двадцати — пятидесяти пар.

На Сорбулаке *ходулочники* появляются в конце марта — начале апреля, а в первых числах мая они приступают к размножению. Колония формируется уже в апреле непосредственно у воды, среди невысокой прибрежной растительности, главным образом дурнишника. Последний быстро растет и вскоре закрывает гнезда от посторонних, не всегда доброжелательных глаз. А к тому времени, когда дурнишник ошетинится колючими семенами-ежиками, чем вполне оправдывает свое дурное название,

птенцы покинут растоптанные гнезда и пушистыми колобками будут перекатываться за ходулями родителей по мелководью и топким берегам озера.

Но до той поры еще более трех недель насиживания яиц. Посетим колонию в этот ответственный период в жизни птиц. Весь день над ней не смолкает хриловатое тьяканье ходулочников. С наступлением темноты их перекличка не становится тише и тогда над озером звучит удивительный дуэт ходулочников и лягушек. В гнездах по три — четыре пестрых яйца грушевидной формы, характерной для всех куликов. Сами гнезда сильно разнятся между собой — в одной колонии можно встретить от простой лунки в земле, едва прикрытой сухими стеблями трав, до массивных конусообразных кочек, возвышающихся над грязью или мелководьем. Любопытно, что некоторые из этих гнезд-шапок у основания с одной стороны имели настил-сходни из сухих стеблей дурнишника. Неужели для того, чтобы грязными ногами не испачкать кладку?

Насиживающий кулик плотно прижимается к кладке и, несмотря на контрастную черно-белую окраску оперения, малозаметен. Время от времени он привстает и клювом переворачивает яйца — для равномерного обогрева. В жаркий полдень наседка сходит с гнезда на воду, смачивает брюшко, присев четыре — пять раз, иьет и возвращается обратно. На некоторых гнездах видны спящие птицы: клюв сирятан по глаза в плечевых перьях или под крылом, каждые пять — шесть секунд глаза открываются — всегда начеку. Хотя это излишне, можно бы и расслабиться, ведь партнер кормится или стоит, перебирая перья и поглядывая окрест, неподалеку. Насиживание — работа нелегкая. Через каждые полчаса — час происходит смена родителей на гнезде, сопровождаемая тихими булькающими звуками: «пост сдал — пост принял».

Однажды мы оказались свидетелями семейного конфликта. Самка, насиживающая более двух часов, сошла с кладки, но самец, беззаботно бродивший неподалеку и не

подумал занять ее место. Тогда самка стала силой гнать несознательного супруга к гнезду. Она с криком преследовала его в воздухе, но самец все время пролетал мимо гнезда и садился в пяти — десяти метрах. Наконец после нескольких ее атак самец подошел к гнезду, постоял рядом пару минут и лишь затем, как бы нехотя, сел насиживать.

В мае еще продолжались брачные игры ходулочников. Птицы с хриплыми криками смешно подпрыгивали на месте, размахивая крыльями. Наиболее агрессивные самцы наскакивали друг на друга и если один из них резко приседал, то соперник перепрыгивал через него. А вот самец и самка, почти прижавшись телами и вытянув шеи, некоторое время идут в ногу. Обе птицы издают тихие булькающие звуки, похожие на звуки при смене партнеров на гнезде. Остановились. Самец несколько раз окунул клюв в воду, затем взмахнув крыльями, легко вспрыгнул на спину самки и присел, размахивая крыльями. После спаривания кулики опять прошли несколько шагов, касаясь друг друга, с вытянутыми вперед шеями. Затем повернулись навстречу и на одно мгновение, вытянув вверх шеи, перекрестили клювы.

В середине июня началось массовое вылупление птенцов. Шума в колонии прибавилось. То и дело возникали ссоры и драки между соседними парами ходулочников. При драке один из куликов стремился взлететь и ударить другого ногами по спине или голове. Невидимые нам границы гнездовых участков отдельных семей соблюдались свято. На других куликов и прочих птиц, отдыхающих или кормящихся рядом, ходулочники обычно не обращали внимания, но шилоклювки пользовались их особой неприязнью. А вот два ходулочника стремительно атаковали подсевшую пеганку. Утка испуганно вскрикивала, приседала и вертела головой, но оставалась на месте. К охрипшим от криков куликам присоединился третий, и пеганка не выдержала натиска — улетела прочь. По окраске она

отдаленно напоминает шилоклювку. Может быть, в этом кроется причина нападения ходулочников на безобидную утку? Ведь рядом с гнездами уже почти два часа отдыхает огарь и пара краснобашей, но ходулочники словно не замечают их.

После вылупления птенцов забот у ходулочников не убавляется. Нужно водить их, согревать, учить самостоятельно питаться, оберегать от врагов. Целый день пуховички, как на привязи, бегают за родителями, перенимая у них жизненный опыт. Уставших и замерзших птенцов кулики обогревают под распушенным оперением и крыльями, нередко присаживаются для этого даже на воду. Однажды через полчаса обогрева ходулочник встал, по четыре птенца остались сидеть на его спине, спрятавшись под второстепенными маховыми и плечевыми перьями, — выглядывали только их головки. Совсем как у поганок!

К июлю птенцы поднимаются на крыло, жизнь колонии затихает. Ходулочники начинают табуниться, отдельные семьи сбиваются в стаи. Покидают Сорбулак эти интересные кулики в сентябре.

От сильного ветра вода в озере стала темно-синей, на ее поверхности вспыхивают и тотчас гаснут сорванные ветром белые барашки волн. На этом фоне очень эффектно смотрятся два белоснежных лебедя-шипуна. Гостям Сорбулака волны не помеха, птицы спокойно кормятся.

Среди волн были заметны мелькающие белые пятна, они то подскакивали вверх, то опускались вниз, временами совсем исчезая. В бинокль удалось разглядеть несколько лысух — это их бляшки на лбу привлекли наше внимание.

А теперь углубимся в тростниковые заросли, пышным островом зеленеющие посреди озера. Над шелестящими стеблями тростника патрулируют *болотные луни* — настоящие птичьи волки. Особенно вредны они в гнездовой период, когда уничтожением кладок и птенцов теряют

право называться «оздоровителями популяции». Но как показала печальная практика «регулирования численности», лучше не вмешиваться в естественную жизнь природы, измеряемую тысячелетиями.

Пролетающего луна неожиданно атаковал крикливый чибис. Кулик набрал высоту и круто спикировал на хищника. Не долетев до него несколько сантиметров, вновь взмыл вверх, и атака повторилась. Каждый раз луна вздрагивал, слегка уклонялся, но продолжал лететь своим курсом. Лишь в бессильной злобе опускал лапы и сжимал когти при каждом нападении чибиса.

Жизнь кипит в тростниковых дебрях. Громко трещат, свистят, визжат дроздовидные камышевки, мелодичными колокольчиками перекликаются усатые синицы, перепархивая с места на место, хныкают лысухи, оглушительно бухает большая выпь. Время от времени из самой гущи зарослей раздается отрывистый глухой лай. Принадлежит он не собаке, а волчку. Другое название этой небольших размеров птицы — *малая выпь*.

В Казахстане она распространена в долинах рек Урал, Сырдарья, Чу, Или, на озерах южных и центральных частей республики. Волчок ведет очень скрытный сумеречный и ночной образ жизни, почти не показываясь вне тростниковых зарослей, хотя в брачный период можно увидеть гонящихся друг за другом птиц днем и на открытых местах. Волчки легко, быстро и бесшумно передвигаются в чаще, ловко обхватывая стебли тростника длинными цепкими пальцами ног. Тело их узкое и вытянутое, шея длинная, клюв острый, как кинжал. При опасности, как и большая выпь, волчок вытягивается вертикально в струнку и замирает. Заметить его в этой позе невозможно, если даже он затаится в нескольких сантиметрах от вас. Самка окрашена в очень скромный рыжеватый цвет с бурыми продольными пестринами, что обеспечивает ей хорошую маскировку в тростниках. Самец же весной довольно наряден: весь верх тела черный с зеленоватым блес-

ком, низ тела охристо-бурый, на груди удлинённые красновато-бурые перья.

Считают, что волчок — очень неуживчивая и даже злобная птица. В орнитологической литературе говорится о том, что малые выи гнездятся отдельными парами, не вынося близости себе подобных. Но на тростниковом острове посреди Сорбулака мы находили гнезда, расположенные всего в девяти — десяти метрах друг от друга. Материалом для постройки служат стебли и листья тростника. Гнездо строится самкой быстро, за три — четыре дня, участие в этом самца ограничивается подношением строительного материала. Есть указание на то, что волчки разоряют птичьи гнезда, поедая яйца и птенцов. Сорбулакские волчки не такие кровожадные. Мы находили их гнезда в непосредственной близости от гнезд камышевок, лысух, камышниц, уток. А однажды обнаружили даже двухэтажную постройку: внизу, на воде было гнездо красноватого нырка, а над ним в сорока сантиметрах выше — гнездо волчка. Ссор между соседями «по подъезду» не возникало, на обоих этажах благополучно вывелись птенцы.

В кладке волчка от четырех до девяти белых и круглых, как шарики пинпонга, яиц. Насиживаются они попеременно обоими родителями в течение трех недель. Птенцы выглядят очень забавно: на длинных тонких ножках, с несуразно большой головой и клювом. Пока они маленькие, их защищают родители. В одном гнезде самец при приближении человека, стоя на краю постройки, закрыл птенцов распушенными крыльями и сделал несколько быстрых выпадов острым клювом. Но орнитолог не испугался, осторожно завел руку за его спину и погладил разгневанного отца семейства, после чего он успокоился и позволил окольцевать птенцов. В возрасте одной недели они уже способны вытягиваться столбиками в гнезде, замирать при опасности. А еще через пару недель они быстро уходят в глубь зарослей, цепляясь не только когтями, но и крылышками. Настоящие цир-

ковые акробаты! Умеют они и обороняться: как фехтовальщики, выбрасывают клюв-шпагу в сторону врага, при этом широко раздвигая основание нижней челюсти. Через месяц молодые волчки начинают летать.

Охотятся малые выпи в основном в сумерках и ночью, добывая мелких рыбок, головастика, водных насекомых и ракообразных. Охотящийся волчок надолго замирает на ветке или тростинке с опущенной вниз головой. Разглядев в воде добычу, делает молниеносный выпад головой и редко когда промахивается.

Один из спутников волчка — *дроздовидная камышевка*. Гнездится она в тех же местах, но, пожалуй, чаще на «опушках» тростникового «леса». Здесь в начале июня птички строят аккуратное гнездо-чашу, вплетая в его стенки несколько тростинок. Гнездо очень добротное, сплетено из размочаленных листьев и метелок тростника или из зеленых стеблей рогоза, располагается невысоко от воды. Пока самка занята строительством, откладкой четырех — шести яиц и их насиживанием, самец без устали распекает свою грубоватую песню, начисто лишенную мелодичности. Но отними эту песню у тростников, и многое потеряет степное озеро...

Камышевый дрозд — можно услышать и такое название, очевидно, из-за громкого голоса и крупных размеров (чуть меньше скворца), но это неверно, ничего общего с дроздами эта камышевка не имеет, являясь типичной славковой птицей. Окрашена она в скромные рыжеватохристо-бурые тона. Очень подвижна, без устали ловко лазает по тростниковым стеблям, разыскивая насекомых.

Дроздовидная камышевка широко распространена в Казахстане, были бы только тростник и вода. А вот ее ближайшая родственница — *туркестанская камышевка* живет лишь в южных районах республики. Места обитания ее те же, образ жизни и внешность очень схожи. В полевых условиях их легко спутать. Из отличий можно указать на несколько иную (более приятную) песню и

сильные лапы, что указывает на то, что туркестанская камышевка населяет мощные заросли — не «опушку», а глубинку тростникового «леса». Орнитологам было известно, что этот вид гнездится в долине Сырдарьи и в южных районах Западного Тянь-Шаня, но недавно он был найден на Сорбулаке. Помог нам в этом разобраться латвийский орнитолог Альгис Пукас, приезжавший сюда для сбора сравнительного материала по экологии камышевок Советского Союза.

Надо сказать, Сорбулак — чудо озеро, подарившее казахстанским орнитологам много новых открытий и фаунистических находок. Мы рассказывали в этой главе лишь о нескольких видах птиц, но это не говорит о том, что другие водно-болотные птицы менее интересны. О многих из них сказано в других главах этой книги. Бывают здесь и почетные гости — редкие и исчезающие птицы, представители Красной книги: фламинго, желтая цапля, коллица, черный аист, журавль-красавка, лебедь-кликун, стрепет, змеяд, скопа, орел-могильник, орлан-белохвост и другие, всего девятнадцать видов. Именно на Сорбулаке летом 1977 года в сеть-паутинку был пойман невиданный доселе куличок. С помощью определителя птиц удалось установить, что незнакомец — *острохвостый песочник*. Никогда и никто еще в Казахстане не встречал этого кулика, гнездящегося в междуречье Лены и Колымы и зимующего в Австралии и Тасмании, куда он долетает тихоокеанским побережьем Азии. С тех пор острохвостые песочники по одной — четыре особи стали почти ежегодно наблюдаться на Сорбулаке, а в 1981 году один был пойман на озере Сасыкколь в Талды-Курганской области.

В 1979 году список птиц нашей республики пополнился еще одним видом — *красношейкой*. Это тоже песочник, гнездится в тундрах Таймыра и Чукотки и также мигрирует вдоль берегов Тихого океана в Таиланд, Тасманию и Австралию. На следующий год красношейка был найден на озере Маркаколь, в заповеднике.

Почему же эти кулики ранее никогда не отмечались на территории Казахстана? Это загадка природы, хотя можно предположить появление нового пролетного пути в материковой части Азии.

Сорбулак — гостеприимное для птиц место. В августе 1982 года здесь был отловлен редкий гость — плосконосый плавунчик. До этого он только дважды наблюдался в Казахстане: на озере Алаколь и в Кургальджинском заповеднике. И вот новое местонахождение. А в 1985 году встреча с этим плавунчиком повторилась. В 1977 году Сорбулак порадовал орнитологов встречей с еще одним представителем куликов — короткоклювым зуйком, лишь однажды добытым в Казахстане — на северном берегу Аральского моря.

За десять лет стационарных работ на Сорбулаке нами было найдено кроме того еще более десятка видов, новых для этой полупустынной местности. Такие фаунистические открытия очень оживляют монотонную работу в поле; они всегда приятны и радостны. Конечно, открытия эти носят случайный характер — как повезет в экспедиции. Но каждый раз, собираясь в очередную поездку на природу, ознакомившись со списком птиц данной местности из литературных источников, думаешь, а чем порадует или удивит предстоящее поле, какую невиданную еще птицу встретишь в этом году. А «на лова и зверь бежит».

Искусственные озера, подобные Сорбулаку, будут появляться и впредь рядом с новыми городами. А это в условиях значительного сокращения естественных водоемов обогащает орнитофауну, приближает водно-болотных птиц к человеку. По сути Сорбулак — своеобразный необъявленный заказник, расположенный в непосредственной близости от столицы Казахстана. К сожалению, охрана его ведется не на должном уровне. С появлением в озере промысловых пород рыбы, особенно сазана и карпа, усилился антропогенный фактор (беспокойство птиц

со стороны человека). Осенью, а иногда и весной (!) на водоеме-накопителе гремят ружейные выстрелы браконьеров. Без зазрения совести эти хапуги поднимают руку и на жизнь беззащитных пернатых зимовщиков. Предательские выстрелы несут гибель и без того бедствующим птицам.

В итоге численность птиц на Сорбулаке уменьшилась и продолжает резко снижаться. Озеро облетают стороной журавли, коллицы, черноголовые хохотуны, раньше долго останавливающиеся на его берегах и островах. Практически перестали гнездиться кулики и утки. Уже несколько лет нет уникальной колонии ходулочников, некоторых колоний озерных чаек. Пытавшихся загнеститься в лесополосе цапель и грачей быстро разогнали рыбаки. Дальнейшее хищническое использование водоема в ближайшие годы может привести к самым нежелательным изменениям в его орнитофауне. Может быть, следует организовать на Сорбулаке республиканский орнитологический заказник, что позволит сберечь уникальные зимовки и массовые гнездовья водоплавающих птиц.

ГОЛУБЫЕ ЖЕМЧУЖИНЫ АЛТАЯ

- Чернозобая гагара ● Большой крохаль ● Огарь ● Связь
- Гоголь ● Черный аист
- Орлан-белохвост ● Скопа
- Перевозчик ● Зимородок
- Оляпка ● Горная трясогузка

Алтайская горная страна удивительно красива и неповторима по разнообразию и великолепию ландшафтов, растительности и обитающих животных. Расположенный на стыке нескольких зоогеографических участков, имеющий резко выраженную вертикальную поясность природных зон, Алтай вобрал в себя тундровые и пустынные виды животных, таежные и степные. Своеобразно птичье население на горных озерах, реках и болотах. На них гнездятся чернозобая гагара, большая и красношейная поганки, серый гусь, трескунок и свистунок, крякva, серая утка, широконоскa и шилохвость, связь, хохлатая чернеть, гоголь, горбоносый турпан, большой крохаль, серый журавль, огарь, лысуха, азиатский бекас, лесной и горный дупели, перевозчик, фифи, луговой лунь, зимородок, камышевая овсянка, горная и желтоголовая трясогузки, белобрюхая оляпка и многие другие. С горными озерами Алтай связаны черный аист, орлан-белохвост, скопа, кулик-черныш. В других районах Казахстана некоторые из этих видов не встречаются. В 1976 году в Южном Алтае был создан Маркакольский государственный заповедник. Свое-

образии животного мира и ландшафтов в верховьях рек Белой и Черной Убы требует незамедлительного создания здесь Западноалтайского заповедника.

...Нелегки и опасны горные тропы, ведущие к заветным озерам, речкам. По крутым склонам, с огромными рюкзаками на плечах все выше и выше поднимались мы, цепляясь за колючие кусты шиповника, торчащие валуны. Вот и перевал, а спуск всегда легче, тем более что внизу, в долине, показалось зеленовато-голубое озеро, обрамленное живописными ущельями с массивами вековых лесов и сбегаящими вниз каменными осыпями. Местами от самого берега простираются обширные песчаные пляжи и заливные луга. Маркаколь — заповедное озеро Южного Алтая. Его называют младшим братом Байкала, с которым алтайскую жемчужину роднит интересная особенность: в озеро впадает множество речек, но вытекает только одна — Кальджир. Высота местности около полутора тысяч метров над уровнем моря. В бинокль удалось разглядеть плавающих темных крупных птиц. Нам повезло, на этом озере обитали чернозобые гагары, крохали и огари, представилась редкая возможность понаблюдать за ними, поискать гнезда.

Чернозобая гадга относится к рыбоядным птицам, и сам факт ее пребывания на озере говорил о наличии в нем рыбы. Это крупная, размером с гуся птица, с обтекаемой формой тела, удлинённой шеей и головой. Великолепный пловец и водолаз, ныряет на глубину до семидесяти, а в длину до трехсот метров, находясь под водой более трех минут. Специализация к водному образу жизни выражена и в строении ног, они отнесены далеко назад, пальцы соединены сплошной плавательной перепонкой. Ходить, даже стоять на суше гагара не может, только с трудом переползает, отталкиваясь ногами. Длинные узкие крылья приспособлены для быстрого полета, но взлетать птице приходится только после длительного разбега

по воде. Силуэт гагары очень запоминающийся: длинное погруженное в воду тело, на прямой высокой шее узкая голова с длинным заостренным клювом.

В Казахстане чернозобые гагары обитают не только на Алтае, но и на равнинных водоемах Тобола, Наурзума, Иргиза, Тургая, Балхаше, Алаколе, озерах Кокчетавской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областей. Во время весеннего и осеннего пролета на западе республики встречается гораздо реже краснозобая гагара, несколько мельче по размерам, со слегка вздернутым вверх клювом. В брачный сезон гагары обнаруживаются по характерному стонущему крику «га-га-рра». Когда мы осматривали гнездо, в котором было одно крупное зеленовато-коричневое яйцо и один обсохший птенец пепельно-коричневого цвета, обе гагары близко подплывали и глухо каркали, периодически заныривали с шумом. Гнездо, устроенное на кромке прибрежной сляпины, представляло собой неглубокую ямку с бортиком из водорослей. Спуск из него вел прямо в воду.

Обсохших птенцов родители сразу уводят на открытую воду. Птенцы часто взбираются на их спины, где отдыхают, греются под перьями. Родители с ними плавают, даже корм подают им наверх. Первое время они добывают различных беспозвоночных, позднее переводят птенцов исключительно на рыбную диету: вначале мальков дают, а потом и крупных рыб. Свою добычу птицы преследуют под водой, хватают и крепко сдавливают мощным клювом, после чего проглатывают целиком. Отлетают гагары поздно, вплоть до ледостава, летят днем поодиночке и небольшими группами на небольшой высоте. Для человека эти птицы не играют особой роли. Охотники добывают их случайно на утиных перелетах, но мясо гагар не вкусно. Зато с научной точки зрения казахстанские гагары задали загадку: как оказались эти морские птицы, обитающие в основном вдоль побережья Северного Ледовитого океана, за тысячи километров, вместо привычной им

тундры па горных, степных и пустынных озерах? Зимовка гагар известна под Чимкентом и по Сырдарье, где задерживаются одиночные птицы. Тоже загадка, почему морские птицы не на море держатся.

Задумавшись над этими непростыми вопросами, ответы на которые непременно появятся если не в нынешнем, так в следующем тысячелетии, мы продолжали обшаривать гладь озера в бинокль. Вдали были видны крупные длинношеие утки, силуэтом напоминающие гагару, — *большие крохали*. У самца в брачном наряде туловище белое, спина, шея и голова черные, клюв узкий красный, усаженный по краям острыми роговыми зубчиками. В полете отчетливо видна белая окраска крыльев. У самки голова и шея рыжие. Как и гагары, крохали быстро плавают, глубоко погружаясь в воду, с опущенным вниз хвостом. ныряют на большое расстояние и глубину до сорока метров. Питаются также исключительно рыбой, добывая ее под водой, хватают клювом, а острые зубчики помогают удерживать скользкую добычу. Заглатывают рыбу с головы целиком, в том числе колючих ершей и окуней. Очень редко поедают лягушек, моллюсков, водных насекомых, даже водяных ужей. Известны редкие случаи, когда крохали заглатывали и давились чересчур крупной рыбой.

В Казахстане большой крохаль гнездится только на Алтае, озерах Джунгарского, Зайлийского и Таласского Алатау. Однако на пролете отмечается по всей территории республики, кроме пустынных районов. Весной появляется в феврале — марте, занимает рыбные озера и реки с чистой прозрачной водой; в мутной воде не порываешь. Крохали относятся к птицам-дуплогнездникам, но в горах они гнездятся в расщелинах скал, даже в кустах по берегам рек и озер. Гнездо обильно выстилается теплым пухом. Кладку из восьми — пятнадцати яиц насиживает только самка на протяжении месяца. Селезни к этому времени отлетают на линьку. Самка и утят водит в одиночку, первые семьдесят дней кормит их, до-

бывая мелких рыб и беспозвоночных. Интересно, что из высоко расположенных расщелин утята выпрыгивают, услышав призывный голос матери внизу, и не разбиваются, упав с высоты пяти — тридцати метров. Утята-пуховички очень легкие. На воде они часто взбираются и отдыхают на спине матери, реже выходят в безопасных местах на берег. Каждый выводок крохалей обитает на определенном участке реки или озера, но иногда соседние выводки объединяются, в них насчитывается до сорока утят. Подросшие утята спускаются вниз по речкам. Эти кочевки переходят после подъема на крыло в отлет. На юге республики большие крохали задерживаются до ноября, а отдельные птицы зимуют на полыньях Сырдарьи, под Алма-Атой, на Иртыше и Каспии.

Из рода крохалей в Казахстане встречаются еще два вида: *средний*, или *длинноносый*, и *луток*. Образ жизни их сходен. На горных озерах обычен только большой крохаль.

...Солнце приблизилось к зениту, когда мы подходили к крутолобой горе с большой лиственницей на вершине. У ее подножия мы надеялись отдохнуть и продолжить наблюдение за озером. С едва заметной тропинки с криком сорвался кулик-черныш, покачивая длинным хвостом, впереди бежала белая трясогузка. Но вот и лиственница...

На спокойной глади озера скользил эскорт белолобых лысух из двух десятков птиц и шесть больших поганок — чомг. Из уток мы заметили небольшие группы и одиночных шилохвостей, широконосок, чирков и свиязей. Наиболее обычными оказались *красноголовые нырки*, или *голубые чернеги*, названные так за голубовато-серую с мелкой поперечной рябью окраску верха и боков тела и крыльев. Голова и шея, как это следует из первого названия, красновато-коричневые, грудь блестяще черная. Держались они плотными табунками из десяти — двад-

цати особей. С громкими гнусавыми криками «анг, анг» налетела пара яркоокрашенных *огарей*.

Эту довольно крупную утку нередко называют красной, поскольку перо у нее рыжее, только крылья и хвост черные, да на крыле отчетливо выделяется белое зеркальце. Другое ее название — атайка — исходит из словесного выражения издаваемых птицей криков. Огарь и пеганка, населяющие соленые равнинные озера, относятся к группе земляных или норных уток. По размерам они крупнее кряквы, достигают полутора килограммов. В Казахстане огарь широко распространен, его мало только в северных степных и лесостепных районах. Селится у самых разнообразных по площади пресных и соленых водоемов, в том числе и горных. Гнездо устраивает обязательно в недоступных для хищников местах: старых норах лисиц, барсуков, корсаков, сурков, в провалившихся могилах, трещинах скал, иногда даже в сараях или дуплах деревьев.

Огари прилетают весной в начале марта — апреле парами и небольшими группами. Заняв будущий гнездовой водоем, они приступают к брачным играм. Токовой полет выглядит так: самец летает следом за самкой по кругу на большой высоте, громко кричат обе птицы. Селезень время от времени планирует вниз, производя крыльями свистящий звук. На земле он ходит вокруг самки, подергивая головой, она же шипит, вытягивает шею и голову в сторону мнимого или реального соперника. Выбранное для гнезда место самка тщательно и обильно выстилает теплым серо-белым пухом. В полной кладке девять — двенадцать яиц, которые около месяца насиживает одна самка. Все эти дни селезень находится по соседству с порой-гнездом, охраняет его. При появлении опасности он подает предупреждающий сигнал, и самка еще плотнее затаивается на гнезде или же своевременно вылетает из норы. Утят огари переводят на ближайший водоем, иногда путь занимает до пяти километров. Из

высокорасположенных гнезд утята выпрыгивают самостоятельно и остаются невредимыми. Родители очень привязаны к своим птенцам, трогательно заботятся и обогревают их. При приближении хищников они вылетают навстречу, с криками выются над ними, а болотных луней и серых ворон далеко прогоняют в сторону. Дружно-го патиска огарей не выдерживает даже такой сильный хищник, как орлан-белохвост.

Территориализм у огарей выражен необычайно сильно. Взрослые птицы нетерпимы к появлению на их территории посторонних птиц, нападают на них и прогоняют. А утята из чужих выводков в таких случаях присоединяются к семье хозяев озера. Такие объединенные выводки насчитывают до тридцати — пятидесяти утят. Уже в августе они приобретают способность к полету, соседние семьи объединяются в стаи. На зорях они вылетают кормиться на убранные поля пшеницы и проса, а днем отсиживаются на соленых озерах, лишенных растительности. В сентябре атайки начинают отлетать к местам зимовки, заканчивается пролет в конце ноября. В исключительных случаях они зимуют под Панфиловым, Чимкентом и в низовьях Чарына.

Огарь издавна почитался у кочевых народов Азии, немало легенд и преданий связано с красной уткой. В наши дни она безусловно заслуживает охраны.

Недолго над Маркаколем стояла тихая ясная погода. Мы и не заметили, как напоззли тяжелые тучи и подул сильный ветер. Сверкнула ослепительная молния, ударил гром и пошел крупный дождь, вскоре перешедший в град. Вначале он был размером со спичечную головку, затем увеличился до горошины. Вода в озере кипела, как в котле. Казалось, что поверхность ее, насколько хватало глаз, была покрыта миллионами, миллиардами крохотных блесток. Все утки разом куда-то исчезли. Мы тоже укрылись под нависшей скалой.

Но недолга майская гроза. Через пятнадцать минут

дождь и град прекратились, на западе выглянуло солнце, ветер заметно стих. Гроза ушла дальше. И сразу через всю восточную половину небосвода шагнула огромная радуга. Плотная синева неба прорезалась несколькими широкими солнечными лучами, идущими почти вертикально к земле — начало их было значительно выше солнца. Очевидно, это следствие преломления солнечных лучей.

Стали появляться утки и первыми на еще волнующуюся поверхность озера с приятным свистом «свиу» сели *связи*. Это одна из самых красивых наших уток, хотя в брачном наряде селезня вовсе нет кричащих ярких тонов. Голова и шея рыжеватые, на лбу вежливо-охристый кокетливый берет; низ тела белоснежный, но подхвостье густо-черное; зеркальца на крыльях изумрудно-зеленые, отороченные черными полосками. Наиболее красива верхняя часть тела: на беловатом фоне тончайшие темно-серые поперечные струйки. Размеры ее средние, масса не более килограмма. Служит объектом спортивной охоты.

Во время миграций и летней линьки связи встречаются почти по всем водоемам Казахстана, но гнездятся лишь в северной половине республики. Наиболее обычны они на озере Маркаколь и других озерах и реках Алтая, включая Иртыш. В меньшем числе живут в лесостепной зоне, севернее Петропавловска и Кустаная и по долине Урала. Связь предпочитает те водоемы, где на берегах имеются заросли кустарников. Любопытно, что до последнего времени ни одного гнезда связи в Казахстане не было найдено, все достоверные данные о ее гнездовании основывались на встречах нелетных птенцов. Лишь в 1969 году, в конце мая, один из авторов этой книги нашел и описал первое гнездо связи в... Центральном Казахстане, а точнее в пойме Нуры близ села Кургальджино. Факт гнездования северной утки далеко к югу очень интересен. Но в 1983 году выводок утят был

встречен еще южнее — в низовьях Тургая. Выходит, ареал связи постепенно расширяется на юг.

Гнездо, найденное на Нуре, располагалось у самого уреза воды под раскидистым кустом тальника. В неглубокую ямку на сырой почве, выстланную сухой травой и пухом, утка отложила семь желтовато-белых яиц. К сожалению, через несколько дней это, можно сказать, уникальное гнездо было кем-то разорено, возможно, бродячей собакой. Через несколько лет орнитолог Н. Н. Березовиков нашел и описал ряд гнезд связей на озере Маркаколь.

Известно, что селезни связей, как и многих других видов уток, покидают самок вскоре после того, как последние сядут на гнезда и собираются на местах линьки. Тем более удивительным кажется случай, описанный в орнитологической литературе: когда на выводок пуховых утят напал болотный лунь, то рядом с семейством оказался селезень и дал решительный отпор наглому хищнику.

Неподалеку от связей опустилась стайка *гоголей*. Птицы с таким странным названием — тоже утки. В Казахстане гнездятся в северных районах, главным образом на озере Маркаколь; зимуют на Каспии, Сырдарье, Или, Иртыше. Гоголь — нырковая утка, плотного телосложения, большеголовая, ее масса более килограмма. Утка буровато-серая с белым ошейником, селезень наряден, хотя в его оперении всего два цвета: черный и белый. Весьма кокетливо смотрятся круглые белые пятна на черных щеках. В полете хорошо заметны яркие белые зеркальца на черных крыльях. Но даже если гоголи летят, невидимые глазу, то все равно их не спутаешь ни с какой другой уткой — в воздухе стоит высокий звенящий звук от часто машущих крыльев.

Обязательным условием для гнездования гоголя является наличие леса на берегах водоемов со старыми дуплистыми деревьями — гоголь дуплогнездник. Этим

пользуются люди, вывешивают на деревьях или шестах дуплянки, которые охотно заселяются гоголями и крохальями. Остается только собирать часть яиц и употреблять сей диетический продукт в пищу. Мясо самих уток невкусное, отдающее рыбой. Помимо рыбы гоголи поедают различных водных беспозвоночных. Основной способ кормежки — ныряние.

Размножению предшествуют брачные игры гоголей, которые очень эффектны: селезень плавает вокруг самки, время от времени запрокидывая голову на спину и резко выкидывая ее вперед и вверх. При этом он издает дребезжащий свист, а вода вокруг него вскипает фонтаном брызг.

Насиживание пяти — девяти яиц длится ровно месяц. Обсохшие птенцы через сутки после вылупления смело прыгают на землю, порой с десятиметровой высоты. Поднявшиеся на крыло выводки объединяются в стаи. Часть их улетает на места зимовок, на юг или запад (Атлантическое побережье Европы), некоторые остаются встречать весну в Казахстане.

А теперь повернем от озера и углубимся в горный лес, опоясывающий заповедное озеро, пройдем в сторону Кальджира. Внизу лес пестрый: тополево-березово-осиновый, выше идут чистые лиственничники либо перемежку с пихтовником. С могучей лиственницы молча слетел *черный аист* и заскользил на распахнутых крыльях над вершинами деревьев вниз, к озеру.

Своей мрачной внешностью, контрастной окраской оперения *черный аист* сразу привлекает внимание каждого человека. Голова, шея и спина черные с медно-красным или зеленоватым отливом, нижняя сторона тела белая. Издалека бросается в глаза ярко-красная окраска клюва, ног и голого кольца вокруг глаз. Как и *белый аист*, *черный* его собрат летает с вытянутыми ногами и шейей, плавно, медленно и глубоко взмахивая широкими длинными крыльями. Нередко переходит в

парящий илет, кругами поднимается под облака. Очень молчаливая птица, только весной иногда негромко трещит клювом. Правда, молодые аистята в гнезде отнюдь не безголосые: проголодавшись, горланно кричат и щелкают клювом.

Черный аист чрезвычайно осторожен и близко к себе человека не подпускает. В Казахстане гнездится в горных лесах Алтай, Тянь-Шаня, Саура и Тарбагатай вблизи водоемов. На юге прилетает в конце февраля — начале марта, на Зайсане и Маркаколе — на месяц позже. Большинство обнаруженных гнезд было устроено на скалах в нишах, часто на высоте сто — двести метров, реже на деревьях.

В гнезде от двух до шести яиц, которые супруги насиживают поочередно более месяца. Внешне они не различаются и определить, кто на гнезде, не удается. Более двух месяцев растут аистята прежде, чем поднимутся в воздух. Первые дни с родителями кочуют в районе гнезда, затем отлетают. Осенний пролет растянут и длится с начала августа по середину октября. Примечательно, что в теплые зимы одиночные аисты зимуют в низовьях Чирчика и Келеса.

Как редкий вид черный аист внесен в Красные книги СССР и Казахской ССР. Численность его сокращается повсюду из-за обеднения кормовой базы вследствие химизации сельского хозяйства, браконьерства, беспокойства от туристов. Для его охраны необходимо создание зон покоя вокруг гнезд, сооружение искусственных гнезд на старых деревьях. В ФРГ практикуется современный метод охраны — сохранение в тайне гнездовий.

В вышине, описывая огромные круги, парил крупный орел. Общая его окраска была темно-бурая, но в глаза бросался чисто-белый хвост. Птицу мы узнали без труда — *орлан-белохвост*. Полет орлана обманчиво медлителен, на самом деле быстрый. Реже замечаешь белохвос-

та сидящим на скале, береговом обрыве или дереве: фигура сгорблена, выделяется огромный крючковатый клюв. Самка намного крупнее самца, масса достигает семи килограммов. Сидящие орланы иногда подают голос «квок, квок», а в полете резкое сильное «гек, гек». Селятся орланы по берегам рыбных водоемов: на озерах и реках Алтая, на Зайсане, Маркаколе, а также на равнине в долинах Сырдарьи, Урала, Или, на Алаколе. Рыба — основа питания этого хищника.

Орланы-белохвосты малообщительны, селятся отдельными парами на расстоянии одного — трех километров друг от друга. Только на отдыхе, почевке или в местах обилия корма, например на падали, собираются по пять — девять птиц одновременно. Весной прилетают в начале марта, только в мягкие зимы часть птиц остается на гнездовых местах. Прилетев, не теряют времени даром, сразу приступают к строительству нового или старого гнезда, прерывая его ненадолго воздушными брачными играми. Удивительно привязаны эти орлы к своему гнезду, десятки лет они возвращаются к нему, лишь подновляя и надстраивая. Многолетние гнезда достигают поэтому внушительных размеров, диаметром до двух метров и высоты более метра. В кладке чаще всего два яйца, которые насиживают оба партнера в течение месяца, но выживает, как правило, один птенец. Родители выкармливают его рыбой, грызунами. Маленького птенца заботливо оделяет кормом самка, отщипывая мелкие кусочки мяса. Для себя взрослые орланы добывают порой таких крупных животных, как зайцы, барсуки, молодые тюлени (на Каспии), ондатры, суслики, даже колючие ежи.

Разнообразят меню птицами: гусями, цаплями, различными утками, куликами, чайками. На падали во время кормежки орланы ведут себя сварливо, дерутся, наносят удары крыльями, лапами и клювом.

В массивных гнездах орланов, в многочисленных ще-

лях между прутьями и ветками охотно селятся и успешно выводят потомство домовые и полевые воробьи, находят защиту от своих врагов.

Как исчезающий вид орлан-белохвост внесен в Красные книги СССР и Казахстана, подлежит особой охране. К сожалению, немало этих могучих птиц погибает от рук браконьеров, в капканах ондатролов. Вырубка лесов на берегах водоемов также приводит к снижению их численности.

Солнце уже катилось к закату, когда над притихшей рекой мелькнула тень. Крупная хищная птица с темной спиной и белым брюхом летела вниз по течению. Вот она на мгновение зависла на месте, непрерывно трепеща крыльями, и вдруг, сложив их, камнем ринулась вниз. Выставленные вперед сильные лапы с острыми крючковатыми когтями врезались в воду, хищник натруженно замахал крыльями, оторвался от поверхности реки и полетел к берегу. В когтях серебром отливала довольно крупная рыба.

Это была *скопа* — очень редкая хищная птица из уникального семейства скопиных. Уникального потому, что оно представлено всего единственным видом на земном шаре (для сравнения — в семействе ястребиных более двухсот видов). Характерной особенностью скопы, приспособившейся к рыболовству, является устройство лапы: нижняя поверхность пальцев покрыта остроконечными бугорками-шипиками, помогающими удерживать скользкую добычу; этому же служит и внешний палец, выворачивающийся назад.

По прилету, в апреле пары скоп много и подолгу токуют днем, с громкими криками гоняются друг за другом в вышине безоблачного неба. Обычно молчаливые птицы в это время издают резкий звонкий крик «кай, кай». Вскоре они начинают строить гнездо или ремонтировать старое, подсовывая свежие ветки. Вследствие многолетнего использования некоторые гнезда достигают внуши-

тельных размеров — до полутора метров в диаметре и более метра толщиной. Гнезда располагаются на высоте четырех — пяти, иногда до пятнадцати метров от земли. Под тяжестью многолетней постройки в штормовые дни ломаются сухостойные вековые деревья; лишившись дома, орлы-рыболовы нередко покидают территорию.

В кладке два — три красновато-бурых яйца. Их насиживание начинается с откладки первого и длится небольшим более месяца. В этом нелегком деле самке помогает заботливый супруг. А как появятся птенцы, оба родителя усердно заняты рыбной ловлей — далеко не каждый бросок в воду добычлив. Известны случаи, когда скопа хватала чересчур крупную рыбину, не могла вытащить из нее когти и та утаскивала хищника в воду, топила. При нехватке рыбы скопа переходит на ловлю грызунов, лягушек, и даже уток, особенно весной, когда последние льдины исчезают под лучами солнца.

В конце сентября пасмурным туманным утром мы наблюдали, как молодая скопа предприняла три атаки на скопление лысух из нескольких десятков птиц. Хищник набирал высоту до тридцати метров и пикировал на лысух, но, не долетев до них метров пять, круто взмывал вверх и снова шел в атаку. Лысухи пугались не на шутку, сбивались в кучу и хлопали крыльями по воде, поднимая водяную завесу. Видимо, скопа просто резвилась, но не исключено, что таким образом она выявляла — нет ли среди лысух больных или раненых особей.

Как у большинства хищных птиц, птенцы скопы выводятся неодновременно, в последующем это сказывается на их развитии: старшие заметно крупнее младших. Маленьких птенцов кормит самка, отрывая мелкие кусочки от рыб, принесенных самцом. Подростки скопы самостоятельно разрывают добычу.

Семья скоп сохраняется до отлета на зимовку, молодые обучаются приемам и навыкам рыболовства. Промышляя рыбкой, птицы не спеша, поодиночке медленно

кочуют с водоема на водоем до конца сентября — начала октября. Зимуют в Африке и Южной Азии.

Скопа, как птица, исчезнувшая из большинства мест своего бывшего распространения, занесена в Красные книги СССР и Казахстана. Не гнездится она теперь в западных и северных районах республики, в поймах рек Или и Сырдарьи. В небольшом числе осталась на озере Маркаколь, в долинах рек Урал и Черный Иртыш.

Что же послужило причиной исчезновения скопы в ряде районов нашей республики? Главным образом — ее уничтожение в период кампании борьбы с хищными птицами в 50-х — начале 60-х годов, вырубка прибрежных лесов, отравление водоемов пестицидами, а также оскудение рыбных запасов в большинстве мест ее ареала.

У реки мы постоянно спугивали звонкоголосых *перевозчиков*. Свое название куличок получил за своеобразное поведение: потревоженный, он с писком перелетает с берега на берег, летит низко над водой, подрагивая мелко крыльями. Внешне же выглядит буднично: спина буровато-серая, брюхо чисто-белое, на шее и зобу мелкие бурые пятна. В полете на крыле выделяются белые поперечные полосы. Размер птички — чуть больше воробья, что и говорить, невелик. Перевозчик может хорошо плавать. Живет он поодиночке, только на время размножения образует пару, причем соседние семьи селятся далеко друг от друга.

Из всех куликов этот наиболее свойственен горным озерам Алтая, где многочислен по рекам, стекающим с хребтов на равнину. Кроме того, он найден гнездящимся на Урале и Иртыше. Для постройки гнезд перевозчик предпочитает песчаные и галечниковые берега рек и озер с травянистой растительностью. В Усть-Каменогорске известны случаи гнездования на окраине города, в одном метре от пешеходной тропы, и на даче — прямо на клубничной грядке.

На юге Казахстана первые кулики появляются в кон-

це марта, а на Алтае — только в конце апреля — начале мая. Сказывается суровый горный климат. Пары образуются еще на пролете. Но на гнездовом участке самец продолжает активно ухаживать за подругой, бегаёт вокруг нее с распушенными крыльями, издавая бесконечные трели, или летит следом над самой водой. Весной голоса перевозчиков не умолкают с раннего утра до темноты. Самка устраивает гнездо скрытно, роет ямку среди травы, выстилает сухими листьями и травой. Полная кладка из четырех пятнистых зеленовато-бурых яиц. Насиживают перевозчики очень старательно, плотно, только при опасности оставляют гнездо, отбегают скрытно в сторону и начинают «отводить» врага от кладки. Через двадцать дней появляются птенцы, родители уводят их к воде, прячут в густой траве. В возрасте около месяца молодые перевозчики могут летать, после чего выводки спускаются вниз по течению рек, продвигаясь к югу. К концу сентября пролет их заканчивается. Как большая редкость, отмечены зимующие перевозчики на горных ручьях под Чимкентом.

Яркой голубой молнией низко над порожистым потоком пролетел *зимородок*. Сел впереди над тихим омутом, на мерно покачивающуюся ветку и замер, нацелившись длинным носом в прозрачную воду. Завораживает дивная красота этой райской птички. С сине-голубым верхом тела резко контрастируют красновато-коричневые грудь и брюшко, белое горло. Это опытный рыболов, времени зря не теряет — вот и сейчас не успел сесть на ветку, а уже вниз, на воду смотрит, рыбку поджидает. Заметил — бухнулся вниз головой, подняв брызги и скрывшись на мгновение полностью под водой, и вот он уже опять на той же ветке, а в клюве блестит маленький пескарик. Зимородок быстро перебрал его в клюве, разворачивая головой к себе, дернул шеей и проглотил.

Жизнь зимородка связана с водоемами восточных и юго-восточных районов Казахстана, где есть береговые

обрывы, в которых он крепким клювом и слабыми лапками роет длинные, до двух с половиной метров, норы. Нора заканчивается гнездовой камерой, куда прямо на голый пол самка в июне откладывает шесть — семь белых яиц. К моменту появления птенцов пол в гнездовой камере устлан рыбьими косточками из погадок, об которые, однако, голопузые не колются. А через месяц они и сами становятся рыбаками.

Зимородок интересен своим поведением. Рыбачить он может не только с ветки, но и прямо с воздуха: во время полета над рекой вдруг резко останавливается, быстро трепеща короткими крылышками, заметив добычу, складывает их и ныряет в воду. Если промах, то пролетит немного и опять зависает на месте... Норы роет, прицепившись к шероховатостям обрыва, как дятел к коре дерева. Предварительно клювом прозондирует несколько участков обрыва, выбирая глину помягче. Растущих птенцов родители кормят часто — аппетит у них отменный. Пробираясь по норе к гнездовой камере и обратно зимородок, естественно, пачкает свое изумительное оперение. И чтобы «платье» всегда было опрятным, он, вылетев наружу, окунается всякий раз в воду. Что ни говори, занятая птичка — зимородок. Однажды летом на Сорбулаке он удивил орнитологов своим необычным поведением.

В паутистую сеть повторно за жаркий августовский день попался зимородок. Он был уже с кольцом на лапке, и мы тут же, выпутав его из сети, выпустили на волю. Но пленник, очевидно, не успел еще восстановить свои силы после первой поимки, сильно ослаб — не долетев метров двадцати до берега, шлепнулся в воду. Несколько секунд он лежал, бессильно распластавшись по поверхности воды. Отвлекаясь выпутыванием куличков, мы вдруг услышали слабые ритмичные шлепки по воде. Зимородок, высунувшись из воды более чем наполовину, встав вертикально с плотно прижатыми к телу

крыльями (как солдатик) и, задрав вверх клюв, резкими толчками быстро продвигался к берегу. Он делал подряд по десяти рывков, затем ложился на воду и отдыхал несколько секунд. После чего поднимался во весь рост и опять совершал эти странные, всем корпусом, прыжки по направлению к берегу. Когда до него оставалось около пяти метров, зимородком не меньше нас заинтересовались два ходулочника. Они громко, выражая изумление, кричали и, вытянув шеи, подходили к странной, доселе невиданной, «прыгающей» птичке почти вплотную. Так и сопроводили зимородка до берега. Через пару минут он достиг тростниковой поросли, выбрался из воды, и мы потеряли его из вида.

За поворотом реки послышалась звонкая мелодичная песня. Делаем еще несколько осторожных шагов и на валуне посреди грохочущего потока видим белобрюхую *оляпку*. Во время пения она привстает на ногах, выпускает веером хвост, потряхивает крыльями. Прервав песню, оляпка бесстрашно ныряет в воду, а через минуту появляется на том же камне с червячком в клюве. Оляпкой можно любоваться, не замечая бега времени. Немного этих чудесных птичек в наших горах, но без них трудно представить горные речки. Бодрая песня никогда не унывающих оляпок слышится и зимой — с середины февраля, несмотря на мороз, лед и снег.

Оляпки — непревзойденные водолазы-пешеходы. В Казахстане их два вида — *обыкновенная* и *бурая*. Первая обитает по рекам Алтая и Тянь-Шаня, вторая только в Тянь-Шане. Между собой различаются деталями окраски: у обыкновенной оляпки горло, грудь и брюхо белые, спина темно-серая, а у бурой — все тело темное. По размерам оляпки не крупнее дрозда, но более плотного телосложения, имеют коротенький хвост, укороченные крылья, длинные сильные ноги. В отличие от многих птиц, скелет оляпки мало пневматизирован, поэтому ее удельный вес довольно высокий. Как приспособление к

подводным прогулкам, следует упомянуть также плотное густое оперение, обильное его смазывание жироподобным секретом копчиковой железы, хорошо развитый пух по всему телу. Оляпка быстро бегаёт, даже по скользким от воды камням, а вот летает неважно, тяжело и только на короткие расстояния. Зато прекрасно плавает и ныряет, ходит под водой по дну ручьев и рек, работая ногами и крыльями.

Оляпка ведет оседлый образ жизни. Осенью и зимой в горах она совершает вертикальные кочевки на небольшие расстояния в поисках незамерзающих водоемов. Живет обычно на нешироких, стремительно грохочущих на водопадах и перекатах горных речках с каменистым дном и чистой прозрачной водой. В горы забирается до высоты полутора — двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, а во время кочевки и выше, до ледников. Это малообщительная птичка, ведет одиночный образ жизни, пары образует только на время гнездования. Семья занимает большой участок реки (до километра) и изгоняет с него всех прочих оляпок. Гнездо располагается в расщелинах скал, береговых нишах, гудах камней, иногда под водопадом на камнях, редко — на опорах мостов. Оно сооружается из зеленых мхов и трав, выстилается корешками и листьями и напоминает футбольный мяч. Небольшое входное отверстие всегда проделывается сбоку. В условиях высокой влажности стенки гнезда постоянно сырые, но на здоровье птенцов это не отражается. Кладку из пяти — семи яиц насиживает только самка в течение пятнадцати — семнадцати суток, самец приносит ей корм. Птенцов выкармливают оба родителя, без усталости носят им жуков, муравьев, ручейников и прочую живность, что в воде выловят. Изредка ловят мелких рыбок, таскают моллюсков, рачков и червей. Если от хищников гнезда оляпок хорошо защищены бурным потоком воды, то против самой воды они беззащитны: при паводках во время ливней или бурного тая-

ния ледников много гнезд погибает. И птицы вынуждены приступать к повторному размножению: опять строят гнездо, выводят птенцов. Отдельные пары успевают вывести за короткое горное лето по два выводка. Врагов у оляпки хватает, официальный список их насчитывает семь видов млекопитающих, четыре вида птиц, три вида рыб, поэтому немало плохо летающих птенцов-слетков гибнет.

Горная трясогузка тоже связала свою судьбу с водоемами в горах, пожалуй, одна среди прочих трясогузок: белых, желтых, желтолобых, желтоголовых, черноголовых. Однако все трясогузки тяготеют к водоемам, но больше на равнине. Самца горной трясогузки определяют в поле по ярко-желтому брюшку, черному пятну на горле, очень длинному хвосту с белыми крайними рулевыми перьями. Полет, как и у всех трясогузок, волнообразный, на земле передвигается быстрыми бросками — пробежками, внезапно останавливаясь на месте и характерно покачивая хвостом («трясет гузкой»). Звонкая песня самца «чи-зит, чи-зит» слышна даже в шуме горной речки.

На юге республики птички появляются в середине апреля, на севере — в конце мая, не спешат, в отличие от белой трясогузки, «хвостом лед разбивающей». Прилетевшие птицы занимают гнездовые территории по берегам рек, озер; соседние пары селятся в нескольких сотнях метров друг от друга. Заняв участок, самец приступает к ухаживанию за самкой: мелко семенит вокруг нее, распустив веером хвост и трепеща полураспущенными крыльями, или усядется на торчащий среди потока камень и громко поет.

Гнезда горные трясогузки помещают в хорошо укрытых углублениях берега, в камнях. Близ села Черемшанка мы нашли гнездо в стенке брошенного колодца. Для строительства птицы используют сухие листья, стебли трав, выстилают шерстью и волосом. Так прочнее и теп-

лее в гнезде. Строительство длится около недели. Кладку из трех — пяти яиц насиживают оба партнера поочередно, но во время дежурства самки самец не только сам кормится, но носит и ей корм. Он ловко охотится за различными беспозвоночными, хватая их в прыжке или на лету с мокрых кампей, догоняет в воздухе, подбирает вдоль уреза воды. Птенцы растут быстро, за двенадцать — тринадцать дней достигают размеров взрослой птицы и еще куцехвостыми покидают гнездо. Родители еще несколько дней держатся с ними, подкармливают. Затем приступают ко второму гнездованию. Отлетают горные трясогузки с конца июля, в сентябре их уже нет. Во время пролета крупных стай не образуют, чаще летят поодиночке, реже небольшими группами, чем также отличаются от других видов трясогузок.

Удивительно своеобразна и неповторима фауна птиц горных алтайских водоемов. Наш короткий рассказ лишь о немногих из них — тех, что чаще всего попадают на глаза, тех, для кого «лучше гор могут быть только горы». Пусть во время миграций или зимовок им приходится покидать родное высокогорье, пусть другие популяции селятся в более мягких условиях равнинных водоемов, все равно для горных птиц милее свои каменистые шумные реки, прозрачные озера. А нам остается взвалить опять рюкзак на натруженные плечи и продолжить свой маршрут в мир воднолюбивых птиц.

ГОРДОСТЬ АЛАКОЛЯ

- Реликтовая чайка ● Чеграва
- Чайконосная крачка ● Луговая тиркушка ● Колпица
- Кукушка ● Широкохвостка

До 1970 года озеро Алаколь, что лежит на крайнем юго-востоке Казахстана, в Талды-Курганской области, ничем не привлекало к себе внимания. Озеро, как озеро. Солёное, большое — в длину более ста километров, в ширину пятьдесят два. Но таких в Казахстане много, есть и по-крупнее. Взять хотя бы озеро Тенгиз, известное уникальной колонией розовых фламинго — самой северной в мире.

На Алаколе гнездится немало птиц. На его островах размещаются «птичьи базары» больших бакланов, куликов, крачек: чегравы, чайконосой и речной. И крупных чаек — серебристой и черноголового хохотуна. В 1968 году на гнездовье там была обнаружена еще одна чайка, не похожая на других, известных нам. На следующий год орнитологи — сотрудники Института зоологии Академии наук Казахской ССР предприняли на озеро специальную экспедицию, надо было выяснить, что это за чайка. А с 1970 года, когда алма-атинский орнитолог Э. М. Ауэзов опубликовал в научном журнале ее описание, озеро Алаколь стало знаменитым, о нем заговорили

во всем мире. И было от чего: необычная чайка оказалась реликтовой! Фауна птиц Советского Союза пополнилась новым видом.

«Новое — хорошо забытое старое». Оказывается, впервые *реликтовая чайка* была добыта шведскими учеными на южной окраине пустыни Гоби в 1929 году. Правда, она была определена неверно, как подвид известной науке черноголовой чайки. Тогда же и было таинственной птице Э. Леннбергом присвоено название — реликтовая. Спустя годы американский орнитолог Чарлз Вори, осмотревший гобийский экземпляр в Стокгольмском музее естественной истории, пришел к выводу, что это гибрид черноголового хохотуна и буроголовой чайки. Советский орнитолог Г. П. Дементьев вообще посчитал ее за буроголовую чайку.

Сорок лет ни в одной стране мира ни одна из многочисленных экспедиций не видела подобную чайку. О находке шведских ученых забыли. И вот в 1968 году озеро Алаколь преподнесло сюрприз. Надо сказать, в тот памятный год Эрнар Ауэзов думал, что кольцует птенцов озерных чаек. Но уже осенью, закончив полевые работы, он усомнился в правильности определения. Была проведена кропотливая работа, в ходе которой казахстанскими орнитологами с помощью видных советских систематиков была доказана видовая самостоятельность реликтовой чайки.

Почти одновременно в Забайкалье, на озерах Зун-Торей и Барун-Торей, сибирские орнитологи обнаружили еще две колонии реликтовых чаек. В результате многолетнего изучения этих и алакольской колоний стало кое-что известно об образе жизни загадочных птиц — древнейших представителей мира пернатых, существующих уже более двадцати миллионов лет.

Реликтовая чайка представляет собой как бы уменьшенную копию черноголового хохотуна. Это эффектная птица: спина и плечевые перья сизые, надхвостье, шея

и низ тела белые, голова черная с белой подковой у глаз, клюв и ноги красные. У молодых птиц-сеголеток голова белая. На Алаколь чайки прилетают в апреле. Зимуют они в Юго-Восточной Азии, в частности, в Северном Вьетнаме, где была встречена птица с нашим кольцом. Летят на родину через Джунгарские ворота — узкий проход между Джунгарским Алатау и хребтом Барлык. Работая там, на озере Джаланашколь, мы в течение всего апреля наблюдали одиночек, пары и небольшие группы реликтовых чаек, пролетающих в северном направлении. Джунгарские ворота — край ураганных десяти — двенадцатибалльных ветров, получивших даже собственные названия: Сайкан и Евгей. Легким птицам приходится с трудом преодолевать встречный ветер, прижимающий их к земле, порой отбрасывающий на десятки метров назад. По птицы летят и летят.

В начале мая чайки уже занимают подходящие для колонии участки, на которых проходят брачные игры, строят гнезда. Колония формируется быстро, за пять — семь дней. На Алаколе известны два места, где уже почти двадцать лет гнездятся реликтовые чайки: остров Средний и безымянные островки в урочище Чубар-Тюбек.

Численность колонии подвержена очень сильным колебаниям, в разные годы на Алаколе гнездится от пятнадцати до тысячи двухсот пар. Плотность гнездования в колонии очень высокая, расстояние между гнездами всего тридцать — пятьдесят сантиметров. Главным критерием выбора места для гнездования реликтовыми чайками является его защищенность от врагов. Алакольские острова вполне удовлетворяют этому требованию. от берегов удалены, ни один хищный зверь сюда не доплывет; ближайшие соседи — черноголовые хохотуны, чегравы и чайконосые крачки могут постоять за себя, а значит, и за реликтовых чаек. Наибольшую опасность представляет человек, при беспокойстве с его стороны

чайки впадают в панику, расклеывают свои яйца и бросают гнезда.

В строительстве гнезда, насиживании яиц и вожделении птенцов участвуют как самка, так и самец. Семейные обязанности делятся поровну, хотя, конечно, на долю самки всегда выпадает их чуточку больше. Для гнезда чайки выкапывают неглубокую ямку, работают «не покладая лап и клюва» один — два дня. Ямку выстилают сухими веточками солянок и полыни, кусочками стеблей и листьев тростника. Стройматериал ценится на вес золота, за ним летать приходится на материк. Позднее, уже когда идет насиживание трех пятнистых яиц (величина кладки колеблется от одного до четырех яиц), в выстилку лотка добавляются перья чаек.

Через двадцать четыре — двадцать шесть дней под наседкой зашевелится первый птенец — белый пуховый шарик на тонких ножках с черным шильцем-клювиком. Затем, с интервалом в сутки, появляются остальные его братья и сестры — именно так происходит кладка яиц. С неделю пуховички держатся в гнезде и рядом с родителями, а затем собираются в плотные табунки, охраняемые несколькими взрослыми птицами. Под охраной сторожей птенцы растут, ведь родители целый день заняты промыслом. Кормят чайчат насекомыми: жуками, стрекозами, кузнечиками, мухами, но главным образом комарами-звонцами, которых летом бесчисленное множество на островах и берегах Алаколя. От громадных скоплений роящихся насекомых звенит воздух, издали они похожи на столбы пыли или дыма. Сами же взрослые чайки помимо насекомых поедают рыбу, ящериц, птенцов, мелких грызунов, зерна ячменя.

К воде подростки, уже почти оперившиеся птенцы впервые идут в месячном возрасте. Лишь тогда они познают вкус соленой воды, ведь до этого необходимую влагу они получали из корма. Научившись плавать в возрасте полутора месяцев, чайчата пробуют крылья. И

вот под окрепшим крылом проносится родной остров, потоки восходящего воздуха поднимают молодую птицу все выше и выше, неудержимо вдаль... Уже в августе реликтовые птицы покидают Алаколь.

Реликтовая чайка гнездится всегда только по соседству с более сильными и смелыми, если не сказать «нахальными», колониальными птицами, в первую очередь с чегравами и чайконосыми крачками. При приближении к острову лодки чегравы встречают ее первыми, вылетая заранее — за километр и более от колонии. А какой шум поднимают они, когда люди вступают в их владения. Крик у них громкий, резкий и очень неприятный: «гррак». Услышав его впервые, мы сразу поняли, почему эту, самую крупную крачку назвали чегравой. Птицы кружились над нами и трескуче кричали: «гррак-гррава-чегррава». В колонии сотни чеграв, не думая о личной безопасности, летают над самой головой, то и дело некоторые птицы с большой скоростью пикируют сверху, норовя ударить крылом или клювом. С непокрытой головой опасно посещать колонию чеграв.

Чеграва — крупная (массой до семисот граммов) красивая птица. Нижняя сторона тела у нее сливочно-белая, спина голубоватая, на голове черная шапочка с небольшим хохолком на затылке. Клюв прямой ярко-красного цвета, хвост вырезан вилочкой, серебристые крылья длинные и узкие. В полете это виртуоз, но по земле ходит плохо, вразвалочку — из-за коротких слабых ног. Чеграва — долгожитель, известны случаи добычи птиц через пятнадцать лет после кольцевания. Вот почему молодые крачки начинают размножаться лишь на пятом — шестом году жизни.

Чеграва интересна тем, что обитает преимущественно на морских и океанических побережьях и островах земного шара, а внутри материка гнездится только в Казахстане, Средней Азии, Монголии и... Северной Америке. В своих шумных колониях птицы поселяются так плот-

но, что насекомки задевают друг друга крыльями. Гнезда крачек примитивнее, чем у чаек, — неглубокие ямки в песке или глине, часто совсем без выстилки. В кладке одно — три яйца, окраска которых сильно варьирует даже в одном гнезде. Основной фон от светлого охристо-беловатого до темного — коричневатого, по которому рассыпаны серые, бурые или черные поверхностные пятна. Встречаются даже голубые яйца без пятен. Сильно варьирует и окраска пуховых птенцов — от чисто-белых до темно-бурых. Очевидно, какого цвета яйцо, такой и птенец из него вылупляется.

Сроки размножения на Алаколе, как и в других местах Казахстана, сильно растянуты. На одном из островов 4 июля 1981 года мы кольцевали наполовину оперенных птенцов, а 10 августа на другом острове в гнездах застали еще кладки яиц и вылупление птенцов. В то же время здесь вместе со взрослыми птицами летали молодые, недавно вставшие на крыло.

В насиживании, продолжающемся три недели, участвуют оба родителя. Птенцы выкармливаются рыбой. Колонию чеграв узнать можно издали по разлагающимся остаткам рыбы, разбросанным повсюду — в гнездах и между ними. Чегравы — первоклассные рыбаки. Ловят рыбу, как и прочие крачки, бросаясь с высоты в воду и выхватывая ее клювом.

Несмотря на то, что чегравы гнездятся большими колониями, во время кочевок и сезонных миграций они держатся поодиночке или небольшими группами. В сентябре эти крачки улетают на юг. Алакольские чегравы, по данным кольцевания, зимуют в Индии, Ираке, Южном Вьетнаме и Кампучии.

Ближайшая спутница чегравы — *чайконосная крачка* — очень на нее похожа окраской и формой тела, но по массе раза в три меньше. Клюв черный, за что эту крачку еще называют черноносой. Сильно отличается и голосом, он у нее не резкий, но довольно приятный, звучит

как «ке-век, ке-век». Есть и еще одна особенность чайконосой крачки. Рыба для нее является скорее случайной пищей. Кормится эта крачка далеко от воды, в степи или пустыне, добывая с лета или пешком саранчовых, сверчков, жуков, стрекоз, дождевых червей, мелких грызунов и очень часто ящериц. Во время охоты к клюву птицы нередко прилипает глина, тогда его вершина становится белесой, что делает чайконосую крачку похожей на пестроносую. Но последняя живет только на Каспии, тогда как чайконосая крачка широко распространена на соленых и пресных водоемах Казахстана.

С середины мая до августа в степи, порой за десятки километров от воды, встречаются летающие чайконосые крачки, в клювах которых зажата ящерица или крупное насекомое. Это самцы. Весной они несут добычу в дар самкам — это главный элемент брачных игр. Передача угощения сопровождается приседаниями, торжественными поклонами обеих птиц. Подобное ухаживание свойственно и другим крачкам. Однажды видели, как самец речной крачки предлагал подруге маленькую рыбку, но она капризничала, долго не брала подношение. Рыбка тем временем, усыхая, потускнела. Заметив это, самец быстро окунул ее в воду, и рыбка снова заблестела чешуей, как свежая.

Игры, предшествующие строительству гнезда, окончены. Уже вырыты неглубокие ямки в почве, отложены одно — три яйца, началось их насиживание. Теперь крачки, возвращаясь с охоты, несут добычу партнерам, сидящим на гнездах. Позднее оба родителя без усталости выкармливают потомство, совершают челночные рейсы в степь и обратно.

Гнезда чайконосых крачек совершенно не выражены, в них часто отсутствует даже элементарная выстилка. Мы заметили, что перед тем, как рыть ямку для гнезда, предприимчивые крачки смачивают землю водой, пришепченной в клюве. Встречаются увеличенные кладки из

четырёх — пяти яиц. Скорее всего, это «дело рук» двух самок. Гнезда в колонии настолько скучены, что поди разберись, где твое, а где — соседки. Известна кладка из семнадцати яиц (!), найденная в Приаральских Каракумах орнитологом Е. П. Спангенбергом. Удивительное гнездо насиживалось попеременно несколькими птицами. Увеличенные кладки встречаются и у куликов — ходулочников и шилоклювок. Чем скученнее колония, тем больше вероятности появления в ней двойных — тройных кладок.

Насиживание в гнездах чайконосых крачек продолжается немногим более трех недель. Пуховые птенцы долго держатся у гнезда, при малейшей опасности прячутся под кустиками трав. Чайконосые крачки сообщают умеют постоять за себя, ни один пернатый разбойник, будь то ворона или болотный лунь, не проникнет в колонию. Иное дело ночью. Как-то незадолго перед рассветом мы услышали переполох в колонии, отчаянно кричали крачки и ходулочники. Раза два отчетливо донеслось уханье филина. А утром мы засвидетельствовали последствия его ночного разбоя: в гнездах и между ними лежало множество разбитых и расклеванных крачками яиц. Человека, проникшего в колонию, крачки непрерывно атакуют, пикируют сверху и бомбардируют с большой точностью пометом.

Сроки размножения сильно растянуты даже в одной колонии, чему есть объяснение. Центральную часть колонии первыми занимают старые крачки, образуя ее ядро. Молодые и прилетевшие с опозданием птицы поселяются по краям колонии. Разница в сроках откладки яиц и, соответственно, вылупления птенцов в центральной и периферийных частях колонии составляет не менее недели, а в отдельных гнездах и того более. Так, посетив одну из таких колоний восьмого июня, мы в ее центре смогли окольцевать около двухсот пуховичков, во многих гнездах шло вылупление птенцов. В то же вре-

мя по краям колонии находились только полные кладки разной степени насиженности.

Говоря о колониальных птицах Алаколя, нельзя не упомянуть еще об одном интересном представителе пернатых — *луговой тиркушке*. В Казахстане два вида тиркушек: в северной половине республики гнездится степная, а по югу и юго-востоку — луговая. Это кулики, хотя очень своеобразные. Некоторые систематики не признают их за куликов. Размером тиркушка с дрозда, у нее короткие ноги и клюв, крылья длинные, серповидные, хвост вильчатый, как у ласточки. Окрашена она в скромные серовато-буроватые тона. От глаза к глазу через горло проходит узкое черное ожерелье. Подмышечные перья ярко-рыжие (у сходно окрашенной степной тиркушки они черные). В полете тиркушка удивительно напоминает крупную ласточку. У нее и клюв имеет большой разрез — для схватывания насекомых в воздухе. Кормится как днем, так и в вечерних сумерках до полной темноты, а в полнолуние и ночью. Часто охотится низко над водой, быстро меняя направление, выписывая немислимые пируэты. У пойманных поздним вечером птиц зобы всегда туго набиты комарами и мокрецами. Так что тиркушек мы всегда считаем своими друзьями. Кормятся они и другим способом, собирая на земле кузнечиков и жуков, чаще в ненастье.

После нескольких дней изнуряющего юго-восточного ветра наступила почти штилевая погода. Стояла середина мая и уже было знойно. В палатках душно и жарко вдвойне. Гнус озверел от голода, полчищами набрасывается на нас. За ветреные дни проголодались и луговые тиркушки. Теперь они наверстывают упущенное, носятся в воздухе в разных направлениях, перекликаясь между собой: «кирлик, кирлик». Во второй половине дня с запада пришли белые перистые облака. Не зря их так называли: вытянувшиеся на полнеба, они действительно очень напоминали изящные рассученные перья птиц,

точнее их пуховидные перья. К вечеру облака стали сливаться и от их красоты ничего не осталось, форма потерялась. Закат был очень красив — отблески на полнеба от красного солнца: облака всех оттенков, от бледно-желтых до темно-красных.

У берега, рядом с нашими палатками, кормилась пара луговых тиркушек. Временами они прерывали поиск насекомых и одновременно ритмично и мягко подергивали головками вверх-вниз. Затем бежали навстречу друг другу и, сблизившись, поднимали вверх крылья и кланялись. Сопровождался этот брачный ритуал певчим воркованием.

В низовьях реки Тургай, на озере Кызылколь, мы обнаружили совместное гнездование луговых и степных тиркушек. Так далеко к северу луговую тиркушку еще не находили. Не исключено, что происходит расширение гнездового ареала вида. На одном из небольших островков в смешанной гнездовой колонии куликов и малых крачек в третьей декаде мая мы нашли около двадцати гнезд обоих видов тиркушек. В них было от одного до четырех овальных яиц (у всех прочих куликов яйца грушевидной формы). Откладка яиц в этой колонии еще не закончилась, обычно у тиркушек три — четыре яйца. Почти все гнезда были на одно лицо: округлая ямка в почве, выложенная небольшим количеством мелких веточек полыни или солянок и кусочками конского навоза. Характерная черта биологии тиркушек: рядом с гнездом обязательное присутствие кусков конского или коровьего навоза. По некоторым гнездам было хорошо видно, что птицы рыли их еще по грязи — вокруг бортика засох толстый валик глинистой почвы.

В Алакольской впадине помимо Алаколя и Джаланшколя находятся также озера Уялы и Сасыкколь. На сильно заросшем тростниками озере Сасыкколь довелось нам поработать в один из летне-осенних сезонов. Здесь гнездится большое количество речных и пырковых уток,

лебедей, лысух и других пастушковых птиц, бакланов, пеликанов, различных цапель и колпиц. Шел пролет, и в тростниковых зарослях стоял шорох от множества мелких дендрофильных птиц: камышевок, пеночек, славок усаток, овсянок. По вечерам на почевку здесь собирались многотысячные скопления скворцов, ласточек и трясогузок.

Удивительные порой бывают встречи в природе. А вот случай, произошедший с нами на берегу Сасыкколя, был просто невероятным. Чтобы колпица сама шла в руки людей! Впрочем, все по порядку.

Закончив утреннее кольцевание, мы отдыхали в машине перед обратной дорогой к нашему лагерю. В это время со стороны тростникового массива показалась летящая крупная белая птица. Через несколько секунд колпица уже расхаживала по берегу, всего в каких-нибудь тридцати метрах от машины. Удивило, что осторожная и редкая птица села так близко от людей.

Первое время мы, стараясь не делать резких движений, по очереди рассматривали колпицу в бинокль. Но странная птица и не думала улетать. Совершенно не обращая на нас внимания, она спокойно кормилась в небольшой лужице у кромки тростника. Колпица медленно переступала ногами, опустив клюв в воду и плавно поводя им из стороны в сторону. Она продвигалась в направлении машины!

Неужели колпица настолько смела, а может быть, глупа, что не боится людей? Вот бы окольцевать ее! А что, если подкрасться к птице, прячась за тростниковыми стеблями, и поймать ее руками. Один из орнитологов, Сергей Брохович, вышел из машины и, пригнувшись, медленно дошел до тростника, а там уж стал подкрадываться к колпице. Удалось подойти к ней метров на пять. Теперь от ловца птицу отделяло открытое грязевое пространство.

Тем временем, обследовав первую лужу, колпица пош-

ла на другую, причем путь ее пролегал всего в двух — трех метрах от затаившегося человека.

На второй луже колпица долго не задержалась и пошла на следующую. От машины она находилась всего в десяти метрах. Сергею надоело прятаться, и он, как пастух, открыто шел за колпицей, которая даже не оглядывалась на него! Мы отказывались верить своим глазам. Ведь обычно эта осторожная птица человека ближе, чем на сто метров, не подпускает.

С другой стороны к колпице стал подходить наш шофер. Вдвоем люди приблизились к ней на три — четыре метра. Затем Сергей присел на корточки и замер, а шофер продолжал медленно продвигаться вперед. И птица подчинилась ему. Когда до нее оставался всего один метр, Сергей прыгнул, но лишь задел пальцами руки ее лапу — колпица в тот же миг оттолкнулась от земли и полетела. Она, часто взмахивая крыльями, удалялась все дальше и дальше, видимо, здорово обиделась на людей за столь хулиганскую с их стороны выходку.

Подумалось тогда, насколько же это приятно, когда дикая птица вот так, запросто доверяет человеку и у того не возникает кровожадного стремления убить ее. Но как редки еще такие случаи в природе! И наступит ли когда-нибудь время, когда это станет нормой поведения человека?

А еще мы горько пожалели, что под рукой не оказалось ни фотоаппарата, ни кинокамеры.

Колпица — оригинальная птица. Внешне она напоминает цаплю, оперение ее чисто-белое, с головы на плечи спадает красивый желтоватый хохол из рассученных перьев, ноги черные. Но главное ее своеобразие — длинный ложкообразный клюв. Широкий и плоский, он на конце расширяется в диск. Настоящая ракетка для игры в настольный теннис! Очень любопытно наблюдать за кормежкой колпиц. Выстроившись в одну линию, они продвигаются вперед и при каждом шаге взмахивают

опущенным в воду клювом то влево, то вправо. Кормящиеся птицы удивительно напоминают косарей в поле.

Колпица внесена в Красную книгу СССР и Казахской ССР как редкая исчезающая птица. Излюбленные места ее обитания — глухие, редко посещаемые и малодоступные человеку участки, среди бесчисленных проток и озер в дельтах рек, заросших непролазными тростниковыми «джунглями». Гнездится в южной половине республики, в том числе и на озерах Алакольской впадины. Но все меньше и меньше остается в наших краях этих интересных птиц.

Как-то во второй половине мая мы кольцевали птенцов серых и белых цапель на озере Караколь в Алма-Атинской области. В птичьей колонии время от времени попадались гнезда колпиц. Сделаны из веток кустарников и сухих стеблей тростника в виде массивных плоских куч, основаниями лежащих на тростниковых заломах. В гнездах были сильно насиженные кладки из трех — четырех голубоватых с коричневыми пятнами яиц, а в одном шло вылупление: три яйца проклюнуты и среди них у пустой скорлупки лежал только что появившийся розовый голый птенец.

Взволнованные родители, взрослые серые и белые цапли кружились в безоблачном небе. Отдельно от них, сплоченной группой из нескольких десятков особей, над нами молча летали белые птицы с ложкообразными клювами.

Окольцевав как-то в своем лагере птиц, мы везли их в фанерном ящике, обтянутом сеткой, на озеро, чтобы выпустить там, где поймали. Ящик стоял в кузове грузовой автомашины. Видно было, что птицы очень взволнованы близостью людей и тряской машины. Некоторые из них забились по углам ящика, другие пытались выбраться, тычась клювами в ячей сетки. В большинстве своем это были мелкие кулички.

Среди куликов находился молодой *скворец*. Он, судя

по всему, тоже был не прочь вырваться на свободу. На повороте машину вдруг резко тряхнуло, крышка ящика слегка отодвинулась и скворец выскочил наружу, усевшись посреди кузова. Пытаться поймать его не имело смысла, он бы сразу улетел и мы стали наблюдать за птицей.

Скворец сделал несколько шагов и замер, уставившись на людей блестящим темным глазом. В этот момент в угол кузова стукнулся, занесенный ветром, крупный кузнечик. Наш скворец не растерялся, вприпрыжку настиг его и, схватив клювом, начал молотить кузнечиком по доскам кузова. Сделать это ему было не так-то просто — машину сильно трясло, и скворцу приходилось сохранять равновесие, балансируя крыльями и переступая ногами. Несколько раз он ронял и вновь схватывал свою добычу. Мы дружно смеялись, наблюдая эту картину, но скворца это ничуть не смущало.

Наконец, отбив кузнечнику крылья и задние лапки, скворец с трудом проглотил его. Подзаправившись перед дорогой, решительная птица издала торжествующий крик и, не удостоив нас больше своим вниманием, легко взлетела и исчезла за бортом грузовика.

По мнению многих людей, *кукушка* — типичный лесной житель. Но побывайте в разгар весны на озере Сасыкколь или в дельте реки Тентек, впадающей в это озеро. Тут и там среди бескрайних тростниковых джунглей звучит столь знакомое нам с раннего детства кукование. «Ку-ку, ку-ку» глуховато разносится сквозь легкий шелест тростниковых листьев, сквозь треск и скрежет песен дроздовидных камышевок, сквозь басовитый хор тысяч лягушек. Самец кукушки сидит на метелке четырехметровой тростинки, которая едва наклонилась под весом относительно большой, но легкой птицы. Сидит в типичной токовой позе: приспустил крылья и задрал вверх хвост и голову. Интересная особенность: рядом голос кукушки звучит точно так же, как и на значительном рас-

стоянии. Иногда звонким раскатом доносится хохот самки. А вблизи можно услышать ее шипение. Кукование слышится весь день и в сумерках. В брачную пору самцы очень непоседливы, часто гоняются друг за другом, дерутся, выясняя территориальные отношения, или по три — четыре самца, собравшись вместе, не дают покоя одной самке, преследуют ее в воздухе.

Прилетев на места гнездования в конце апреля, кукушки ждут, когда мелкие птички, на которых они паразитируют, построят гнезда и отложат яйца. Теперь наступает их черед. Низко, на бреющем полете, летит кукушка над тростниками и выпугивает насиживающих птиц. Природа позаботилась о том, чтобы ее внезапное появление пугало мелких птичек. Окраской оперения, серого сверху и светлого поперечно-полосатого снизу, формой тела, особенно серповидных крыльев, и характером полета кукушка удивительно напоминает разбойного ястреба-перепелятника. Но вот гнездо обнаружено. Кукушка съедает одно — два яйца из него и откладывает свое. Оно очень сходно окрашено с яйцами хозяев, лишь крупнее по размеру. Вернувшись на гнездо, птичка не обнаруживает подвоха и продолжает насиживание. А через одиннадцать дней появляется проглот — кукушонок, который растет не по дням, а по часам и, чтобы не было конкурентов, уничтожает (выкидывает из гнезда) всех своих сводных братьев и сестер.

Жертвами кукушек становятся многие виды воробьиных птиц. В тростниках Сасыкколя это прежде всего различные камышевки, главным образом дроздовидные. Много здесь дроздовидных камышевок, соответственно высока и численность кукушек. Приносит ли своим паразитированием кукушка вред? Вряд ли. Питается она насекомыми, в том числе волосатыми гусеницами непарного шелкопряда, опасного вредителя сельского и лесного хозяйства, которых большинство других птиц не ест. Причем в местах массового выплода этих гусениц ку-

кушки очень быстро концентрируются, несмотря на свой неуживчивый характер. Польза от них в этом случае значительно превышает ту, что смогли бы оказать природе загубленные выводки камышевок, трясогузок, бормотушек и других мелких птиц. Так давайте не будем осуждать наших кукушек за их столь оригинальный образ жизни.

Весной звуковой фон в тростниковых зарослях Сасыкколя создают дроздовидные камышевки, кукушки и широкохвостки. Эта маленькая, меньше воробья, певчая птичка обладает удивительно мощным голосом. Через одну — две минуты она выскакивает из темной чащи на вершину тростинки, звучно выкрикивает «ти-ти-тридцать четыре» и снова ныряет вниз. Ее мягкое пушистое оперение окрашено неярко в глинисто-коричневые тона. Брюшко светлее спины, над глазами заметны белые брови. Во внешнем облике широкохвостки есть что-то общее с камышевками. Основное отличие: десять широких рулевых перьев (у камышевок их двенадцать) в хвосте, сильные лапы с цепкими пальцами. Но эти признаки работают, когда птица в руках, а в природе следует ориентироваться разве что на голос. Отрывистая песня широкохвостки чем-то напоминает «бой» перепела.

В орнитологических сводках указывается, что основными местами обитания широкохвостки являются кустарниковые заросли в поймах рек, тугаи. Но на Сасыкколе и в дельте Тентека она живет в большом количестве в густом тростнике. В конце мая мы немало излазили по зарослям, но гнезда так и не нашли. В это время наблюдался массовый выплод стрекоз. Насекомые тысячами носились в воздухе, садились на траву, стебли и даже на плечи и голову. К вечеру они гирляндами облепляли тростниковые стебли: на одном сантиметре сидело по две — три стрекозы. Очень красивое зрелище. Такого обилия стрекоз, как в дельте Тентека, нам еще нигде и никогда видеть не приходилось.

Надо сказать, что о гнездовой жизни широкохвостки в Казахстане до сих пор еще почти ничего не известно. Гнездо хорошо замаскировано, сделано из стеблей, корешков и листьев в виде чаши, выстилается перьями и конским волосом. В кладке четыре — пять бледно-малиновых яиц. Самцы продолжают петь во время насиживания и даже вылупления птенцов. С первыми лучами солнца до полной темноты повторяют они заученное «тридцать четыре».

Слабая изученность широкохвостки обусловлена ее очень скрытным образом жизни. Ничего не известно и о сезонных миграциях вида. Есть предположение, что летят широкохвостки по ночам. Это южная птица, ее распространение на север в нашей стране ограничивается северными районами Казахстана.

Но вернемся к реликтовым чайкам. Совсем недавно, в 1984 году, на одном из небольших островов озера Балхаш в урочище Майкамыс Эрнар Ауэзов отметил гнездование реликтовой чайки. Очередной сюрприз преподнесла ему эта любопытная птица. Что и говорить, на ловца и зверь бежит! Таким образом, озеро Балхаш явилось третьим известным местом гнездования реликтовой чайки в Советском Союзе.

Учитывая чрезвычайную редкость и уникальность реликтовой чайки, еще слабую изученность ее биологии, птицу одновременно включили в три Красные книги: Международную, Союзную и республиканскую. Это одна из редчайших птиц мировой фауны. В целях пропаганды среди населения идей ее охраны в 70-х годах были сняты телефильм «Чайка реликтовая» и короткометражный фильм «Острова белых птиц».

В 1971 году на островах озера Алаколь был создан государственный заказник «Реликтовая чайка». Однако территории заказника требуется придать юридический статус заповедника.

Реликтовые птицы должны жить вечно!

СИНЯЯ ПТИЦА ТЯНЬ-ШАНЯ

● Серпоклов ● Горный дупель ● Маскированная трясогузка ● Синяя птица

Тянь-Шань — «Небесные горы». Так называются громады гор, упирающиеся ослепительными вершинами в небо. На Тянь-Шане много хребтов. Один из них — Запильский Алатау, у северного подножия которого раскинулся город-сад Алма-Ата. Издали серебрится зубчатая цепь снеговых макушек, среди которых возвышается Талгарский пик — около 5000 метров над уровнем моря. Там царство скал, льда и вечного снега. Из любой точки казахстанской столицы в ясный день хорошо виден Большой Алматинский пик. Ледники дают начало бурной речке Озерная, питающей красивое высокогорное Большое Алматинское озеро. Здесь на высоте двух с половиной тысяч метров проходит верхняя граница еловых лесов, арчовники, начинается субальпийская зона. Ведь этот пояс назван орнитологом А. Ф. Ковшарем субвысокогорьем, то есть преддверием настоящего высокогорья. Ниже хвойного леса — горной «тайги» идут светлые лиственные леса, еще ниже расположена «культурная зона», по-местному «прилавки». В многочисленных ущельях грохочут стремитель-

ные реки, пронизывающие все климатические и ландшафтные зоны: от арктических тундр до выгоревших под южным солнцем предгорных степей. Зимой в ущельях гремят снежные лавины, летом проносятся оползни и катастрофические сели.

Пестрые горы Тянь-Шаня богаты разнообразными видами птиц. Наибольший интерес вызывают встречи с редчайшим куликом мировой фауны — серпоклювом, легендарной синей птицей, другими экзотическими птицами, мысленно уносящими нас в гористые местности Центральной Азии, Индии, Гималаев, Тибета: кумаем, бурым грифом, бородачем, стервятником, белоголовым сипом, ястребиным орлом, темнобрюхим уларом, горным дупелем, арчовой чечевицей, красным вьюрком, стенолазом, гималайской синицей, расписной синичкой, райской мухоловкой, бурой оляпкой, черногрудой красношейкой, соловьем-белошейкой, белоножкой. Не все из перечисленных птиц живут в Заилийском Алатау, но многих из них вы можете встретить, поднявшись к Большому Алматинскому озеру или свернув с утоптаных туристами тропинок в урочище Медео.

Однако нас интересуют прежде всего птицы, связанные с водной средой, то есть с горными реками и озерами. Самым ярким их представителем является таинственный высокогорный кулик — *серпоклюв*. Его мало кто видел. Обитает на заоблачных высотах по водоразделам рек в Гималаях, Тибете, Тянь-Шане, Памиро-Алае и Тянь-Шане. Повсюду редок, всего в Советском Союзе, в горах Юго-Восточного Казахстана, Киргизии и Таджикистана предположительно гнездится не более восьмидесяти — девяноста пар. В Заилийском Алатау одна — две пары серпоклювов периодически гнездились на крупногалечниковых отмелях Большого Алматинского озера, на высоте двух с половиной тысяч метров. Но после 1957 года они внезапно исчезли. В 1964 году две пары куликов загнездились на галечниках реки Тентек. После этого

серпоклювов в Казахстане не видели. Орнитологические исследования на Большом Алматинском озере проводились ежегодно, каждую весну ученые с трепетом осматривали обширный галечник, по которому струились многочисленные ручьи, но желанных птиц все не было и не было. Однако орнитологи не теряли надежды и удача им сопутствовала. В 1977 году, спустя двадцать лет, на прежнем месте была встречена пара редких куликов, а на следующий год А. Ф. Ковшарь нашел их гнездо. *Первое в Казахстане!* До этого свидетельством гнездования серпоклювов служили находки нелетных птенцов. Гнездо выглядело очень просто: небольшое углубление среди крупных камней было выложено тщательно подобранной мелкой галькой. Таков «материал» гнезда, и ни одной травинки! В кладке четыре грушевидных яйца пятнистой окраски: на светло-серому фону разбросаны коричневые и фиолетовые пятна. За уникальным гнездом были установлены тщательные наблюдения из укрытия в шестидесятикратную подзорную трубу. Подмечались все «мелочи семейной жизни» птиц, ведь они были новыми для науки. Выяснилось, что серпоклювы попеременно высидывают кладку, но самка — вдвое больше, оставаясь в гнезде на ночь. Свободная от насиживания птица обычно кормится неподалеку, бродит по галечнику, исследуя клювом щели между камнями, или зайдет по брюху в бурный поток и выхватывает бокоплавов, погружая в воду голову и шею; иногда азартно гоняется за мухамы. При приближении человека серпоклюв пытается отвести его от гнезда, имитирует насиживание, то есть садится на галечник, всем своим видом показывая, что под ним кладка. Молча перебегает на другое место и снова садится. Неискушенный человек действительно не удержится, побежит посмотреть на гнездо, которого там нет. Цель птиц достигнута: возможный враг отвлечен в противоположную от гнезда сторону. Когда появляются птенцы, пуховые серовато-белые ша-

рики на несуразно больших лапах, серпоклювы, непрерывно крича «ки-ки-ки-ки», кругами летают над нарушителем их спокойствия, пикируют на него, иногда приворяются ранеными в крыло.

Вспоминается первая встреча с серпоклювом. Произошла она в год находки гнезда. Не успели мы отдышаться после нелегкого подъема крутыми тропами на озеро, как Апатолій Федорович уже пригласил полюбоваться экзотическими куликами. Его нетерпение «похвастать» ими было естественным и понятным — не так часто натуралисту выпадает подобная удача. У серпоклювов в это время были оперяющиеся птенцы. Тем не менее, чтобы лишний раз не беспокоить осторожных птиц, мы вооружились подзорной трубой и биноклями и, сидя на склоне под могучими тянь-шаньскими елями, с расстояния не менее чем в триста метров стали осматривать галечник. Приятно пахло смолой, с озера и снежных вершин тянуло прохладой, вливавшей бодрость в уставшее тело. На зеркальной поверхности озера отражались белые облака и крутые горные склоны.

Неподвижно стоящих куликов не сразу удалось разглядеть, они сливались с окружающими валунами. В поле зрения то и дело попадали суетливые маскированные трясогузки и кулички-перевозчики, которые в восемь — десять раз мельче серпоклюва. А вот и он сам, наконец-то! Хорош собой! Окраска не яркая, под цвет камней, но оригинальная. На спине голубовато-серый фрак, того же цвета зоб отделен от белого брюха, как ожерельем, двумя полосками — узкой белой и широкой черной. На «лице» темно-коричневая, издали кажущаяся черной, маска.

Ноги и длинный серповидный клюв ярко-красные. Серпоклюв взлетел и на распахнутых серых крыльях вспыхнули белые пятна. Мы с восторгом следили за древней птицей, жившей еще в третичном периоде и сохранившейся с тех немислимо далеких времен в перво-

зданном виде. Многие ли орнитологи видели серпоклюва в природе?

Вторая встреча с горным куликом произошла... в зрительном зале Дома кино, где демонстрировался цветной короткометражный фильм Вячеслава Белялова и Ларисы Мухамедгалиевой «Дом для серпоклюва». На экране изящные кулики насиживали яйца, водили птенцов, защищали их от опасности, кормились в прозрачных струях горной речки и на берегах озера. Запомнился уникальный эпизод из интимной жизни птиц: лишь только в гнезде появились птенцы, как один из родителей взял в клюв скорлупки и, отлетев подальше, бросил их в бурный поток. Не лишняя мера предосторожности, белый испод скорлупы может демаскировать гнездо. Замечательный фильм казахстанских кинодокументалистов призван сыграть большую роль в экологическом воспитании населения.

К огромному сожалению, сохранить единственную в Казахстане пару серпоклювов не удалось. Еще несколько лет птицы успешно выводили птенцов на родном галечнике и даже зимовали здесь же, но вот на берег озера пришла землеройная техника, и люди стали брать из «дома серпоклювов» гальку для строительства противоселевой плотины. Все призывы ученых не допустить уничтожения гнездового биотопа редчайшего кулика, внесенного в Красную книгу как исчезающий вид, просьбы брать стройматериал в другом месте так и остались «гласом вопиющего в пустыне». В результате произошло несчастье: из-за прорытого канала галечник был резко осушен, и серпоклювы бросили гнездо. Живописное высокогорное озеро лишилось своего главного украшения. Такова цена недалекновидности, близорукости хозяйственников, их элементарной экологической безграмотности!

В горах северного Тянь-Шаня, в частности в Заиллийском Алатау, а также на Алтае живет еще один редкий

и малонзученный кулик — *горный дупель*, или *бекас-отшельник*. Это оседлый житель высокогорья, хотя зимой может быть встречен в предгорьях и даже на равнине. Осенью 1986 года мы поймали одного отшельника даже в пустыне, на небольшой соленой луже в низовьях пересыхающей речки Сарысу.

Отшельником этот кулик назван не случайно: держится всегда поодиночке и лишь на период гнездования образует пару. Молчалив и осторожен, но в брачную пору теряет «рассудок», с наступлением сумерек носится кругами в воздухе, набирает высоту и, сложив крылья, с раскрытым веером хвостом бросается вниз головой, издавая характерный жужжащий звук, заканчивающийся громким «чок-чок-ау». Вновь и вновь повторяются эти маневры, до самого утра токуют долгоносики, со свистом пересекая ночное небо.

На первый взгляд, отшельник — типичный бекас, такой же пестрый, рыжевато-буроватый, испещренный бесчисленным множеством светло-охристых и черных полосок, штрихов и пятнышек. Но по размерам он значительно крупнее обыкновенного бекаса, ближе к дупелю. Поэтому и получил второе название — *горный дупель*. Типичные места его обитания — небольшие травянистые болотца, ручейки, весело бегущие по зеленому ковру из мхов и лишайников выше границы леса. Гнездо выстилается сухой травой и хвоинками. Как и у всех куликов, в кладке отшельника четыре крупных, грушевидной формы, яйца. Насиживает их одна самка. Почти все сведения о размножении горного дупеля были получены из пределов Алтая, а вот на Тянь-Шане до сих пор еще не найдено ни одного гнезда, хотя птицы там нередки летом на высотах до трех тысяч метров и даже выше.

В отличие от своих нежных длинноносых родственников отшельник — закаленная птица. Остается зимовать в высокогорье или спускается ниже по горным незамерзающим речкам. Согласитесь, непривычно как-то видеть

среди льдин и сугробов кулика. Над водой клубится туман, под ногами скрипит снег, мороз пощипывает лицо и вдруг из-под ледяного козырька, как взрыв, свечкой взлетает крупный бекас. Мгновение, и он уже скрылся за поворотом, лишь снежная пыль повисла в воздухе там, где только что сидел кулик. По признанию усть-каменогорского орнитолога Бориса Шербакова, встреча им январским днем на Иртыше отшельника была столь же неожиданна, как если бы он вдруг увидел распутившуюся на снегу розу.

В суровую зимнюю пору горные дупели вместе с бойкими оляпками значительно оживляют ущелья «Небесных гор». Каждая встреча с ними волнует и надолго остается в памяти.

В высокогорье зима долгая, но проходит она и там. Под яркими лучами весеннего солнца с шумом и вздохами оседает и сползает вниз снег, бегут из-под него тысячи говорливых ручейков, сливающихся и наполняющих студеной водой горные реки. На южных склонах зеленеет первая травка, к солнцу тянутся подснежники. В это время на проталинах и каменистых берегах рек появляются стройные птички размером с воробья, но с очень длинным хвостом. Окрашены скромно, но со вкусом: спина голубовато-серая, грудь и брюхо белые, шея, зоб и почти вся голова черные. Через глаза и лоб проходит белая маска. Это *маскированная трясогузка*. Живет на юге и востоке Казахстана. Ее ближайшая родственница, белая трясогузка, населяющая северные районы республик, отличается тем, что имеет белые бока шеи. В период миграций оба вида часто встречаются вместе, но их легко различить.

Трясогузки всегда в движении. Вот птичка бежит по берегу так быстро, что едва различимы ее тонкие ноги, резко останавливается, схватив пролетающую муху своим шиловидным клювом, энергично качает сверху вниз длинным хвостом и бежит дальше. Бег часто сменяется

волнообразным полетом, сопровождаемым звонким двух-
сложным криком «ци-зит, ци-зит».

После непродолжительного токования, во время которого самец с песней пританцовывает вокруг самки, начинается строительство гнезда где-нибудь в укрытии — среди камней, в трещинах скал, под корнями деревьев, в постройках человека. В виде строительного материала используются мелкие веточки, корешки, листья, сухая трава, солома, перья, шерсть и конский волос. Кладка из четырех — шести голубовато- или зеленовато-белых с серыми пятнышками яиц насиживается двенадцать — тринадцать дней.

Любопытный случай произошел в Алма-Атинской области у села Бурундай. Пара маскированных трясогузок загнездилась в куче камней рядом с железной дорогой. Вскоре камни понадобились рабочим и, убирая их, они (благородный, но редкий поступок!) осторожно перенесли гнездо с яйцами в другую кучу камней, на расстояние двадцати метров. К радости людей птицы успешно вывели птенцов на новом месте.

Птенцы появляются голыми и слепыми. Родители выкармливают их насекомыми и другими мелкими беспозвоночными более двух недель в гнезде и еще дней десять после вылета. Затем приступают ко второму циклу размножения. Так, по сведениям орнитолога Э. И. Гаврилова, у Большого Алматинского озера пара трясогузок начала строить гнездо 3 мая, птенцы вылупились 5 июня, вылетели 19 июня; 30 июня птички обновили выстилку в старом гнезде и 3 июля отложили первое яйцо второй кладки. Птенцы вывелись 20 июля, гнездо покинули 5 августа. Вот так в трудах и семейных заботах прошло все лето. А вскоре выводки трясогузок покидают высокогорье и спускаются вниз. В сентябре они улетают на юг, хотя в небольшом количестве остаются зимовать под Чимкентом и в долине Чирчика.

Погожим летним днем мы поднимались по Малому

Алматинскому ущелью. Далеко внизу остался всемирно известный высокогорный каток Медео, лиственные леса. Крутые склоны поросли вековыми тянь-шаньскими елями, острыми верхушками подпирающими близкое небо. Здесь было сумрачно. Местами ущелье сужалось и тогда казалось, что огромные скалы нависли над головой и вот-вот с грохотом сорвутся. А грохота и так хватало. Бурная речка Малая Алматинка прыгала по многотонным валунам, разбивалась о них тысячами брызг, пеннлась, ревела на водопадах. В воздухе стояла водяная пыль, солнечные лучи играли радугой там, где скалы раздвигались.

Идти и прыгать с камня на камень было тяжело. Мы часто присаживались на валуны или упавшие стволы деревьев, отдыхали и думали, когда же увидим ее — *синюю птицу*. Нет, не ту, мифическую, символ счастья, что появилась из-под пера француза Мориса Метерлинка, а настоящую — ту, что здесь, в этом ущелье живет, должна жить. Нам повезло в тот день, мы увидели ее. Но в начале услышали, в очередной раз присев у красивого водопада. Казалось бы, что можно услышать, кроме шума падающей воды. Но сквозь непрерывный гул, почти оглушенные, мы вдруг ощутили громкий и чистый, как флейта, свист. Не зная его ранее, тем не менее сразу поняли: это голос синей птицы. Откуда такая сила звука? Может быть, дело тут в разности звуковых волн — шум воды и свист синей птицы мы слышим и воспринимаем независимо друг от друга?

А вот и она сама — сказочная птица. Сидит на камне и нервно взмахивает длинным хвостом вверх, затем плавно, распутив его веером, опускает вниз — волнуется. В клюве пучок какой-то живности, значит, недалеко ее гнездо с птенцами. Надо бы проследить. А птица перепрыгивала с камня на камень, свистела и... меняла свою окраску. В зависимости от того, как падал на нее свет, она казалась то черной, то темно-синей, то фиоле-

товой, то лиловой. Не зря синюю птицу еще зовут лиловым дроздом — в ее облике и поведении есть что-то от дрозда.

Мы с восторгом продолжали рассматривать редкую птицу. Размером с галку, поперек темного крыла идут две цепочки белоснежных круглых пятнышек, клюв ярко-желтый. Вспомнилась легенда. Жители горного селения собрались как-то у скал послушать дивную песню синей птицы. А когда вернулись, то увидели, что все дома разрушены землетрясением. Выходит, людей спасла синяя птица. А песня ее звучная и очень мелодичная, по мнению А. Ф. Ковшаря, отдельные ее посвисты не уступают лучшим образцам художественного свиста человека. Как тут не заслушаться!

Гнезда мы тогда так и не нашли, хотя знали из литературы, где его искать — в темном ущелье, среди отвесных обомшелых от сырости скал. Обычно гнездо помещается в выемке скалы и сверху, как козырьком, прикрыто каменным выступом, защищающим кладку и птенцов от потоков дождя и прямых солнечных лучей. Гнездо — массивная толстостенная чаша из травы, корешков, мха; внутри выстлано тонкими корешками и листьями деревьев и кустарников. Вся постройка для большей прочности скреплена глиной. Из года в год парой птиц используется одно и то же гнездо, лишь выстилка обновляется.

Строительство гнезда занимает не менее недели. Самка несетя ежедневно, всего откладывает четыре — шесть беловатых с коричневыми и голубыми пятнышками яиц. Насиживает их сама в течение семнадцати дней. Выкармливают птенцов оба родителя, в день приносят им до ста двадцати порций корма: мелких рыбешек, ящериц, жуков, бабочек, саранчовых, пауков и других беспозвоночных. Каждый прилет взрослой птицы к гнезду проголодавшиеся птенцы дружно встречают металлическим звоном колокольчиков. Через двадцать пять дней слетки покидают родительский дом.

Взрослые птицы кроме беспозвоночных животных мо-

гут поедать мелких птиц и мышевидных грызунов. Последних, крепко зажав в клюве, долго бьют о камни. В результате мышка превращается в мягкий мешочек, который нетрудно проглотить. Очень любит синяя птица купаться, причем после этого не сидит на месте, а с деловым видом бегаёт по берегу, пока не высохнет перо.

В горах Заилийского Алатау синие птицы появляются в середине апреля, в октябре большая часть их уже улетает за пределы Казахстана. Известно несколько зимних встреч в районе Алма-Аты, но это исключение из правила.

Синяя птица — теплолюбивый обитатель гор Южной Азии. Наиболее характерна она для Индии, Северного Индокитая, Юго-Восточного Китая. В нашей стране живет только в горах Средней Азии и Казахстана, в частности в Таласском, Киргизском и Заилийском Алатау. Интересно, что еще сто лет назад здесь не было синей птицы. Значит, происходит ее постепенное расселение на северо-восток. Тем не менее синяя птица еще настолько редка в природе, что занесена в Красную книгу Казахской ССР.

Что угрожает птице «из сказки»? Кажется бы, с ружьем ее не преследуют, ущелья в хозяйственных целях не используются, леса не вырубаются. Но есть, оказывается, еще один страшный для птиц фактор — человеческий, иначе, фактор беспокойства. Своим шумным присутствием человек теснит и пугает диких животных, сгоняет их с исконных мест обитания, заставляет птиц бросать гнезда. С каждым годом, спасаясь от гиподинамии, все больше горожан и туристов карабкаются в горы... и все меньше становится там птиц.

Как помочь синей птице — подлинному украшению наших гор? Очевидно, в ближайших к Алма-Ате и другим южно-казахстанским городам ущельях места ее гнездования надо объявить микрозаказниками. Если обеспечить птицам покой в самый ответственный для них

период — гнездовой, то ничто не помешает им благополучно вывести птенцов. Если бы в свое время был обнаружен микроразказником печально известный галечник у Большого Алматинского озера, мы и сейчас могли бы любоваться там парой серпоклювов. А может быть, и не одной...

На нашей планете сейчас все подсчитано, в том числе и поголовье диких птиц, от крошечных колибри и воробьев до лебедей и страусов. Помните, что на Земле живет всего-навсего сто миллиардов птиц, и на каждого из нас, на каждого человека приходится чуть более двадцати особей. Многие виды столь редки, что жизнь каждой особи ценится на вес золота. Ведь от их благополучия зависит существование самого вида. В Красные книги включают все большее число видов. От каждого из нас зависит, чтобы к ним не присоединялись новые. Охрана птиц, важнейшего компонента природных сообществ, является по сути охраной самой природы. В этом благородном деле каждая спасенная птичья жизнь — ценность непреходящая.

НА РАЗЛИВАХ

● Степной орел ● Круглоно-
сый плавунчик ● Малый ве-
ретенник ● Мородунка ● Кам-
нешарка ● Краснозобик ● Ку-
лик-воробей ● Чернозобик

Весной в половодье степные реки переполняются та-
лой снеговой водой, выходят из берегов и в местах попи-
женной рельефа образуют обширные разливы. Они мелко-
водны, хорошо прогреваются ласковым весенним солн-
шком, что дает толчок к бурному развитию беспозвоночной
живности. Последняя в свою очередь, как магнитом, при-
влекает к себе разнообразных птиц. Весной в казахстан-
ских степях, полупустынях и пустынях талой водой за-
полняются десятки тысяч старых русел, такыров и обшир-
ных солончаков. Образуются временные водоемы, неглу-
бокие, нередко тонкие с вязкими берегами. Жарким летом
все они высохнут и будут сверкать под солнцем соляной
коркой, но сейчас, в период весенней миграции, они имеют
колоссальное значение для водоплавающих и околоводных
птиц. Пернатые останавливаются и задерживаются здесь,
чтобы отдохнуть и покормиться, набраться сил для даль-
нейшего перелета на места гнездовий. На таких разливах,
лужах, сорах можно свести короткое близкое знакомство
со многими интересными птицами — жителями более се-

верных широт: тайги, лесотундры, тундры и даже побережья Северного Ледовитого океана. Это прежде всего кулики: тулеса, золотистые и бурокрылые ржанки, галстучники, турухтаны, песчанки, песочники, грязовики, камнешарки, фифи, щеголи, мородунки, круглоносые плавунчики, малые веретенники, средние кроншнепы и другие. Нередки здесь утки: морянки, гоголи, свиязи, шилохвости, чирки, чернети. Незабываемы встречи с редчайшими птицами — стерхом и краснозобой казаркой, занесенными не только в отечественную, но и в Международную Красную книгу.

Весной кочковатая полынно-солянковая полупустыня в Иргиз-Тургайском междуречье напоминает тундру: под ногами хлюпает и чавкает вода, всюду видны зеркала чистых луж и разливов, нежная зелень поднимающихся трав, звон от птичьих голосов, среди которых много именно тундровых видов куликов. Лишь не пружинят под ногами кочки да не вписываются в общую картину жаворонки, поющие в небе и на земле: полевые, черные, серые, малые. Самцы *черных жаворонков*, как дирижабли в полете. Взмахивая широкими крыльями, они перепархивают с кустика на кустик, с кочки на кочку и поют, поют, выпячивая грудь, опуская крылья и задорно задирая вверх хвост. Неподалеку от нас славит весну яркий самец *обыкновенной каменки*. Он начинает песню, сидя на каком-нибудь возвышении, и продолжает ее, все более распаляясь, в воздухе. Это великолепный пересмешник! За несколько минут можно уловить в его песне голоса токующих травников, чибисов, больших кроншнепов, куликов-сорок, малых зуйков, криканье уток, гогот гусей, циканье овсянок, блеяние овец и поворожденных ягнят.

Мы шли степью напрямик от лагеря, спотыкаясь то и дело о грубые щетки солянок и биюргуна. Было пасмурно. В небе, затянутом мутной пеленой, тускло светило расплывчатое бледное солнце; временами оно пряталось совсем за рваными лохмотьями туч. Зеленеющая степь,

дочиста умытая вчерашним дождем, покрылась синими и голубыми присадами, ярко-желтыми и нежно-розовыми с желтой серединкой тюльпанчиками. Они мелкие — высота стебля всего десять — пятнадцать сантиметров, но очень ароматные. На пути то и дело попадались солончаковые плешины, лишенные какой-либо растительности. Они жирно блестели. Ноги скользили и слегка вязли на них, как в пластилине.

Впереди показался обширный солончак, заполненный снеговой водой. Метрах в двадцати от берега плавали рядные земляные утки — пеганки. Птицы попеременно резко переворачивались, погружая полтуловища под воду. Дальше на чистой воде покачивалось несколько десятков более мелких серых уток. Они сорвались с места, лишь только мы приблизились к берегу, и стали описывать круги над весенним разливом. Когда они пролетали над головой, удалось разглядеть нескольких шилохвостей, стайку эффектных широконосок — семь селезней и восемь уток, не менее сотни чирков-трескунков. Покружившись пару минут, утки расселись на залитых водой участках степи, примыкающих к солончаку. В бинокль были хорошо видны их торчащие над травой головки.

Прежде чем увидеть, мы услышали протяжный свист «куу-ить». В бинокль разглядели быстро приближающуюся птицу. Вот уже виден длинный изогнутый вниз клюв, серповидные острые крылья. *Большой кроншнеп* летел на водопой из степи, где, очевидно, сытно перекусил жуками. Он бы пролетел мимо метрах в ста (осторожный кулик), но мы стали имитировать его свист, и любопытство взяло верх — кроншнеп круто изменил направление и вот он уже над нами. Когда понял, что его обманули, зачистил крыльями и был таков.

На голом грязевом берегу кормились три шилоклювки и пара малых зуйков. Тут же пил воду, но при этом старался не замочить лапки, черный жаворонок. Когда мы собрались уходить, то увидели, что к воде с гоготом летит

пара серых гусей. Гуси заметили людей и опустились на воду не менее, чем в трехстах метрах.

Примерно через километр от этого места мы вышли на мочажину — залитую водой травянистую низинку. Здесь было несколько кустов тамариска и на одном из них темнело гнездо *степного орла* — большая куча из сучьев и веток. В лотке, выложенном мелкими веточками, кусками конского помета, лисьим хвостом, лоскутом зимней сайгачьей шкуры, костями сусликов, мотком алюминиевой проволоки, пачкой от сигарет «Астра», фольгой от чайной упаковки и... целым женским халатом, лежали три крупных беловатых яйца. Забегая вперед, скажем, что через пару недель гнездо редких, внесенных в Красную книгу благородных птиц оказалось разоренным. Увы, но это печальная участь всех гнезд орлов, таких приметных в обжитой ныне человеком степи. К счастью, в этих местах степной орел еще сравнительно обычен.

Вспоминается забавный случай, рассказанный знакомым добытчиком желтых сусликов. Охотник проверил все расставленные у нор капканы, собрал добычу, а одного капкана не досчитался. Остановился у норки, внимательно осмотрел взрыхленную землю, понял, что колышек, к которому прикреплялся цепочкой капкан, был кем-то вырван. Вдруг сверху раздался металлический звон. Охотник поднял голову: высоко над ним летел степной орел. В лапах он держал суслика, попавшегося в капкан. Стальная цепочка от капкана раскачивалась в воздухе и позвякивала.

Несколько пар желтых трясогузок сопровождали нас с надоедливым писком «плис, плис», передавая друг другу на границах своих участков. Недаром их еще зовут плисками. Среди желтых трясогузок немало белых, встречаются отдельные желтоголовые и еще реже — белоголовые. Северных куликов в конце апреля почти нет, рано еще, здесь они появятся через пару недель. Пока встретилась только золотистая или бурокрылая ржан-

ка (в природе их различать трудно: у одной подмышечные перья белые, у другой — бурые), да стайка из тридцати турухтанов. Некоторые самцы пытались наскакать друг на друга. На голове и шее таких забияк уже заметны дорастающие перья брачного наряда, но окончательно петушки «расцветут» в мае. Тогда и увидим их незабываемые турниры.

В середине мая пролет тундровых куликов через все водоемы Тургайской котловины был в разгаре. Ежедневно на экскурсиях мы встречали сотенные стаи турухтанов и песочников: чернозобиков, краснозобиков, куликов-воробьев. Вовсю летели *круглоносые плавунчики*. Многие знают эту живую, подвижную птичку, как поплавок раскачивающуюся на воде и быстро склеывающую (раз в секунду) невидимый нашему глазу корм с ее поверхности. При этом плавунчик, как заведенный, юлой крутится вокруг своей оси то влево, то вправо. Вначале покрутится, а потом собирает добычу, поднятую со дна восходящим током воды. Интересно за ним наблюдать в это время.

Но у плавунчика есть еще одна любопытная особенность, резко отличающая его от большинства других птиц. Прилетев на места гнездовых, в тундры Евразии, яркоокрашенные самочки начинают токовать, ухаживать за серенькими самцами (заметьте, все наоборот, ведь у прочих птиц самец всегда «одет» более парадно!). И место для гнезда, которое строит самец, выбирают самки. И в драках, изредка случающихся среди соседей, опять же, представьте себе, участвуют представительницы «слабого пола».

Но вот будущее потомство совсем не интересует их. Снесут самочки в готовое гнездо три — четыре яйца и на этом их миссия заканчивается — улетают они в теплые края. А все заботы по насиживанию кладки и воспитанию птенцов ложатся на трудяг самцов. Вот почему у них неяркое оперение, чтобы быть неприметными на

гнездах. Такие уж удивительные эти птицы «шиворот-навыворот» — круглоносые плавунчики.

Уже несколько дней летят на север *малые веретенники*. В их быстрых стайках по десять — пятьдесят птиц. Иногда среди малых попадаются один — два больших веретенника, которые четко выделяются значительно большей величиной и пестрой окраской нижней стороны тела. Вблизи виден и еще один отличительный признак — клюв у большого веретенника очень длинный и совершенно прямой, тогда как у малого он значительно короче и слегка изогнут вверх. У малых веретенников хорошо выражен половой диморфизм: птицы с чисто-белым брюхом и длинным клювом — самки, с темно-рыжим брюхом и коротким клювом — самцы. Кроме того, самки крупнее самцов.

Как-то в ветреный день второй половины мая мы наблюдали за кормящейся на лугу стаей турухтанов. Всего в ней было около восьмидесяти птиц, в том числе не более двадцати самцов, уже полностью одевших брачные украшения («воротнички», «уши», бородавки на «лице»). Кулики быстро бежали против ветра, что-то непрерывно склевывая. Задние ряды их то и дело перелетали через передние и бежали впереди. От этого стая непрерывно как бы переливалась. Серенькие самки кормятся сосредоточенно, а нарядные петушки постоянно отвлекаются и, распушив свои брачные доспехи, хорохорятся друг перед другом или даже в одиночку. Время от времени они высоко подпрыгивают и сталкиваются в воздухе в десяти — двадцати сантиметрах от земли. Сейчас их игры в разгаре.

Вечером на луже у лагеря кормились две *мородунки* и одиночный *фифи*, как и все кулики — грудью к ветру, который делал их фигурки еще стройнее. Но вот фифи развернулся и несколько метров быстро пробежал по ветру. И сразу с боков его тела, как пламя, вспыхнули два светлых ореола. Это ветер выбил белые перья из-под

крыльев. Самец мородунки вдруг прервал кормежку и пошел за самкой на расстоянии двадцати сантиметров, слегка втянув шею в плечи, опустив переднюю часть тела вниз, а хвост и заднюю часть тела задрал вверх. Непрерывно он издавал брачную трель «крруи» и протяжный свист, похожий на стон. Но самка не приняла его ухаживанья, все время отбегала в сторону, а затем и вовсе улетела. Кавалер последовал за ней. Поднялся в воздух и фифи, издав звонкую песню: «ти-ти-тилли-тили».

Многие представляют себе образ кулика так: стройная длинноногая и длинноклювая птица небольших размеров, живет непременно в болотистых местах. Даже народная поговорка есть: «Всяк кулик свое болото хвалит». Тут-то и заключается неосведомленность. Кулики, оказывается, живут и на морских побережьях, и на берегах рек и озер, и в лесных урочищах, и среди бескрайних целинных степей, и среди горных круч. И в пустыне есть кулики. А какое разнообразие куличиноного племени! Самый крупный из них — большой кроншнеп, размером с курицу. Самый маленький — кулик-воробей, который и до воробья не дорос. У многих видов клюв действительно длинный и прямой, но у зуйков он очень короткий. У того же кроншнепа клюв круто загнут вниз, а у шилоклювки он, как турецкая сабля, изогнут вверх. То же самое можно сказать о ногах куликов. Среди них есть и коротконогие и длинноногие, а у некоторых видов между пальцами натянута перепонка, почти как у водоплавающих. Среди них есть как широкораспространенные, обычные, так и очень редкие, малоизученные виды, внесенные в Красные книги Казахстана и СССР. В республике встречается около шестидесяти видов куликов, а всего в нашей стране их свыше восьмидесяти видов.

Кольцевать куликов одно удовольствие. В руках они не царапаются, не кусаются, из рук особенно не рвутся. Заглянешь зуйку в большие черные глаза и видишь в них бездонную грусть (их глаза почему-то напоминают ко-

ровьи). Мелкие песочники похожи на курочек — тот же испуг в глазах на маленькой головке. Очень приятны круглоносые плавунчики: вертят тонкими длинными шеями, пытаются освободиться и зыркают тебе в глаза выразительными черными бусинками. Почти все выпущенные кулики ведут себя стереотипно: постоят у выхода из палатки, встряхнутся несколько раз, укладывая помятое оперение, и степенно выйдут на улицу, где убегают к воде, быстро семеня лапками, или сразу улетают с торжествующим писком. Но некоторые, постояв на улице, вдруг с достоинством... возвращаются в палатку. Это, очевидно, от полученного стресса. Так и хочется сказать такому смельчаку: «Ты же получил свое колечко, второе не положено!» А есть и такие экземпляры, что с испугу прямо посреди палатки делают вертикальный, как у фазана, взлет. Ударившись о потолок, падают, ошалело смотрят по сторонам и, сориентировавшись, вылетают на свободу.

В начале июня весенний пролет куликов, да и других птиц, заканчивается. Пора было и нам собираться в дорогу. Наблюдения за осенней миграцией куликов в этом году было решено провести южнее, в пустынной местности низовий Сарысу, где среди песков и солончаков имелись многочисленные разливы, образованные водой, вытекающей из скважин.

Лагерь разбили в двадцати пяти километрах от метеостанции «Злиха». Обширные глинистые пространства, бугристые пески, покрытые кустами тамариска, цветущего еще и в конце августа, и редким чахлым саксаулом, мертвые солончаковые плешины, голые как коленка, ничего, кроме уныния, не вызывающие. Ветер, почти постоянно дующий здесь, срывает с них белесую соленую пыль. Там, где пробурена скважина (их немало в этом краю, на западной окраине Бетпак-Далы), живительная влага с журчанием заполняет солончаки, понижения рельефа и образует мелководные разливы — озера и лужи. Вода во многих из них горько-соленая. Испаряясь под

жарким солнцем и горячим ветром, она оставляет сверкающую стеклом соляную корочку. Наступишь ногой, она с тонким звонким хрустом ломается. Растут здесь только водоросли, но беспозвоночных животных водится в достаточном количестве для того, чтобы прокормить стаи пролетных птиц.

На одной из таких больших луж мы стали ловить околотовных птиц, главным образом куликов и трясогузок. Делать это непросто. Еще на подходе к воде, за полсотни метров начинаешь утопать по щиколотку в вязкой грязи. При каждом шаге нога проламывает толстую корку грязи. С трудом, едва сохраняя равновесие, вытаскиваешь ногу, тут же проваливается другая... Наконец приходишь до воды, где стоит первая паутиночка, и здесь уже утопаешь глубже — до колена. Шатаясь, с хрипом хватая воздух разинутым ртом, выпучив глаза, дрожащими руками выпутываешь из кармана сети куличка. С ужасом смотришь на соседнюю паутиночку, стоящую в пятидесяти метрах и, сжав зубы, идешь дальше... Тяжелая это работа — ловить куликов в пустыне! Пока обойдешь всю лужу, вымотаешься до предела.

На наш улов есть и другие «охотники». Днем над лужей часто патрулируют болотные луни, они хватают ослабленных после поимки куликов, а то приспособились рвать их на части прямо в сетке. И ведь не запутываются при этом сами! Иногда к болотным луням присоединяются степные или полевые. А по ночам к сетям повадился шакалы, многочисленные в этих краях. Весь берег покрыт их следами. Шакалы вредят еще больше, вместе с птичкой выгрызают куски сетки. Сытые отрывают только птичьи головы. И предупредительные выстрелы их не пугают, шакалы лишь осторожнее становятся.

Однажды два луни, пролетая над лужей, случайно сблизилась и тотчас между ними вспыхнула ссора. Хищники выставили навстречу друг другу когтистые лапы и

учащенно замахали крыльями. Один не выдержал и отступил, а когда другой почти достиг его, ловко перевернулся в воздухе вниз спиной и выставил вперед лапы, чем предотвратил нападение. Неожиданно в спор конкурентов вмешалась пролетающая мимо черная ворона, но тут же вынуждена была с карканьем улепетывать от стройных луней, совместно напавших на нее. Отогнав перепуганную ворону метров на тридцать, хищники на коротке возобновили выяснение своих отношений, но через пару секунд, разлетевшись, уже опять не давали «дремать» куличкам.

Вечером низко над лужей пронесся *дербник*, спугнув кормящихся белых трясогузок и стайку плавунчиков. Соколок, сделав три неудачных броска на птиц, сел на подсыхающую грязь и минут пять неподвижно отдыхал «столбиком», после чего улетел в пески, сделав попутно над тамариском еще одну неудачную ставку, видимо, за пеночкой или овсянкой. А вот *ястребу-перепелятнику* повезло больше. Он на большой скорости пролетел мимо нашего лагеря, над кустом тамариска круто развернулся, выбросил длинную когтистую лапу и молниеносно схватил вспорхнувшую пеночку. Стояла такая тишина, что мы отчетливо слышали пощелкивание клювов трясогузок — птички ловили мошкару. Штиль при пасмурном небе. Это то, что нужно полчищам кровопийц — мокрецам. Крошечные, они намного хуже комаров — лезут в уши, нос, глаза, забираются в волосы и под одежду и жгут немилосердно. Нет никакого спасения от них, незойливы до ужаса. Место укуса тотчас вспухает и нестерпимо чешется. Но стоит подуть слабому ветерку, как эти твари исчезают.

Утром над скважиной в бездонное голубое небо ввинчивались пеликаны. Их было не менее двухсот. Огромным бело-розовым клубом они описывали круг за кругом по часовой стрелке и постепенно набирали высоту. Метрах в трехстах от земли ликовинные птицы быстро и

как-то незаметно разделились на две почти равные стаи, одна над другой на расстоянии ста метров по вертикали, и стали штопором уходить вверх. Причем нижняя стая совершала обороты по часовой стрелке, а верхняя — против. Одновременно пеликаны перемещались в западном направлении, в сторону Теликульских озер. Вскоре они с трудом различались невооруженным глазом, как белые точки на голубом фоне южного неба.

Когда видишь в природе парящих пеликанов, орлов или журавлей, медленно переступающих по мелководью розовых фламинго, важно выступающих по степи дроф и других подобных им крупных, ставших редкими, экзотических птиц, то просто дух захватывает.

Вот и сейчас, в конце дня, лишь только оранжевое и круглое, как яйцо, светило закатывалось за горизонт, мы увидели впереди трех громадных, как дирижабли, розовых пеликанов. Птицы втянули шею и медленно, но сильно взмахивали мощными крыльями. Несколько взмахов и пеликаны переходят на скольжение, затем снова работают крыльями... Пеликаны как по команде дружно переключаются с полета на парение и наоборот. Птицы медленно проплыли над нами, опустили еще ниже и вскоре растворились в наступающих сумерках. Когда они пролетали над головой, то показались голубоватыми, а не розовыми. Игра света!

Известно, что пролетные кулики в поисках пищи перемещаются с водоема на водоем в направлении миграции. А кулики, если не летят, то почти все время заняты разыскиванием корма. Разнообразие строения и формы клюва позволяет им питаться различными кормами и добывать их по-разному, что исключает межвидовую конкуренцию. Так, все ржанки специализируются на визуальном обнаружении добычи — у них крупные глаза и короткие прямые клювы. Песочники и бекасы зондируют грязь, то есть тактильно ищут корм — их клювы обладают определенной гибкостью; птица может приоткры-

вать кончик клюва, не раскрывая его основание, что важно для схватывания добычи в толще мягкого грунта.

Давайте понаблюдаем за кормящимися птицами. На берегу нестрые *камнешарки* резкими ударами клюва отбивают «пяточки» солончаковой корки. Кормятся и среди водорослей, сплошным ковром покрывающих воду. И здесь они не изменяют своей привычке все переворачивать. Ударом клюва снизу вверх и вперед птица выкидывает из воды клоч водорослей, быстро обследует его нижнюю сторону, что-то склевывает и следует дальше.

Малые зуйки собирают корм в основном с поверхности грязи и водорослей, но часто можно наблюдать, как они, вытянув шею, азартно гоняются за мухами или зондируют грязь. Почти перед каждым зондированием зук выставляет вперед одну лапку и очень быстро вибрирует ею. Так куличок определяет, есть ли в грязи добыча.

Любопытно видеть кормящихся на открытом месте бекасов, ведь чаще эти долгоносики внезапно вылетают из-под ног в сырой болотине, на лугу, где их в упор не видно. А здесь бекас замечен издали, глыбой возвышается над мелкими песочниками и трясогузками. Ходит по «колону» в воде, неторопливо ширяет клювом в вязкую грязь. Кажется, что клюв он не вытаскивает обратно, а выдергивает с усилием. Втыкает клюв прямо перед собой, затем слева, справа, отходит в сторону на один — два шага и вновь зондирует. В минуту делает до ста и более клевков. Покопавшись минут пять на одном участке, вышел на подсыхающую грязь, блестящую от соли, словно тонкий слой льда, постоял в раздумье и перелетел к двум другим бекасам. Вместе веселее!

А *фифишки* — индивидуалисты, охотятся поодиночке. Они медленно ходят по мелководью, внимательно всматриваются в воду и, заметив добычу, быстро окунают клюв, а нередко и всю голову. В минуту делают не более пятнадцати клевков.

На чистом плесе чуть ли не в ногу кормятся два мо-

лодых *краснозобика*. Очень суетливы, жадно суют клюв в грязь, причем не вынимая его, делают несколько быстрых шагов вперед (зондирование — «вспашка»). Тела их сотрясаются как от отбойного молотка — это кулички, не вынимая полностью клюва, по несколько раз тычут им в одно место (многократное зондирование). Сходно кормятся и грязовики.

Еще более нервно ведут себя *кулики-воробьи* и *белохвостые песочники*. Эти, самые мелкие из куликов, стремительно перебегают с места на место, все выбирают где «погуще каша», непрерывно склевывают корм с поверхности воды и тычут клювом в грязь часто по самые глаза, а то и всю голову до плеч быстро окунают в воду. За одну минуту песочники могут делать до полутора сотен клевков-зондирований, то есть по два — три в секунду! И успевают время от времени проглотить добычу.

Два кулика-воробья оказались совсем рядом и подрались. Некоторое время они, как петухи, с писком насккивали друг на друга, размахивая крыльями. Вдруг один из них залег, прижался грудью к земле, а хвост задрал вверх. Нападающий тотчас остановился, как вкопанный: лежачих не бьют. Побежденный через секунду поднялся и быстро ретировался.

В стайке куликов-воробьев находился один *чернозобик*. На кормежке и в полете — при взлетах, посадке, поворотах в воздухе — он синхронно повторял все движения куликов-воробьев (подчинялся «законам стаи»). Чернозобиков еще называют «пажами» ржанок за то, что они часто присоединяются к золотистым и бурокрылым ржанкам.

Поодаль, на небольшом пятачке грязевого мелководья, топчется группа чернозобиков. В основном они зондируют дно, сантиметра на три прикрытое водой. Иногда стремительно пробегают несколько метров, поклюют на новом месте и пулей мчатся на другое. Достав из грязи добычу покрупнее, ополаскивают ее в воде и затем заг-

латывают. Один куличок зашел по брюшко в воду, потом стало еще глубже и он легко, как уточка, поплыл, собирая корм с поверхности воды. В стайке постоянно возникают ссоры; со щебетом птицы выясняют территориальные отношения. Некоторые чернозобики насытились и теперь чистят перья, всякий раз смачивая клюв в воде, или дремлют на одной ноге. Любопытно, что, проснувшись, они начинают кормиться на той же ноге, хотя заметно, что прыгать так им не совсем удобно — теряют равновесие и взмахивают крыльями, чтобы его сохранить. Лишь через несколько минут кулички становились на обе ноги. Считается, что таким образом птицы уменьшают теплоотдачу или снижают усталость мышц.

Два кулика-воробья перестали кормиться, зашли в воду по брюшко и стали купаться. Вначале птички осторожно приседали и, смачивая клюв, перебирали им перья. Постепенно вошли во вкус и сильно плескались, хлопая крыльями, приседая и окуная переднюю часть тела так, что вода перекачивалась через спину. Завершив водные процедуры, кулички с поднятыми крыльями вышли на кочку, где занялись приведением в порядок оперения, для чего периодически энергично всем телом встряхивались и иногда подлетывали вверх сантиметров на десять. Также ведут себя чернозобики, краснозобики, белохвостые песочники. Купающийся травник время от времени подпрыгивал вверх, падал на воду, делал резкие броски в стороны, поднимая брызги, — резвился.

По-иному купался круглоносый плавунчик. Он сильно раскачивался на воде, как папье-маше на бумаге. Высоко поднимал переднюю часть тела, почти становясь на хвост, затем резко падал на грудь, снова вставал на хвост... Вода заплескивалась ему на спину со стороны хвоста. Действительно, все в жизни этого кулика наоборот. Кормящиеся плавунчики могут даже нырять сквозь приближающуюся волну. Пищу собирают не только путем вращения вокруг своей оси, но выходят также на

грязь и скопления водорослей и там собирают живность. Или кормятся на плаву, но не крутятся, а склевывают насекомых с поверхности или из толщи воды, при этом резко переворачиваются вниз головой, погружаясь на полтуловища, но тотчас пробкой вылетают обратно. В целом кормовое поведение плавунчиков универсальнее, чем у других куликов.

Странно видеть сухопутных жаворонков, малых и серых, посреди разлива, суетливо бегающих по плотному водорослевому ковру. Жаворонки собирают мелкие черные семена стрелолиста, в массе находящиеся среди водорослей. Схватив зернышко, птичка, прежде чем проглотить его, резко дергает головой — отрывает длинный белый «хвостик» от каждого семени.

Желтые и белые трясогузки больше бегают, чем собирают корм. В воду стараются не лезть, их кормовой стол — берег, грязевые островки, плотные скопления водорослей. Склевывая личинок с субстрата, они могут подпрыгнуть свечкой и ловко поймать влет насекомое, которым чаще всего оказывается соленоводная муха. В воздухе трясогузка схватывает добычу, порой извернувшись чуть ли не на триста шестьдесят градусов.

Примерно через каждые десять минут наблюдаются кажущиеся беспричинными взлеты кормящихся куликов. Никто их не пугает, но птицы внезапно срываются с места, сбиваются в стайку и, сделав два — три (максимально до десяти) круга, вновь садятся на прежнее место. Основные виновники ложных паник — круглоносые плавунчики. Трясогузки и жаворонки не принимают участия в «гимнастических упражнениях» куликов, но на пару секунд замирают при их взлете.

Вечером солнце заходило в слой перистых облаков, вытянутых параллельно горизонту, как в морские волны, окрасив их в светло-оранжевый цвет. Через десять минут после захода солнца все трясогузки (около сотни), кормившиеся на луже, дружно, как по команде, поднялись

и, перекликаясь, рассеянной стаей улетели на почевку в сторону заката — там тростниковые заросли Теликульских озер. А в это же время на востоке от горизонта легко оторвалась большая круглая луна и начала свой почной путь по небосводу.

Конец сентября. Наметился перелом в погоде. Еще вчера был абсолютный штиль, жара и все ей сопутствующее: назойливые мухи и слепни днем, комары и полчища мокрецов душным вечером. Закат был красным, на западе обозначилось небольшое облачко. Сегодня утром слегка тянул северный ветерок, с запада шли высокие перисто-кучевые облака. Несмотря на все усиливающийся ветер, еще в полдень было тепло, а в палатках — жарко. Но во второй половине дня ветер разбушевался не на шутку, к вечеру стал штормовым. Он нес тучи солончаковой пыли и песка, делал заносы в лагере, сорвал тент. Все покрылось белесой мглой. Пылью забило палатки, вещи, продукты, глаза, уши и поздри, песок скрипел на зубах...

Небо затянули дождевые тучи, к заходу солнца весь запад и северо-запад представлял собой единую громадную черно-синюю тучу, закрывшую горизонт. Но минут за пять до заката солнце выглянуло в пол-оранжевого глаза из небольшого разрыва в туче. Всего две — три секунды подглядывало светило за оставляемой до утра землей, и «окошко» закрылось... За эти секунды смешались все краски: иссиня-черный цвет тучи, красный — солнца, серый — пыли, а заходящее солнце давало оранжевую подсветку и туче, и пыльному горизонту.

Резко похолодало. Вечером не было ни комаров, ни мошек, попрятались и мухи. Мелкий дождь начал моросить через полчаса после захода солнца. С небольшими перерывами он шел весь вечер, до полной темноты. Возшедшей луны не было видно, но ночью небо очистилось от туч, засверкало звездами и в полной красе своей на нем ярко светила луна. Наш лагерь, барханчики, кусты

тамариска, «куличная» лужа — все было залито мягким голубоватым светом.

С севера тянуло холодом. Свежо и сыро было ранним утром следующего дня. Тамариск, умытый дождем, ярко зазеленел. На его ветвях искрились тысячи бусенок дождя. В пустыню пришла осень...

Перелеты издавна привлекали к себе внимание людей, порождали массу вопросов. Почему улетают, а весной возвращаются назад птицы? Куда они летят? Какими путями? Как чувствуют время? С какой скоростью летят? На каких высотах? В каком количестве? Как влияет на это погода? Многие стали известны, но немало еще нерешенных вопросов и загадок.

Основными методами изучения миграций служат ежедневные учеты птиц на основных трассах пролета и массовое их кольцевание. Но для того, чтобы одеть кольцо на птичью лапку, надо поймать крылатую странницу живой и невредимой. Сделать это подчас не так-то просто. Казахстанские орнитологи применяют для этого самые современные средства: большие стационарные ловушки (сооружение из сетей шириной тридцать пять, длиной семьдесят и высотой двенадцать метров), паутинные и пучечные сети, автоматические лучки, тайники. Ежегодно ученые метят по пятьдесят — сто тысяч различных птиц, от крохотной пеночки до орла, лебедя или фламинго. К настоящему времени общее число окольцованных птиц перевалило за миллион.

Улетают птицы, унося на своих лапках легкие алюминиевые кольца, с выгравированными на них цифрами и словами: «Сообща — Москва». Пройдут месяцы и годы, прежде чем некоторые из окольцованных птиц вповь попадут в руки людей. Так, по крупницам разгадываются птичьи тайны: пути пролета, места их гнездования и зимовок, продолжительность жизни и многое-многое другое. Возвраты колец, поступающие в Институт зоологии АН КазССР из разных уголков Советского Союза, Индии,

Ирапа. Вьетнама, Монголии, Африки, стран Западной Европы, дают все новые и новые любопытные факты. Установлено, что в среднем за сутки птицы пролетают не более ста километров, после чего в благоприятных кормных местах отдыхают и набираются сил для продолжения пути. Но нам известны и уникальные случаи транзитного перелета. Так, деревенская ласточка, окольцованная в южном Казахстане, на четвертый день уже строила гнездо в Новосибирской области, преодолев на одном дыхании более двух тысяч километров. Да, могуч инстинкт продолжения рода! Кольцеванием было выяснено, что скворец за сутки пролетел 1230, а кулик-фили — 1440 километров. Окольцованный в конце апреля на озере Рудольфа (Кения) кулик-воробей в начале августа был отловлен в низовьях Тургая. Прошло чуть более трех месяцев, а энергичный куличок за это время успел прилететь в тундру, на место гнездования, вывести там своих птенцов и преодолеть полпути к месту зимовки.

Весной все пробуждается ото сна. Повинуясь вечному зову природы, тысячи перелетных птиц покидают зимние «дачи» и спешат в заветные места гнездовий. Весенняя миграция проходит быстрыми темпами, птицы торопятся, летят «транзитно», часто на большой высоте. По вот они на родине. Преодолен громадный путь. Разные опасности и невзгоды поджидали их на этом пути. Теперь для многих прилетевших птиц, наших земляков, они позади. Впереди у пернатых беспокойные, но приятные хлопоты по устройству гнезд, насиживанию яиц и выкармливанию птенцов.

Осень. Все короче и короче становятся дни, удлиняются ночи. Контраст виден всюду: в ярких красках увядающей растительности, в значительном перепаде суточных температур воздуха, да и днем — на солнце тепло, а в тени прохладно. Но вот-вот повеет холодным дыханием Севера, закружатся «белые мухи»...

Чувствуя это, покидают родные края птицы, успевшие вырастить свое потомство и теперь спешащие в теплые южные страны. Известно, что около восьмидесяти процентов наших гнездящихся птиц является перелетными. Есть предположение, что сигналом осенней миграции для них служит сокращение продолжительности светового дня. Возможно, так оно и есть. Ведь еще в конце лета, в августе, первыми начали отлетать некоторые насекомоядные птицы: стрижи, чечевицы, иволги, ласточки. А пищи для них тогда еще было вдоволь. Вспомните, какими живыми гирляндами из сотен особей облепляли электрические провода береговые ласточки и касатки. Под их тяжестью провода даже прогибались. А друзья полей и огородов — обыкновенные скворцы порой собирались в многотысячные стаи и темными облачками перемещались в поисках пищи, на водопой, а к ночи с шумом спешили на ночлег в лесополосы или тростниковые заросли. Впрочем, осенью не всегда скворцы — наши друзья. Об этом хорошо знают виноградари. Что поделаться, любят птицы полакомиться сладкими виноградными гроздьями.

Осенняя миграция более растянута. В сентябре все меньше становится птиц, многих старых знакомцев мы уже не встречаем в октябре, не слышны их звонкие голоса и песни. Другие звуки — крики тревоги, позывки, гомон и щебет стай — достигают нашего слуха. Порой с голубого еще неба, с непостижимой высоты льются на нас прощальные крики журавлей. Грустно, когда улетают птицы...

В УЗЕЛ СВЯЗАННЫЕ НИТИ

Изумительно красивы и чарующи восходы и закаты на стених озерах. Красное небо без конца и края медленно наливается вечером жаром уходящего солнца, огненными сполохами переливаются застывшие на горизонте тучки. Черные глубокие тени постепенно укутывают берега и плесы, в тихой воде отражаются четкие силуэты тростниковых стеблей, расчертивших блики яркого небесного огня на воде. Огромный шар поработавшего за день солнца как бы проваливается за линию горизонта. Словно склонясь перед таким великолепием красок, смолкают ненадолго звонкоголосые птицы, утихают надоедливые комары и мошки. Наступает тихий неповторимый вечер, отходят на задний план дневные заботы и тревоги, спокойно и безмятежно становится на душе. Каждой клеточкой уставшего тела ощущаешь величие и могущество матери-природы, ее бездонность и красоту, щедрость и доброту к нам, людям, ко всему живому, что есть на земле.

Из года в год на протяжении тысячелетий восходит и заходит солнце, чередуются времена года, оживают весной деревья и травы, чтобы осенью снова погрузиться в долгий сон. Из года в год осыпают тучи пушистым снегом землю или проливаются над ней живительными дождями. Каждый год прилетают к нам птицы и осенью улетают на южные зимовки, чтобы вернуться опять

весной на родину, вырастить потомство. Размеренно и привычно живет природа по своим неписаным законам, стремится поддерживать равновесие между живой и неживой частями планеты, между отдельными сообществами и организмами. В этом равновесии — залог и необходимое условие существования самой жизни.

Природа нашей республики исключительно богата и разнообразна. Тысячи видов растений и животных, миллионы разнообразных живых организмов населяют любой пригодный клочок земли в степях, пустынях, горах и лесах, все водоемы, почвы. Они постоянно взаимодействуют между собой, связаны различными отношениями, что как невидимые нити соединяют их в единое сложное сообщество, или экологическую систему. В ней все находится в постоянном движении, развитии, идет непрерывное превращение вещества и энергии. В ней все состоит из своеобразных «узелков» или циклов различной длительности и сложности.

Человек тысячи лет использует природные богатства, вмешивается в ход естественных процессов экосистем, и не замечал, не подозревал до последнего времени, что затрагивает их зыбкое равновесие, рвет тонкие нити сообществ. Экологический баланс их оказался очень хрупким и неустойчивым, он быстро и резко изменяется под воздействием различных факторов.

Ежегодно в пору расцвета природы, в период массового гнездования птиц на тростниковых займищах Балхаша и других водоемов Казахстана происходят весенне-летние пожары. Днем и ночью по несколько суток полыхают тростниковые джунгли на озерах Тургайской степи, в том числе и в государственном заказнике. В беспощадном всепожирающем огне горит будущее потомство птиц и других животных, среди которых есть и представители Красной книги. Пожары бушуют одновременно на десятках гектаров, чему способствуют обычные в этих местах сильные ветры. Стоит гул и треск. К небу, на высоту телеграфных столбов, взлетают яркие протуберанцы пламени. Клубы черного дыма бешеным водоворотом поднимаются еще выше и длинным шлейфом стелются над степью, покрывая ее пеплом на многие километры. И над всем этим хаосом с отчаянными криками в панике мечутся лебеди, гуси, утки, чайки, из тростников слышен пронзительный визг

погибающих поросят. После пожаров остается черная обугленная земля, пройдет немало дней, пока она вновь зазеленеет, но уже не возродит сгоревших заживо животных, тысячи гнезд птиц.

Но чьей же вине происходят весенние палы? Поджигатели — чабаны, выпасающие скот в прилегающей к озерам степи. Делают это сознательно, с «благим» намерением улучшить пастбище или сенокос, при попустительстве местных хозяйственников, наверняка знающих, что этим нарушается закон об охране природы. Иначе как варварством это не назовешь!

Так же губительно для обитателей водоемов сплошное выкашивание тростниковых зарослей. Некогда наполненные жизнью, они превращаются на год — два в мертвое царство. Вспомним также хищнические способы вылова рыбы браконьерами, бесконтрольный выпас на берегах водоемов сотен тысяч овец и коз, лошадей и коров, сбор кладок фазанов, уток и чаек чабанами и подростками, осушение целых водных систем, вырубку водохранилищ, наконец, массовое браконьерство, чтобы понять, в какой опасности находятся ныне озера, болота и их обитатели. Не только уничтожением или ухудшением среды обитания опасна деятельность человека, но и прямым истреблением животных. Не случайно более половины «краснокнижных» видов составляют бывшие охотничьи звери и птицы.

Человек стал всемогущим, это так. Создаются, вырабатываются и применяются все новые вещества, в том числе ядохимикаты и гербициды, все внушительнее и масштабнее становится хозяйственная деятельность. Осушаются реки и озера, сооружаются каналы и водохранилища, вырубаются леса и насаждаются искусственные леса и сады, распаиваются степи, скотом вытаптываются пустыни, на глазах меняется лик земли. Человек уничтожает или вырывает из природных сообществ отдельные виды растений и животных, помещает иные виды в новые места. Яркий пример — завоз и акклиматизация североамериканской ондатры в водоемах СССР.

Такие действия, часто экологически необоснованные и порой безграмотные, ведут к нарушению исторически сложившихся природных взаимосвязей, к нарушению равновесия, а иногда и к

катастрофическим последствиям, получившим название экологического кризиса. Слишком много на памяти человечества печальных и трагических примеров подобной бездумной деятельности, чтобы забыть о них, не извлечь уроков на будущее. Завоз дикого кролика из Европы в Австралию, колорадского жука из Америки в Европу, водяного гиацинта из Африки в Америку, африканской злобной пчелы в Южную Америку...

Нарушив природный баланс экологических систем, человек невольно привел к гибели одни виды растений и животных и, напротив, способствовал стремительному росту численности других, пежелательных видов. Наглядный пример — уменьшение численности гусей и уток, вспышка численности серой вороны, грача, скворца, воробьев. Под воздействием человека все менее устойчивыми становятся естественные экологические системы, а искусственно созданные на полях, в садах и огородах, на рыбозаводных прудах вообще не могут существовать самостоятельно.

Человек не только сын природы, но и ее составная неразрывная часть. Как в каждом сложном механизме любой винтик и шестеренка важны, так и в природе любой вид важен, неповторим и незаменим. Стоит вырвать одно звено из бесчисленного множества природных цепей-нитей, как это неминуемо приведет рано или поздно к изменениям в природном равновесии и, в конечном итоге, к ухудшению условий жизни людей. Увы, у многих из нас еще не укладывается в сознании, что гибель каких-то «букашек» все равно так или иначе отразится на их судьбе или судьбе потомков. Но всем нам стало ясно, что человек не может жить вне природы и без природы, без шелеста трав и щебета птиц, без чистого неба и воды. Да, вмешательство человека в природу неизбежно. Но так ли неизбежны его печальные последствия? Наука уже доказала существование взаимосвязей природных явлений везде и во всем, доказала необходимость и нужность достижения и поддержания равновесия в экосистемах. Наступило время от этих знаний переходить к действиям ради того, чтобы наш общий дом планета Земля был по-прежнему красивым и богатым, обеспечивал человечество всем необходимым.

Среди бесчисленного множества природных сообществ самы-

ми богатыми и сложными считаются водоемы. Чтобы изучить все механизмы взаимодействия в экологической системе даже маленького озера или пруда, требуются десятки лет упорнейшего труда многих специалистов, вооруженных современными приборами и методами исследований.

Вглядитесь внимательнее в жизнь любого озера или болота, реки или пруда. Вот непроходимой стеной встал у берега зеленый тростник, покачивая раскидистыми метелками. Плотными коричневыми свечками соцветий заявляет о себе рогоз. На плесе, покрытом широкими круглыми листьями кувшинок и кубышек, распустились их крупные белые цветы. Яркие голубые, зеленые и коричневые стрекозы реют над водой, охотятся за мошкой и комарами. На воде медленно расходятся круги от плеснувшей рыбы. Стороной пролетела стайка крикв, заготовали вдалеке гуси. В зарослях у берега разливается чудной песней варакушка, стрекочут сверчки и камышевки. Как много здесь живности, особенно птиц! Водоемы дают нам рыбу и ценных пушных зверей, пресную воду и лечебные грязи, идущий на удобрения ил-сапропель, мясо и перо охотничьих птиц. Как верно подмечено: вода — это жизнь. С водоемами неразрывно и тесно связано существование многих птиц, о чем рассказывалось в предыдущих главах. Стоит загубить или основательно испортить озеро, болото и никаким путем не сохранить уже живущих на них растений и животных. Кроме того, в силу своей труднодоступности водоемы стали своеобразными убежищами для других животных, обитающих в культурном ландшафте. Даже на окраинах городов и сел на озерах по-прежнему шелестит на ветру тростник, квакают лягушки, поют камышевки, прятуются в зарослях пастушки и даже утки, слетаются на ночевку грачи, скворцы, трясогузки, ласточки и воробьи. Вот почему экологи, ботаники и зоологи решительно выступают в защиту всех естественных водоемов, особенно рек и озер.

Для человека любые водоемы всегда значили и значат слишком много, чтобы отказаться полностью от их использования. Издавна люди селились по берегам рек и озер, соблазняясь питьевой водой, обилием пищи, удобными водными дорогами. Осушенные земли дали богатые урожаи. Однако превращение болот и пойм

рек в пахотные земли, неумеренный забор воды на полив, вырубка лесов и выжигание растительности чреват катастрофическими последствиями и неизбежно ведут к нарушению климата и обеднению природы. Нужен компромисс между использованием и сохранением водоемов. В этом нас убеждает опыт некоторых стран, где в разумных пределах собираемые на болотах ягоды, рыба, дичь и пушнина давали больше продукции, чем дали бы поля на их месте. И без того высокую продуктивность водоемов можно повысить в десятки раз путем проведения несложных биотехнических и хозяйственных мероприятий. Такие опытные работы были проведены на озерах лесостепи и степи Западной Сибири и дали блестящие результаты.

О важности сохранения водно-болотных угодий свидетельствует заключение международных соглашений об охране торфяных болот (проект ТЕЛЬМА) и охране местобитаний водоплавающих птиц (проект МАР). Наша страна одной из первых подписала эти соглашения, провела инвентаризацию таких водоемов и включила их в соглашение. На территории Казахстана к водоемам международного значения (категория А), имеющим важнейшую роль для сохранения водоплавающих и околоводных птиц, отнесены озера рек Тургая и Иргиза, озера Кургальджин и Тенгиз. Они этого заслуживают.

Тургайско-Иргизский озерный район издавна славился обилием водоплавающих птиц во время пролета и липьки. В многоводные годы на озерах, раскинувшихся на десятки тысяч гектаров среди обширных опустыненных пространств Центрального Казахстана в Актюбинской области, весной и осенью останавливаются и пролетают свыше двух — трех миллионов гусей, уток, лысух и куликов, торопящихся на места гнездования в Западную Сибирь. Осенью дикие утки подолгу пируют на Тургайских озерах перед броском через пустыни на Арал и Каспий. На грязевых, исключительно кормных отмелях табуняются сотни тысяч куликов, разнообразных чак и крачек. В отдельные дни на илистые отмели приземляются стаи серых журавлей, а по соседству устраиваются на водопой степные журавли-красавки. На озерах гнездится свыше двадцати пяти тысяч пар различных водных птиц, в том числе

лебедь-шипун, серый гусь, утки, поганки и лысуха. На летнюю линьку собирается до трехсот тысяч уток. Они выбирают водоемы по своему вкусу: одни предпочитают мелководные, поросшие тростником, другие открытые горько-соленые, третьи — глубокие озера с обилием погруженной растительности.

Несмотря на охрану этих сказочно богатых водных угодий работниками Тургайского республиканского заказника, птицам приходится там нелегко. На некоторых озерах по-прежнему ведется рыболовство, сохраняются водопой и выпас скота по берегам, проводится ежегодно выкашивание и выжигание тростника. Это приводит к гибели птиц и их гнезд. Нередко браконьерство. Отрицательно сказывается также распашка земель по берегам, приводящая к уменьшению стока и заливанию озер. Наконец, на степных речках, питающих озера, построены глухие запруды и дамбы, перекрывающие сток паводковых вод, что ведет к засолению озер и их усыханию. В настоящее время рассматривается вопрос о создании Тургайского заповедника площадью четыреста семьдесят тысяч гектаров, что позволит улучшить охрану водоемов и воспроизводство водоплавающих птиц.

Среди крупнейших озер Центрального Казахстана самым примечательным по праву считается Тенгиз, раскинувшийся привольно в сухих степях на восемьдесят пять километров в длину и на тридцать километров в ширину. Настоящее соленое море с буйными волнами, со множеством небольших плоских островов, топками открытыми берегами. Озеро мелководное и очень кормное, летом кишит рачками, личинками мух-береговушек, моллюсками. Озеро Кургальджин намного меньше Тенгиза, с обрывистыми берегами и богатой надводной растительностью. На нем также много островов, тихих заводей и заливов. Эти два водоема расположены на трассе знаменитого пролетного пути птиц, связывающего индийские, африканские и каспийские зимовки с гнездовьями в Северном Казахстане, Западной и Средней Сибири. Свыше четырех миллионов водоплавающих и околоводных птиц останавливается на отдых в этих благословенных местах. В огромном количестве собираются они сюда и летом на линьку. Попробуйте представить себе скопление из двухсот семидесяти тысяч пеганок, ко-

торые липяют одновременно на Тенгизе, десятки тысяч огарей, сотни тысяч уток и лысух. Тенгиз — главное, а до недавнего времени единственное место гнездования фламинго в СССР, гнездовая его колония насчитывает в разные годы девять — двадцать семь тысяч пар. Гнездятся на нем кудрявые пеликаны, огари и пеганки, тысячи чаек, некоторые кулики. О ценности водоемов говорит и то, что орнитологи отметили на них двадцать два вида птиц, внесенных в Красную книгу СССР. Во многом способствует сохранению замечательных озер и обитающих на них птиц Кургальджинский государственный заповедник. Но воздействие хозяйственной деятельности человека вне заповедной территории, по соседству, усиливается с каждым годом. Воды реки Нуры интенсивно без всяких расчетов используются на полив, русло ее перегорожено дамбами и плотинами. Ведется неумеренный выпас скота, зимний промысловый лов рыбы, заготовка сена и тростника, бесконтрольно используются моторные лодки, что усиливает фактор беспокойства, нередки случаи браконьерства. Такие действия несовместимы со статусом международного водного угодья!

Для сохранения уникальных озер и их фауны целесообразно срочно расширить существующие границы Кургальджинского заповедника, рационально, с учетом интересов охраны природы использовать воды реки Нуры, ограничить хозяйственную деятельность на границах заповедника, устранив полностью фактор беспокойства в самый ответственный для птиц период размножения.

Из семи заповедников Казахстана только три славятся разнообразием и обилием водоплавающих и водно-болотных птиц: Кургальджинский, Наурзумский и Маркакольский. Заповедники являются в нашей стране высшей формой охраны природы и всех ее компонентов. Они сыграли важную роль в сохранении и восстановлении численности многих исчезающих видов растений и животных. Согласно статусу заповедников, их территория навечно изымается из хозяйственной деятельности, они становятся эталонами природных ландшафтов, где естественные процессы происходят без вмешательства человека. Нам приходилось бывать в этих заповедниках, а в Кургальджинском один из авторов работал орнитологом несколько лет.

Прелесть и очарование Аксуатских озер, словно бусы раскинувшихся в Тургайской ложбине, в полной мере раскрываются жарким летом, когда выгорают окрестные степи, а зелень тростниковых зарослей и блеск голубой воды особенно желанны и заманчивы. Степные озера оглушают гомоном птичьих криков и шумом взлетающих утиных стай. Наурзумский заповедник невелик, его площадь составляет около восьмидесяти восьми тысяч гектаров. На долю озер приходится около тридцати процентов. Они мелководные, питаются за счет стока мелких речушек, пересыхающих летом, и атмосферных осадков; в большинстве вода соленая или солоноватая. Озера богаты рыбой, что привлекает рыбоядных птиц. В теплое время года они кишат водоплавающими и околоводными птицами, орнитологи отметили уже двести тридцать видов птиц. Самые многочисленные из них — серый гусь, кряква, чирок-трескунок, серая утка, широконоска, лысуха, большая, серощекая и черношейная поганки. Гнездятся лебеди — шипуны и кликуны, красnobаш, чернозобая гагара, редчайшая утка — савка. На протяжении шестидесяти лет в заповеднике проводятся наблюдения за пролетом птиц, изучается их биология и поведение, разрабатываются мероприятия по охране птиц и их местообитаний. Учитывая важность этих озер для воспроизводства водных птиц, рассматривается вопрос о переводе их в ранг угодий международного значения.

Среди казахстанских заповедников Маркакольский сравнительно молод, но уже сыграл большую роль в сохранении многих птиц. Акватория занимает площадь чуть более сорока тысяч гектаров. Озеро Маркаколь, жемчужина Южного Алтая, расположено на высоте полутора километров над уровнем моря. Заповедник богат птицами, которых насчитывается около двухсот видов. Три четверти из них гнездящиеся, остальные наблюдаются во время сезонных миграций. Из редких видов особым вниманием пользуются черный аист, орлан-белохвост и скопа.

Богатейшие водные угодья, насыщенные птицами, есть также в других районах республики. В перспективе многие из них будут объявлены водоемами категории «Б» по конвенции МАР, как имеющие национальное, или всесоюзное значение. В Кустанай-

ской области широко известны озеро Тениз и степные Приубаганские озера. Там выявлено место массового сбора холостых серых журавлей на линьку. Более тысячи красавцев-журавлей укрываются на нем летом среди топей и тростниковых зарослей. В Тургайской области в срочной охране нуждается озеро Сары-Коба. Там линяют фламинго, свыше двадцати тысяч серых гусей, десятки тысяч уток, лебеди-шипунуны. В Кокчетавской области необходимо взять под охрану озеро Селеты-Тенгиз, на котором собираются на линьку тысячи серых журавлей, пеганок, лебедей-шипунунов, останавливаются отдохнуть и покормиться сотни тысяч уток. Настоящий птичий рай! Еще не поздно его сберечь. Заслуживает внимания и охраны озеро Чаглы. В его тростниковых зарослях в массе гнездятся утки и лысухи, а на мелких кормных плесах останавливаются стаи уток, слетающихся в июне и июле на линьку. В Актюбинской области на озере-соре Челкар-Тенизе, озерах Кырым и Бахчаколь в отдельные годы гнездятся фламинго, кудрявые пеликаны и большие бакланы, в большом числе линяют огари и пеганки. В Восточно-Казахстанской области знамениты красотой и обилием птиц дельты рек Черного Иртыша и Кендерлыка. Действенного внимания и охраны требует и озеро Зайсан, где имеется заказник, но его явно недостаточно. В Чимкентской области следует беречь как уникальное место зимовки водоплавающих птиц и орланов-белохвостов Чардаринское водохранилище. Не утратили окончательно своего значения для птиц низовья реки Чу, где на соленых заросших озерах гнездятся лебеди, утки, лысухи и большие бакланы, проводят лето стаи розовых пеликанов.

На весь мир прославились озера Алакольской котловины в Талды-Курганской и Семипалатинской областях, где впервые были обнаружены гнездовья воскреснувшего из небытия вида — реликтовой чайки. Здесь еще обычна синеклювая утка — савка, которую в ряде стран Южной Европы начали разводить в неволе ради выпуска в природу. Алма-Атинская область располагает уникальными дельтовыми водоемами реки Или в южной части озера Балхаш, до недавнего времени невероятно богатых водными птицами. Сооружение Капчагайского водохранилища резко ухудшило условия обитания птиц в дельте реки, но и в наши дни она зас-

луживает внимания и заботы. В охране нуждается также водоем-накопитель Сорбулак, ставший местом массового гнездования и зимовки водоплавающих птиц.

Мы не случайно так подробно остановились на важности и необходимости сохранения водно-болотных угодий. Ведь они — «дом» для водоплавающих и околоводных птиц. Исчезнут водоемы — исчезнут и птицы, несмотря на все усилия по их охране. Сохранение мест обитания — основа охраны птиц, впрочем, как и всех животных и растений. Первоочередное внимание необходимо уделять охране наиболее богатых птицами водоемов, играющих важную роль в сохранении их крупных группировок, или популяций, особенно редких и исчезающих видов. Наконец, сами по себе любые водоемы уникальны и неповторимы, являются своеобразными эталонами природы республики и ее ландшафтов. Чем крупнее охраняемый водоем, тем он важнее для птиц. Оптимальные границы охраняемых водоемов могут определить только специалисты. А вот подсказать им предполагаемые места могут охотники, любители природы.

Как показала практика, мало создать заповедник или заказник на бумаге. В каждом конкретном случае важно своевременно оценивать административные и хозяйственные возможности выделяемых угодий, географическое расположение, физические условия, темпы естественной и антропогенной трансформации и деградации водоема. Установлено, что охраняемые озера на юге республики могут быть в два-три раза меньше по площади, чем на севере, что обусловлено их разной ролью в жизни птиц в разных природных зонах. При организации охраны угодий мы должны считаться с интересами сельского, лесного и рыбного хозяйства, развития индустрии отдыха и туризма. Однако необходимо брать во внимание и интересы дикой природы, ее обитателей. Красная книга, порождение хозяйственной, а во многих случаях бесхозяйственной деятельности человека, должна стать не последним «убежищем» исчезающих и вымирающих видов, а руководством по их спасению для каждого человека.

Чтобы знать, как охранять, надо знать, что охранять. До недавнего времени мы не располагали сведениями о численности и

тенденциях ее изменения даже самых обычных видов, не говоря о редких или скрытно живущих. Начиная с 1984 года зоологи нашей страны приступили к работе по учету животных и составлению Государственного фаунистического кадастра.

Кадастр — это список животных, содержащий их полную характеристику: географическую, биологическую, социально-экономическую. В нем найдет отражение специфика каждого вида и животного мира как единого целого в масштабах страны, республики и отдельных регионов. Конечная цель составления кадастра — разработка направлений рационального использования фаунистических ресурсов, включая водоплавающих и околоводных птиц, героев нашей книги, наладить и улучшить их охрану.

Опыт заповедников, заказников и лучших охотничьих хозяйств республики убедительно показывает, что разумная деятельность человека с учетом интересов охраны природы, и в том числе птиц, имеет положительные результаты. Птицы быстро, в считанные недели и месяцы заселяют новые рукотворные водоемы: рыбопродуктивные пруды, водохранилища, накопители. Они селятся в степи и пустыне вблизи артезианских скважин, обеспечивающих их минимумом воды, а также на временных водоемах. Наибольшего разнообразия и численности птицы достигают на водоемах с мозаикой разнообразных местообитаний: островков, илистых галечниковых и песчаных отмелей, небольших плесов, мелководий с тростниковыми чащобами. Чем лучше защитные, кормовые и гнездовые условия, чем меньше действует фактор беспокойства, тем больше там будет птиц. Современная техника позволяет создавать искусственные водоемы без особых затруднений, но практически это еще не осуществляется.

В отдельных охотничьих хозяйствах используются лишь некоторые из рекомендуемых биологами-охотоведами мероприятий. Так, в сплошных тростниковых зарослях устраивают прокосы, изготавливают искусственные островки из кусков славин, высаживают продуктивные виды кормовых растений, как дикий водяной, или канадский, рис, рдесты. Широко практикуется изготовление и установка на водоемах искусственных гнездовий для диких уток в виде тростниковых шалашиков, деревянных ящиков, душлянок и

др. Утки охотно занимают такие укрытия и успешно выводят утят. Для зимующих птиц применяют подкормку в экстремальные периоды, когда из-за глубокого снега и толстого льда они не в состоянии самостоятельно добывать пищу.

Мы не должны допустить, чтобы оскудевали и исчезали наши прекрасные водоемы, чтобы гибли понапрасну дикие звери и птицы. Не так и много в Казахстане естественных замечательных природных комплексов, чтобы мириться с их потерями. Пришло время действовать, действовать решительно и экологически грамотно.

В беспокойной жизни орнитологов есть немало приятных встреч и минут. С каждой новой поездкой становится более понятной сокровенная жизнь птиц. От каждой экскурсии мы ждем радости встреч с неизвестными и редкими видами. Каждой весной в преддверии экспедиции все сильнее бьется сердце в ожидании новых находок, маленьких и больших открытий. И как хочется разделить это чувство, эти надежды и радости с теми, кто искренне влюблен в птиц, природу, кому не безразличны ее проблемы.

СОВЕТУЕМ ПРОЧЕСТЬ

- Беме Р. Л., Кузнецов А. А. Птицы открытых и околоводных пространств СССР. Полевой определитель. М.: Просвещение, 1983.
- Бутурлин С. А. Что и как наблюдать в жизни птиц. М., 1948.
- Второв П. П., Дроздов Н. Н. Определитель птиц фауны СССР. М.: Просвещение, 1980.
- Жизнь животных. Т. 5. Птицы. М.: Просвещение, 1986.
- Иванов А. И., Штегман Б. К. Краткий определитель птиц СССР. Л.: Наука, 1978.
- Красная книга Казахской ССР. Ч. I. Позвоночные животные. Алма-Ата: Кайнар, 1978.
- Красная книга СССР. Т. I. Животные. М.: Лесная промышленность. 1985.
- Мальчевский А. С. Орнитологические экскурсии. Л.: Издательство ЛГУ, 1981.
- Михеев А. В. Определитель птичьих гнезд. М.: Просвещение, 1975.
- Мухин И., Артюхов А. Фотоохота. М.: Физкультура и спорт, 1978.
- Охота за голосами /Сост. Сладков Н. И. Л.: Детская литература, 1982.
- Птицы Казахстана. Тт. 1—5. Алма-Ата: Наука, 1960—1972.
- Флинт В. Е. и др. Птицы СССР. М.: Мысль, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Казахстан — озерная страна	17
Орнитологические экскурсии	22
Жизнь на соленых озерах	79
Птичьи базары речных дельт	93
Обитатели морских кос и островов	119
Удивительный мир болот	134
Тайны пойменных тугаев	153
Рукотворные водоемы	173
Голубые жемчужины Алтая	188
Гордость Алаколя	209
Синяя птица Тянь-Шаня	226
На разливах	238
В узел связанные нити	257
Советуем прочесть	270

Хроков Валерий Васильевич,
Кошелев Александр Иванович

ПТИЦЫ ОЗЕР И БОЛОТ

Фото

В. Хрокова, А. Кошелева, В. Якушкина

Редактор

А. А. Трофимова

Художник

А. В. Ефимцев

Художественный редактор

А. Н. Байсеркеев

Технический редактор

Т. В. Суранова

Корректор

Д. А. Наумова

ИБ № 3478

Сдано в набор 23.08.88. Подписано в печать 12.04.89. УГ 17095.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1.

Гарнитура обыкновенно-новая. Печать высокая.
Объем в усл. п. л. 11,9. Уч.-изд. л. 12,8. Усл. кр.-отт. 15,22.
Тираж 15 000. Заказ 1936. Цена 1 руб. (с пр. пл.).

Издательство «Кайнар»

Государственного комитета Казахской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения
полиграфических предприятий «Кітап»
Государственного комитета Казахской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

Среди поразительного многообразия птиц представители водно-болотного комплекса занимают особое место. Птицы, экологически связанные с водной средой, составляют более половины от числа всех видов, зарегистрированных в пределах нашей страны. В численном же отношении они превосходят многие другие группы птиц.

